

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ.
КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2021

№ 26

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «Текст. Книга. Книгоиздание»

Айзикова Ирина Александровна – главный редактор,
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета
E-mail: wand2004@mail.ru

Воробьева Татьяна Леонидовна – зам. главного редактора,
канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Баль Вера Юрьевна – ответственный секретарь,
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Гридина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

Ершов Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета

Есипова Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Жилякова Наталья Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета

Калиткина Галина Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета

Мароши Валерий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета

Пугачев Валерий Вениаминович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета

Старикова Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета

Шарафадина Клара Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Щитова Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Пржигицкий В.А.</i> Сибирское купечество как фактор формирования культурного ландшафта региона в очерках и рассказах Н.И. Наумова 1870–1880-х гг.	5
<i>Шум О.Ю.</i> Особенности выражения авторской субъективности в художественном эго-тексте (повесть Р. Сенчина «Чего вы хотите?»)	23
<i>Комуцци Л.В.</i> Джойсовская традиция письма в прозе М. Шишкина и ее воплощение в повести «Слепой музыкант»	40

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Сквайрс Е.Р.</i> Первопечатные травники Германии из собрания РГБ: на пути к массовой литературе	60
<i>Долгушин Д.В.</i> Учебные периодические издания в «придворной педагогике» М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Статья вторая	88
<i>Волков И.О.</i> Письмо В.П. Титова к В.Ф. Одоевскому как неизвестный отклик на статью И.С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (к вопросу о восприятии тургеневской трактовки образа Гамлета современниками)	104

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Харитонов В.В.</i> Особенности трансформации издательской индустрии	117
<i>Глазкова А.В.</i> Возрастной рейтинг книжной продукции и уровень удобочитаемости: о взаимосвязи двух показателей	129
<i>Зылевич Д.П.</i> Авторская книга в современном репертуаре белорусских изданий	143

РЕЦЕНЗИИ

<i>Маслова Е.Г., Дубровская С.А.</i> «Гениальному Михаилу Михайловичу Бахтину...»: каталог инскриптов на книгах, подаренных М.М. Бахтину, как источник его научной биографии. Рецензия на книгу «Издания с дарственными надписями в коллекции “Личная библиотека М.М. Бахтина” Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Мордовия» : каталог / сост. Н.Н. Земкова; ред. О.А. Пальтина. Саранск, 2018. 264 с.	164
<i>Снигирева Т.А., Подчиненов А.В.</i> Поколение самиздата. Рецензия на книгу: Русина Ю. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. СПб. : Алетейя ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 204 с.	179
<i>Цветова Н.С.</i> Рецензия на монографию: Шарафадина К.И. «Селам, откройся! Флоропозтика в образном языке русской и зарубежной литературы». СПб. : Нестор-История, 2018. 544 с.	190
Сведения об авторах	195
Правила оформления статей	197

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Przhigotskiy V.A.</i> Siberian Merchants as a Factor in the Formation of the Cultural Landscape of the Region in Nikolay Naumov's Essays and Stories of the 1870s–1880s	5
<i>Shum O.Yu.</i> Expressive Features of Author Subjectivity in the Literary Ego-Text (Roman Senchin's <i>What Do You Want?</i>)	23
<i>Comuzzi L.V.</i> Joyce's Literary Tradition in Mikhail Shishkin's Prose and Its Evocation in the Story "The Blind Musician"	40

BOOK IN CULTURE

<i>Squires C.R.</i> German Incunabula Herbals from the Russian State Library: Towards Popular Literature	60
<i>Dolgushin D.V.</i> Educational Periodicals in the "Court Pedagogy" of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. Article Two	88
<i>Volkov I.O.</i> Vladimir Titov's Letter to Vladimir Odoevsky as a Well-Known Response to Ivan Turgenev's Article "Hamlet and Don Quixote" (Contemporaries' Reception of Turgenev's Interpretation of the Image of Hamlet)	104

BOOK PUBLISHING

<i>Kharitonov V.V.</i> Features of the Publishing Industry Transformation	117
<i>Glazkova A.V.</i> Age Rating of Books and Readability: On the Correlation of Two Indices	129
<i>Zylevich D.P.</i> The Author's Book in the Modern Repertoire of Belarusian Publications	143

REVIEWS

<i>Maslova E.G., Dubrovskaya S.A.</i> "To the Brilliant Mikhail Mikhailovich Bakhtin ...": A Catalog of Inscriptions on the Books Donated to Mikhail Bakhtin as a Source for His Biography. Book Review: Paltina, O.A. (ed.) (2018) <i>Izdaniya s Darstvennymi Nadpisyami v Kollektzii "Lichnaya Biblioteka M.M. Bakhtina" Natsional'noy Biblioteki im. A.S. Pushkina Respubliki Mordoviya</i> [Publications with Dedicatory Inscriptions in the Collection "M.M. Bakhtin's Personal Library" in the National Library of the Republic of Mordovia Named After A.S. Pushkin]. Saransk. 264 p.	164
<i>Snigireva T.A., Podchinenov A.V.</i> The Samizdat Generation. Book Review: Rusina, Yu.A. (2019) <i>Samizdat v SSSR: Teksty i Sud'by</i> [Samizdat in the USSR: Texts and Destinies]. St. Petersburg: Aleteyya; Yekaterinburg: Ural Federal University	179
<i>Tsvetova N.S.</i> Book Review: Sharafadina, K.I. (2018) <i>Selam, otkroysya! Floropoetika v Obraznom Yazyke Russkoy i Zarubezhnoy Literatury</i> [Selam, Open Up! Floropoetics in the Figurative Language of Russian and Foreign Literature]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya	190

Information About the Authors	195
--	-----

Rules for Article Submission	197
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 82-32

DOI: 10.17223/23062061/26/1

В.А. Пржигоцкий

СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА РЕГИОНА В ОЧЕРКАХ И РАССКАЗАХ Н.И. НАУМОВА 1870–1880-х гг.¹

***Аннотация.** Рассмотрены рассказы и очерки сибирского писателя-чиновника Н.И. Наумова 1870–1880-х гг., представленные в сборниках «Сила соломѣ ломит», «В тихом омуте» и «В забытом краю». Исследованы идейно-эстетические особенности изображения в данных произведениях сибирского купечества, оказавшего значительное влияние на формирование культурного ландшафта Сибири. Показано, что данные особенности обусловлены взаимовлиянием различных социальных полей, занимаемых Наумовым в эти годы, и стоявшей перед ним проблемой поиска региональной идентичности.*

Ключевые слова: *Н.И. Наумов, писатель-чиновник, сибирское купечество, сибирская литература, социальное поле, культурный ландшафт, региональная идентичность.*

Сибирское купечество как особый социальный и культурный феномен, сыгравший свою роль в формировании культурного ландшафта региона, нашло отражение в целом ряде произведений русской литературы XVIII и XIX вв. [1, 2]. Важное место среди них занимают написанные в 1870–1880-е гг. рассказы и очерки сибирского писателя, многие годы прожившего в Томске, Николая Ивановича Наумова. Вошедшие в пантеон народнической беллетристики, эти произведения, которые можно отнести к текстам «местного самосознания» (так

¹ Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

данный феномен наименовывался сибирскими областниками), довольно активно изучались в советское и постсоветское время.

При этом, если вопросы, связанные с изображением рабочих, крестьян, переселенцев и коренных народов в творчестве Наумова были освещены в разных аспектах в ряде работ [3–9], то образ сибирского купечества в его рассказах и очерках, обращенный к проблеме идентичности, в данном случае региональной, в контексте национального самосознания, остался практически не изученным. Для осмысления такого типа идентичности требуется принять во внимание локальные и общероссийские мифы о Сибири, представляющие ее в противоположных вариантах: и как пространство инициации, и как место страданий и притеснений, беззакония и безысходности. Не менее важно учитывать и идеологические и публицистические дискуссии о Сибири, их диалог в контексте исторического периода, окрашенного идеей сепаратизма сибирского региона, которая базировалась на совмещении представления об отставании Сибири от России и превосходстве первой над последней.

Важными факторами интерпретации темы купечества в творчестве писателя-чиновника Наумова можно считать взаимодействие его литературной и служебной деятельности, неоднократные переезды из Сибири в Санкт-Петербург и обратно, а также идеологию сибирского областничества, с которой он солидарен в рассматриваемые десятилетия, и народничества, тоже оказавшего сильное влияние на писателя.

Соответственно, целью статьи является анализ особенностей изображения сибирского купечества в произведениях Н.И. Наумова 1870–1880-х гг. как импликации архетипа, национального типа купца (торговца) в сибирские сюжеты и как движущей силы развития сибирского региона, влияющей, кроме прочего, на становление его культурного пространства, вызревание его идентичности.

Проведенный в контексте взаимовлияния занимаемых писателем различных социальных полей анализ со всей очевидностью демонстрирует господство прагматических возможностей сочинений Наумова над художественными. Отталкиваясь от архетипа купца, от национальных традиций его изображения в литературе, Наумов сознательно погружает своих героев купеческого сословия в социополитическую реальность, что, однако, диктовало отказ от индивидуализации героя, его незавершенность.

Показывая реальность во всей ее подробности, документальной точности, что совпадало с поисками русской литературы конца XIX в., Наумов вместе с тем мифологизировал ее в духе региональной и общероссийской мифологии о Сибири, о чем речь шла выше. И в первую очередь Наумов оказался во власти представлений о Сибири как забытом, отсталом крае и связанных с этим поисков областниками новой идентичности сибиряка, направленных на формирование его личностного начала.

Прежде всего под этим углом зрения рассматривалось сибирское крестьянство, отличающееся традиционным, сохраняющим свою силу только в Сибири «общинным» мировоззрением. Уже в своих ранних рассказах Наумов разрушал этот миф, показывая трудный процесс пробуждения в сибирском крестьянине индивидуального начала, его попытки идентифицировать себя как отдельность от общины [10]. Проходящие в ситуации провинциальности, неразвитости Сибири не только в экономическом, но и в культурном плане, эти попытки нередко выливались в разрушительные для человека и социума формы, что и демонстрируют образы сибирских купцов, вышедших из крестьянства и не только отбившихся от общинного образа жизни, но и агрессивно противостоящих всем его устоям, жестоко и цинично уничтожающих все его традиции.

В середине 1880-х гг. Наумов писал: «...Ищу везде общину, общинные инстинкты, так звучно воспетые Златовратским и, о горе, <...> не нахожу» (цит. по: [11. С. 393]). О разрушении крестьянской общины в Сибири и о превращении сибирского мужика в хищного единоличника писал и Г.Н. Потанин, вспоминая встречу в Томске с М.А. Бакуниным: «...случайно у него вырывались оригинальные суждения о Сибири, из которых, впрочем, я запомнил только одно. Он мне сказал, что сибирский крестьянин индивидуален. Почему он так думает, оснований он не привел; я запомнил эту фразу только потому, что она была сказана политическим авторитетом, и только вдолге потом я подыскал для нее свое оправдание. Русский крестьянин, землепашец, общинник, коллективист, перейдя через Уральский хребет, превратился в зверолова: жизнь в тайге, часто одинокая наедине с природой, в борьбе с опасностями, требовала от него большей инициативы, и он из коллективиста превратился в индивидуалиста. В то же время земельный простор, найденный крестьянами в Сибири, имел послед-

ствием, что на первых порах вместо общинного землепользования в Сибири повсюду завелось заимочное хозяйство» [12. Т. 6. С. 87]. Далее, вспоминая о своем посещении уральской казачьей общины, Потанин писал, что интерес к этой форме крестьянского хозяйствования зародился у него еще до обучения в университете, под влиянием статей Н.Г. Чернышевского. Сравнивая уральскую общину с сибирской, Потанин отмечает, что первая есть «продукт продолжительной исторической русской жизни... последний результат русской кристаллизующейся жизни. Как законченное произведение русского социального творчества, уральская община – такой же архаический памятник древности, как Малороссия, Дон и Москва, но Сибирь, по сравнению с этими архаизмами, представляется иным явлением. К западу от Урала коллективные инстинкты формировали организации, сплачивали, цементировали, выливали их в формы с великолепной тонкой отделкой, и вдруг открылся край – Сибирь. Колонизационная волна унесла русских людей на восточный простор, и конец коллективизму. Русский коллективный человек превращается в необузданного индивидуалиста, от русской земельной общины не остается следа» [Там же. С. 148–149].

Правда, будущее Потанин связывает все-таки с сибирской общиной, но другого типа – гармонично совмещающей личное и коллективное. Черты такого идеального синтеза он видит в уральской казачьей общине: «Войсковое хозяйственное правление недреманным оком следит, чтобы какое-нибудь производство не оказалось лазейкой для ретивого индивидуалиста создать личное благополучие в ущерб своим собратям. Регламентация хозяйства, устанавливаемая казачьей бюрократией, контролируется общественным мнением массы. Народная масса не спускает глаз с деятельности правления. Она сама находится в непрерывной деятельности. <...> Все это по совокупности сильно объединяет население области. Все чувствуют, что они составляют нечто цельное, какое-то одно тело. <...> Ни в одной русской общине вы не встретите такой солидарности населения, как здесь. Возрасты, общественное положение, чины – все здесь объединено» [Там же. С. 149–150].

Будучи сибирским чиновником по крестьянским делам, Наумов создавал свои произведения на основе богатого материала, полученного в ходе государственной службы, и вряд ли мог разделять утопические идеи Потанина в полном объеме.

В 1882 г. выходит фундаментальный труд Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония», где он, помимо прочего, излагает областнические представления о характере торговых отношений в Сибири: «Как по отношениям к инородцам, так и во всей своей промышленной деятельности на Востоке, местное торговое сословие, как мы видим, следовало своим особым путем наживы и обогащения. История показывает нам, что постоянными целями, к которым оно стремилось, была монополия. <...> Подобный класс монополистов и спекуляторов является ныне силою, давит на общество, кабалия массу людей, руководит общественными делами, преследуя личные цели, заискивает у властей, рисуется благотворителями, а в последнее время – и просвещенными негоциантами, но на деле преследует цели монополии и грубейшего бесправия и наживы» [13. С. 289, 303]. Подобный идеологический посыл встречается и в произведениях Наумова, о чем говорит тот же Ядринцев: «Черты из жизни сибирского крестьянства, убиваемого и разоряемого мироедством, кулачеством, кредитом и закабалением... мы находим в любопытных бытовых очерках Н.И. Наумова, представивших замечательно ярко и правдиво эти явления крестьянской жизни» [Там же. С. 276].

Рассматриваемые произведения Наумова изначально были опубликованы в ведущих российских демократических журналах своего времени, а затем вошли в состав трех сборников, изданных в Санкт-Петербурге в 1870–1880-е гг. Ориентированные на создание «эффекта реальности», все рассказы характеризуются очерковым началом, обильным использованием фактов, реальных событий, конкретных деталей быта. Некоторые рассказы писатель даже называет очерками.

Однако при всем старании сфокусировать взгляд на материале и его достоверности, Наумов непременно и достаточно четко транслирует читателям свою идеологическую концепцию. Тема сибирского купечества оказалась для писателя в этом плане наиболее репрезентативной. Показательно в связи с этим сравнение писательских стратегий Наумова и А.Н. Островского. Несмотря на то, что Наумов считается бытописателем сибирской деревни и всех слоев ее населения, в своих произведениях он не заостряет внимание на бытовом укладе жизни купцов (как, например, это делал А.Н. Островский). Вместо этого он концентрируется на изображении социальных аспектов сибирского купечества. Это может быть связано не только с влиянием

областничества и народничества, но и с социальным положением самого Наумова. В отличие от ряда других писателей-современников, изображавших торговое сословие, Наумов сам к нему не принадлежал и не знал его изнутри. Хотя по долгу службы, как уже было сказано выше, ему приходилось вникать в проблемы этого нарождающегося класса.

Для понимания специфики изображения Наумовым представителей сибирского купечества следует также отметить и специфику читательского адреса его беллетристики. Его рассказы и очерки были обращены не только к столичной демократической интеллигенции, но и к народным массам. И если в первом случае задачей Наумова была актуализация сибирской литературы в европейском и общерусском культурном пространстве, то во втором случае он стремится сформировать читательскую рецепцию художественных произведений, посвященных обозначенной теме. К последнему его активно подталкивали областники Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, стремившиеся создать сибирскую литературу, которой должно было быть отведено важное место в интеллектуальном развитии края: «Кому же должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса? Эта роль должна принадлежать местной литературе, которую до сих пор наша Сибирь не имеет. <...> Создание местной литературы будет зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития масс» [12. Т. 5. С. 21–28]. В Наумове они видели подлинного сибирского писателя: так, Г.Н. Потанин отмечал, что рассказами Наумова начинается сибирская беллетристика, ставя его в один ряд с Г.И. Успенским [Там же. Т. 7. С. 231–238].

Впервые образы купцов появляются в рассказах Наумова 1870-х гг., когда он находился под заметным влиянием народничества. В частности, в произведениях сборника «Сила соломѹ ломит», изданного кружком чайковцев в 1874 г., он изображает сибирского купца прежде всего как «мироеда» – разорителя и эксплуататора сибирских крестьян и инородцев. При этом, несмотря на то что представленные купцы зачастую сами оказываются выходцами из крестьян, между эксплуататорами и эксплуатируемыми не оказывается решительно ничего общего.

Так, из экспозиции рассказа «Юровая» читатель узнает о существовании одноименной зимней ярмарки, о главном местном промысле – ловле рыбы, впадающей в зимнюю спячку, и о методах закабаления крестьян приезжающими на ярмарку купцами: «Петр Матвеич сам объезжал все села и деревни, лежавшие вверх и вниз по Иртышу, для сбора рыбы от крестьян, забравших под улов ее деньги. Должники всегда с трепетом ожидали его приезда. Каждый из них знал, что, какое бы горе и нужда ни застигли его, он не мог рассчитывать на снисхождение к нему Петра Матвеича. “Брал и отдай!” – твердил Петр Матвеич в ответ на мольбы, слезы и поклоны крестьянина или инородца. А вопиющая нужда все-таки вынуждала этот бедный люд прибегать к нему за деньгами и отдавать свою лучшую рыбу за цены, не вознаграждающие даже и труда» [14. С. 78–79].

В рассказе «Деревенский торгаш» рассказывается об эксплуататорских путях наживы торгующего по купеческому свидетельству крестьянина Прохора Игнатьевича Белкина: «Он скупал у крестьян, пользуясь постоянно нуждою их в деньгах, по мелочам мед, воск, хлеб и другие продукты, какими богат кузнецкий округ; брал и скот, задавал деньги инородцам под зимний улов зверя и ежегодно по первому зимнему пути отправлял купленный по мелочам и за бесценок товар значительными обозами в Томск, где продавал с тройною выгодой. Давал он и деньги в ссуду застигнутым какою-нибудь крайностью крестьянам: приезжали ли, например, волостные чины за сбором податей, – угрожаемые розгами в случае неуплаты денег неимущие шли к нему; падал ли у кого скот, – он не отказывал просителю в деньгах на покупку нового, но только облагодетельствованные им мужички долго потом не могли оправиться от его обязательной ссуды и немало дивились, почесывая затылки, нарастающим процентам, хотя предусмотрительный Прохор Игнатьевич всегда умалчивал о них при ссуде» [Там же. С. 39].

В рассказе «Крестьянские выборы» повествователь вновь рассуждает о ключевых условиях закабаления крестьянской бедноты и инородцев и безудержного обогащения кулаков и купцов. В данном случае он описывает ситуацию бездоимочного сбора податей, осуществляемого с применением мер телесного наказания, продажей крестьянского имущества за гроши и т.д. [Там же. С. 196–199]. Следует также отметить, что сам Наумов как чиновник по крестьянским делам не раз

расследовал дела, связанные с подобным произволом. В донесениях томскому губернатору И.И. Красовскому он неоднократно высказывался о порочности существующей системы взимания податей и недоимок, приводящей к разорению крестьянских хозяйств [15, 16]. Этот пример в очередной раз доказывает, что различная институциональная деятельность Н.И. Наумова находилась в постоянном взаимодействии и была направлена на служение Сибири и сибирякам.

Строящиеся на четком выделении авторской позиции (субъекта высказывания) и персонажа (объекта высказывания), рассказы Наумова очевидно подразумевают и адресата высказывания, т.е. читателя. В духе своих народнических и областнических убеждений писатель целенаправленно формирует нового сибирского читателя, вставая, однако, при этом на архаическую, свойственную литературе XVIII в. позицию отношений писателя и читателя, в которых первый выполняет роль демиурга, всеведущего и всезнающего учителя. Отсюда вытекает арсенал художественных приемов и тактики их применения Наумовым. В частности, образ купца как «мироеда» чаще всего конструируется через описание внешнего – отталкивающего – вида персонажа.

Например, в «Деревенском торгаше», знакомя читателя с Прохором Игнатьевичем Белкиным, повествователь сразу расставляет для читателя нужные акценты: «Но всего рельефнее бросилась бы в глаза любопытному выдающаяся из окна ее, как из рамы, наружность владельца лавочки, человека пожилых лет, с пухлою белою физиономией, какими преимущественно отличаются люди, торгующие по купеческим свидетельствам. Узенькие заплывшие глаза его ярко светились из-за густых русых бровей, всегда судорожно сжимавшихся у переносья, когда на толстых губах мелькала улыбка; в каждой черте этого лица, обрамленного красивой окладистой бородой, проглядывала самоуверенная ирония и то мелочное и, если можно так выразиться, грошовое лукавство, составляющее особенную типичную черту торгашей и барышников» [14. С. 38].

Неприятной наружностью отличался и купец Петр Матвеич из рассказа «Юровая», на лице которого «...не пролегалo ни одной мягкой черты» [Там же. С. 77]. Еще более выпуклым этот образ делает присутствие в произведении его антипода – народного заступника Ивана Калинина. В отличие от своих оппонентов, эти герои, широко представленные в сборнике «Сила солому ломит», выделяются ро-

стом, физической силой и красивыми чертами лица. Противопоставляется также и поведение героев: в разговоре с Иваном Калининым Петр Матвееч быстро теряет самообладание, под меткими обличительными упреками его лицо багровеет, а злая насмешка сменяется плохо скрываемым гневом: «– А-ах-ха-ха-а! С дураков-то таким манером я и сбиваю спесь-то, понял ли? – гордо осмотрев его, спросил он. – Понял! – тем же спокойным тоном отвечал тот. – Только растолкуй мне, кто из нас дураков-то выглядывал: ты ли, как поклоны-то отбирал, аль мужики? – И Кулев, и Авдей, и Семен, слышавшие ответ Ивана Николаевича, приметили, как кровь прилила к лицу Петра Матвееча и сузившиеся глаза его сверкнули недобрым светом» [14. С. 170].

Подробно описывая картины крестьянского горя, Наумов устами повествователя непременно рассуждает о Сибири как крае тотального беззакония: «И эти возмутительные сцены ежедневно повторяются в этом забитом нуждою мире – нуждою, подавляющей в человеке всякий проблеск сознания своего человеческого достоинства... И идет своим путем этот веками установившийся порядок. И проглянет ли когда в этот темный исстрадавшийся мир теплый луч разумной жизни, разумных человеческих отношений, один бог весть» [17. С. 121]. Этот отрывок, взятый из рассказа «Юровая», был подвергнут цензуре и не попал в прижизненные издания, однако подобный посыл встречается и в других произведениях Наумова 1870–1880-х гг. Несмотря на то, что описанная эксплуатация, вне всякого сомнения, имела место на всей территории Российской империи, удаленность Сибири, неразвитость ее гражданских институтов, отсутствие литературы и журналистики придавали особый характер и размах произволу сибирских купцов и прочих «мироедов». Последние изображены писателем местными «царьками», которые, подобно купцу Петру Матвеечу, требовали от зависимых должников всяческого поклонения и почитания. Неслучайно сборники Н.И. Наумова носят «говорящие» названия: «В тихом омуте», «В забытом краю», – намекая таким образом на удаленность Сибири от цивилизации и культуры.

Как правило, читателям предъявляется готовый и непротиворечивый, а потому довольно поверхностный и схематичный, предельно типизированный образ сибирского купечества. Более того, образ сибирского купца-мироеда в данных рассказах и очерках оказывается встроенным в коллективный образ «мироеда», объединяющий в себе

также кулаков и чиновников. В глазах героев-крестьян наумовских произведений, как и в глазах самого Наумова, эти социальные категории были родственны друг другу в своем стремлении к личному обогащению и способах эксплуатации крестьян: все они занимаются торговлей, ростовщичеством и с помощью своего капитала и местной власти утверждают и сохраняют эксплуататорские порядки. Об этом же, между прочим, пишет и Ядринцев: «Что замечательно, так это то, что явление монополии и кабалы выражается не в одном каком-нибудь сословии или группе в Сибири, но оно видно во всех слоях и проявляется также между крестьянами и кулаками, как и между крупными капиталистами» [13. С. 276].

Схематизм созданных Наумовым образов отмечал Г.Н. Потанин. Но, по мнению лидера сибирских областников, Наумову как «народному бытописателю» и не требовались большая глубина проработки характеров, погружение во внутреннюю жизнь, психологию сибирского купечества. Идейная же составляющая очерков и рассказов Наумова в целом поддерживалась Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым, видевшими в обличении сибирской буржуазии, разлагающей крестьянскую общину, служение Сибири и сибирякам. Помимо этого, она отвечала идеологии народничества и позволила писателю по возвращении из Сибири укрепиться в «демократическом» полюсе литературного поля: произведения сборника активно использовались в народнической пропаганде и имели успех у массового читателя.

Однако в поздних сборниках – «В тихом омуте» (1881) и «В забытом краю» (1882), наряду с общей эволюцией творчества Н.И. Наумова несколько меняется и характер изображения «торгового сословия», хотя, конечно, оценка сибирских купцов как «мироедов», однозначных антагонистов по отношению к крестьянской бедноте, в целом сохраняется, как сохраняется и приверженность самого Наумова либерально-народнической (областнической) идеологии. О последнем, в частности, свидетельствует речь писателя 26 октября 1881 г., произнесенная по случаю 300-летия присоединения Сибири: «Скажу одно: я счастлив уже тем, что судьба дала мне возможность с детства наблюдать жизнь нашего простолюдина, оценить гибкий, мощный ум его, таящийся под покровом невежества, постоянно слышать его речь, дышащую неистощимым юмором и сарказмом, не раз видеть поразительные примеры мужества и энергии, скажу без преувеличения, бес-

примерные. Такой народ стоит того, чтобы посвятить ему свои силы, и я до конца дней своих останусь верен задаче служить по мере данных мне природных способностей моей родине и народу» [18].

Тем не менее в 1880-е гг., укрепив свои позиции в литературном поле и стараясь не потерять там свое место, Наумов снижает социальную остроту произведений, а также пытается уйти от шаблонности как сюжетов, так и образов.

Так, в рассказе «Кающийся» (1880) перед взором читателя впервые в творчестве Наумова предстает разорившийся и раскаивающийся купец Еремей Осокин, всю жизнь занимавшийся перекупкой и ростовщичеством, учившийся у купцов, к которым пошел в юные годы на службу, воровать и обманывать. Повествование ведется в форме рассказа-исповеди героя, представшего автору-повествователю глубоким стариком в штопаной рубаше, живущим в полуразрушенной избушке. Все его богатство уместается в побуревшем от времени мешке, где хранятся истрепанные Псалтырь, Евангелие и Библия. Смыслом его жизни стало раскаяние, обретение душевного покоя через веру и служение людям. Его знали во всей волости и «звали к умершим читать Псалтырь».

В рассказе «Фургонщик» (1882), также впервые в творчестве Наумова, торговец – фургонщик Луковнин – не предстает обличаемым персонажем. Более того, он становится объектом если не симпатии, то по крайней мере сочувствия и понимания автора-повествователя. В духе потанинских мечтаний о «новом» сибирском купце Луковнин описан как выходец из крестьян, сосланный в Сибирь за поджог дома купца Петрова, у которого он был прислугой. В ссылке, пройдя через страдания, он занялся торговлей, став фургонщиком, в финале рассказа он – состоявшийся купец, вновь обретший личное счастье, утраченное на родине вследствие совершенного преступления.

Тема Сибири как пространства возможностей для развития звучит и в рассказе «Кающийся», однако здесь она интерпретируется как поиск «фортуны» и новой богатой (в материальном отношении) жизни. Именно здесь сформировался деловитый и предприимчивый характер Еремея Васильевича Осокина, позволивший ему стать «первейшим в округе богачом». Путь героя прямо противоположен пути фургонщика Луковнина – приобретая богатство и независимость, Осокин теряет себя и все человеческие связи с миром.

Значительное влияние на жизнь героев-сибиряков оказало развитие добычи золота в Сибири. Ко второй половине XIX в. золотопромышленность становится ключевой отраслью добывающей промышленности в данном регионе. Именно в период сибирской золотой лихорадки обогатился крестьянин Терентий Савич – отец торгующего крестьянина Кузьмы Терентьевича («Паутина»), который до этого момента жил в глубокой бедности. Результат обогащения тот же, что у Осокина: герой попадает в паутину, в которую всю жизнь заманивал, подчиняя себе, окружающих его людей.

Справедливый суд над купцами, погрязшими в грехах и преступлениях, в рассказах Наумова вершат природные стихии. Так, пожар погубил хозяйство и семью Еремея Васильевича Осокина («Кающийся»), что, впоследствии, и побудило его встать на путь искупления грехов. Огонь разорил и Кузьму Терентьевича, героя рассказа «Паутина».

Несмотря на ряд попыток более глубоко и противоречиво представить образ сибирского торгового сословия, Наумов все же сосредоточен на обличении его как безусловного эксплуататора, единоличника, забывшего о законах совести и чести. При этом в сборниках «В тихом омуте» и «В забытом краю» картины купеческого произвола знакомят читателя с отношениями купцов с другими, по сравнению с первым сборником, социальными группами и явлениями.

Так, рассказ «Паутина» представляет собой сцены из жизни сибирских приисковых рабочих-«таежников», которые по пути домой лишаются всего – и столь трудно доставшегося заработка, и человеческого лица и подобия – в лавках, промысляющих спекулятивной торговлей алкоголем и различным ширпотребом. В рассказе «Горная идиллия» читатель знакомится с историями разорения купцами коренных алтайских племен: «Купцы скупают у теленгутов молодой скот, оставляют его у инородцев и берут тогда, когда он подрастет, т.е. по истечении 3–4 лет. Все выгоды подобной торговли, конечно, на стороне купцов, потому что весь ущерб в скоте, который случится за это время, возмещается ими на хранителе скота, бывшем его хозяине, обязанном безвозмездно пасти его и охранять от всяких случайностей. <...> Теленгуты в настоящее время обременены такими неоплатными долгами, погасить которые мало десятков лет; а между тем за долги эти давно уже уплачены ими суммы, в десять, если не в двадцать раз большие» [19. С. 102–103]. При этом, как и Н.М. Ядрин-

цев в упомянутом ранее труде, Наумов ссылается на исследования своего современника – видного ученого-этнографа В.В. Радлова, авторитетное слово которого, по замыслу автора, придаст достоверности изображаемым в произведении сценам.

Купцы-мироеды и в этих рассказах выглядят и ведут себя довольно карикатурно, что видно на примере купца второй гильдии Назара Степановича Куртегешова. Кузьма Терентьевич из рассказа «Паутина» не осознает того, в незамысловатом рассказе о себе открывает свою грабительскую сущность перед собеседником. В рассказе «Как аукнется, так и откликнется» образ центрального героя-купца низводится повествователем до надетой на нем лисьей шубы. Даже имя героя так и остается неизвестным.

В рассказах 1880-х гг. по-прежнему подчеркивается объективность, «правдивость» изображаемой картины мира. Так, завязкой рассказов «Кающийся», «Паутина» и «Горная идиллия» выступает приезд автора-повествователя, о котором известно, что он оказывается в том или ином населенном пункте по чиновничьим делам, где и выступает свидетелем событий, связанных с купеческим произволом. Такой прием, нацеленный на введение в рассказы «невывымышленного повествования», является развитием «эффекта реальности» как одной из ключевых черт творчества Наумова. К тому же автобиографичный герой-рассказчик, отчасти повторяющий служебный путь Наумова, дает возможность наглядно изобразить отношения между представителями сибирского купечества и чиновничества. Автор-повествователь тем более примечателен, что являет собой, как и сам Наумов, пример честного чиновника, занимающегося в первую очередь поисками правды, которая всегда оказывается в рассказах Наумова на стороне эксплуатируемого народа.

Данный прием также демонстрирует взаимовлияние различных социальных полей, позиции в которых Наумов занимал последовательно или параллельно. Так, государственная служба не только определяла тематику его произведений, но и влияла на их поэтику. Помимо автобиографичного образа героя-рассказчика, для них характерны четко определенные временные и пространственные границы. Указывая год, месяц, конкретный населенный пункт и прочие обстоятельства, в которых разворачивается действие, автор тем самым усиливает очерковое начало.

При этом занимая, как было показано ранее, прочные позиции в областническом поле, Наумов реализует соответствующие установки в изображении Сибири и сибирского купечества. Продолжая знакомить читателя с этногеографией Сибири, писатель (устаи героя-рассказчика), с одной стороны, заостряет внимание на ее «естественных» достоинствах. Так, например, в рассказе «Паутина» герой-рассказчик восхищается красотами Алтая, а в «Горной идиллии» отмечает положительные качества коренных народов. С другой стороны, в рассказах настойчиво звучит мысль, выполняющая циклообразующую функцию: естественное благополучие, природная гармония Сибири нарушаются вмешательством человека, часто пришедшего в Сибирь извне, приносящего в это пространство новые веяния, но вместе с ними и сложнейшие проблемы и вопросы. Соответственно, ограждение Сибири от несвойственной ей хищнической эксплуатации, разрушения устойчивых ценностей, стремление уравновесить движение края вперед и потери, которые несет Сибирь в этом движении, – в этом Наумов, чиновник-писатель, и его автобиографические авторы-повествователи, как правило, чиновники, видят единство роли чиновничьего класса и писательского корпуса в развитии Сибири.

Так, изображая сибирское купечество в рассказах и очерках 1870–1880-х гг., Н.И. Наумов реализовывал установки, обусловленные его гомологичными позициями в различных социальных полях (литературном, государственном, идеологическом). Их взаимовлияние своеобразно отразилось на эстетике и поэтике рассматриваемых произведений. В результате документализм в изображении сибирского купечества, острая социальная проблематика рассказов на эту тему, поиски региональной идентичности оборачивались характеристиками массовой литературы (в том числе схематичными, предсказуемыми, идеологически заданными образами самих купцов и формируемой ими реальности), а ценные этнографические и геокультурные факты перемежались идеалистическими областническими и народническими представлениями о будущем развитии Сибири.

Литература

1. Кулешова Е.А. Образ сибирского купца в произведениях художественной литературы конца XVIII – первой половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 16–20.

2. Кулешова Е.А. Религиозно-нравственный аспект в изображении купца сибирскими писателями конца XVIII – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С. 193–201.

3. Беспалова Л.Г. Рабочие Сибири в творчестве Н. И. Наумова // Сибирь в художественной литературе. Тюмень : Кн. изд-во, 1961. С. 3–30.

4. Кубиков И.Н. Рабочие сибирских золотых промыслов в очерке Н.И. Наумова «Паутина» // Рабочий класс в русской художественной литературе. Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : Моск. рабочий, 1928. С. 114–123.

5. Беспалова Л.Г. Крестьянство Тобольской губернии в XIX веке (по произведениям Н.И. Наумова) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1961. Вып. 2. С. 73–84.

6. Беспалова Л.Г. Н.И. Наумов о переселенчестве в Сибирь // Ученые записки кафедры русского языка Тюменского государственного педагогического института, 1960. Вып. 1. С. 173–192.

7. Беспалова Л.Г. Переселение крестьян в Сибирь в творчестве русских писателей // Земля Тюменская : сб. Тюмен. обл. краевед. музея. Тюмень, 1965. Вып. 4. С. 53–63.

8. Макарова Е.А. «Я чуть не каждый день вижу эти сцены»... «Ах, если б было время писать!» (Ситуация «внутреннего пограничья» в служебной и творческой деятельности сибирского писателя Н.И. Наумова) // Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 190–217.

9. Попов И.Г. Два очерка Н.И. Наумова о народах Алтая // Труды историко-филологического факультета Якутского университета. 1966. Вып. 1. С. 150–157.

10. Пржиготский В.А. Первый цикл рассказов Н.И. Наумова «Мирные сцены военного быта» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 28–35.

11. Очерки русской литературы Сибири : в 2 т. / АН СССР, СО, Ин-т истории, филологии и философии ; редкол.: А.П. Окладников (гл. ред.) и др. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. 606 с.

12. Литературное наследство Сибири : в 7 т / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. Т. 5. 408 с.; 1983. Т. 6. 336 с.; 1986. Т. 7. 340 с.

13. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. XI, 471 с.

14. Наумов Н.И. Сила солому ломит : рассказы из быта сибирских крестьян. СПб. : Тип. К.Н. Плотникова, 1874. 417 с.

15. Наумов Н.И. Донесение томскому губернатору, 1886 г. // ОРКП НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. 1 л.

16. Наумов Н.И. Сопроводительная записка томскому губернатору к донесению священника Тюменцева Е., 1888 г. // ОРКП НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50. 2 л.

17. Наумов Н.И. Собрание сочинений : в 3 т. / вступ. ст. и коммент. С.Е. Кожевникова. Новосибирск : Новосибир. обл. гос. изд-во, 1940. Т. 1. 364 с.

18. Наумов Н.И. Речь по случаю 300-летия присоединения Сибири к России, 1881 г. // ОРКП НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 42. 1 л.

19. Наумов Н.И. В забытом краю : рассказы из быта сибирских крестьян. СПб. : Тип. С. Добродеева, 1882. 314 с.

Siberian Merchants as a Factor in the Formation of the Cultural Landscape of the Region in Nikolay Naumov's Essays and Stories of the 1870s–1880s

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 5–22

DOI: 10.17223/23062061/26/1

Vladislav A. Przhigotskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: hoald@mail.ru

Keywords: Nikolay Naumov, writer-official, Siberian merchants, Siberian literature, social field, cultural landscape, regional identity.

The research is carried out under the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education, Project No. 0721-2020-0042.

Siberian merchants as a special social and cultural phenomenon that played a role in the formation of the cultural landscape of the region was reflected in several works of the Russian literature of the 18th and 19th centuries. An important place among them belongs to the stories and essays of the Siberian writer Nikolay Naumov created in the 1870s–1880s and included in the pantheon of populist fiction. These works can be attributed to the texts of “local consciousness”, and they were quite actively studied in the Soviet and post-Soviet times. At the same time, the image of Siberian merchants in Naumov’s works that addresses the problem of regional identity in the context of national identity remained practically unexplored. Important factors in the study of this image in the works of the writer-official Naumov are the interaction of his literary and official activities; the ideology of Siberian regionalism, whose member he was at that time; and the ideology of populism, which also had a strong influence on him. Accordingly, the aim of the article is to analyze the features of the depiction of Siberian merchants in Naumov’s works of the 1870s–1880s as an implication of the archetype, the national type of a merchant in Siberian plots. The analysis carried out in the context of the mutual influence of the various social fields occupied by the writer demonstrates the dominance of the pragmatic possibilities of Naumov’s works over the literary ones. Focused on creating a “reality effect”, all the stories are characterized by essay beginning, abundant use of facts, real events, specific details of everyday life. However, with all his efforts to focus his gaze on the material and its reliability, Naumov certainly and quite clearly communicates his ideological conception to the reader. As a rule, the presented image of the Siberian merchant class is completed and consistent, and therefore rather superficial and schematic, extremely typified. Moreover, the image of the Siberian merchant *miroed* (lit. “world eater”; exploiter) is part of the collective image of the

miroed, which also includes kulaks and officials. The influence of the field of public service can be traced both in the subject matter of the works and in their poetics. In particular, they contain an autobiographical image of the hero-narrator (official), and they are also characterized by clearly defined temporal and spatial boundaries, which strengthens the essay element. Telling the reader about the ethnography and geography of Siberia, the writer (through the hero-narrator) draws attention to its “natural” merits, on the one hand, and persistently voices the idea, which performs a cycle-forming function, that Siberia’s natural well-being and harmony is violated by human intervention often coming to Siberia from outside, on the other. Accordingly, Naumov sees the common role of officials and writers in the development of Siberia as the protection of Siberia from predatory exploitation, which is not typical for the region, and from the destruction of lasting values.

References

1. Kuleshova, E.A. (2013) The image of the Siberian merchant in the Russian literature at the end of the 18th – the first half of the 19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(26). pp. 16–20. (In Russian).
2. Kuleshova, E.A. (2013) Religious and moral dimensions of a merchant’s figure presented by Siberian writers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4(12). pp. 193–201. (In Russian).
3. Bepalova, L.G. (1961) Rabochie Sibiri v tvorchestve N. I. Naumova [Siberian workers in N.I. Naumov’s works]. In: *Sibir' v khudozhestvennoy literature* [Siberia in Belles-Lettres]. Tyumen: Kn. izd-vo. pp. 3–30.
4. Kubikov, I.N. (1928) *Rabochiy klass v russkoy khudozhestvennoy literature* [Working Class in Russian Fiction]. 4th ed. Moscow: Mosk. Rabochiy. pp. 114–123.
5. Bepalova, L.G. (1961) Krest'yanstvo Tobol'skoy gubernii v XIX veke (po proizvedeniyam N.I. Naumova) [The peasantry of the Tobolsk province in the 19th century (based on N.I. Naumov’s works)]. *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 2. pp. 73–84.
6. Bepalova, L.G. (1960) N.I. Naumov o pereselenchestve v Sibir' [N.I. Naumov on resettlement to Siberia]. *Uchenye zapiski kafedry russkogo yazyka Tyumenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute*. 1. pp. 173–192.
7. Bepalova, L.G. (1965) Pereselenie krest'yan v Sibir' v tvorchestve russkikh pisateley [Resettlement of peasants to Siberia in the works of Russian writers]. *Zemlya Tyumenskaya*. 4. pp. 53–63.
8. Makarova, E.A. (2009) “Ya chut' ne kazhdyy den' vizhu eti stseny”... “Akh, esli b bylo vremya pisat'!” (Situatsiya “vnutrennego pogranich'ya” v sluzhebnoy i tvorcheskoy deyatel'nosti sibirskogo pisatelya N.I. Naumova) [“I see these scenes almost every day” ... “Oh, if only there was time to write!” (The situation of the “internal borderland” in the official and creative activities of the Siberian writer N.I. Naumov)].

In: Ayzikova, I.A. & Makarova, E.A. *Tema pereseleniya v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-kh gg.: problema dialoga* [The theme of resettlement to Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860s – 1890s: the problem of dialogue]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 190–217.

9. Popov, I.G. (1966) Dva ocherka N.I. Naumova o narodakh Altaya [Two essays about the peoples of Altai by N.I. Naumov]. *Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta Yakutskogo universiteta*. 1. pp. 150–157.

10. Przhigotskiy, V.A. (2020) The Peaceful Scenes of Military Life: The First Cycle of Stories by Nikolai Naumov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 454. pp. 28–35. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/454/4

11. Okladnikov, A.P. (ed.) (1982) *Ocherki russkoy literatury Sibiri: v 2 t.* [Essays on Russian literature in Siberia: in 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.

12. Yanovskiy, N.N. (1969) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: v 7 t.* [Literary heritage of Siberia: in 7 vols]. Vol. 5. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.

13. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya: k yubileyu trekhstotletiya: sovremennoe polozhenie Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloe i budushchee* [Siberia as a colony. On the occasion of the three hundredth anniversary: the current state of Siberia, its needs and requirements, its past and future]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

14. Naumov, N.I. (1874) *Sila solomu lomit: rasskazy iz byta sibirskikh krest'yan* [Might is right: stories from the life of Siberian peasants]. St. Petersburg: K.N. Plotnikov.

15. Naumov, N.I. (1886) *Donesenie tomskomu gubernatoru, 1886 g.* [Report to the Tomsk governor, 1886]. Department of Manuscripts and Rare Books of the Research Library of Tomsk State University. Fund 2. List 1. File 48.

16. Naumov, N.I. (1888) *Soprovoditel'naya zapiska tomskomu gubernatoru k doneseniyu svyashchennika Tyumentseva E., 1888 g.* [Covering note to the Tomsk governor to the report of priest E. Tyumentsev, 1888]. Department of Manuscripts and Rare Books of the Research Library of Tomsk State University. Fund 2. List 1. File 50.

17. Naumov, N.I. (1940) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibir. obl. gos. izd-vo.

18. Naumov, N.I. (1881) *Rech' po sluchayu 300-letiya prisoedineniya Sibiri k Rossii, 1881 g.* [Speech on the 300th anniversary of Russia's annexation of Siberia, 1881]. Department of Manuscripts and Rare Books of the Research Library of Tomsk State University. Fund 2. List 1. File 42.

19. Naumov, N.I. (1882) *V zabytom krayu: rasskazy iz byta sibirskikh krest'yan* [In the Forgotten Land: Stories from the Life of Siberian Peasants]. St. Peterburg: S. Dobrodeev.

О.Ю. Шум

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЭГО-ТЕКСТЕ (ПОВЕСТЬ Р. СЕНЧИНА «ЧЕГО ВЫ ХОТИТЕ?»)

Аннотация. На материале повести современного российского писателя Романа Сенчина исследована специфика проявления рефлексивного типа авторской субъективности, в частности имплицитный способ выражения данного типа в автоповествовании с зыбкими границами между реальным и вымышленным. Установлено, что использованный в повести прием «овнешнения» в сочетании с фактуальным сюжетом позволяет рассматривать ее как эго-текст, отраживший процесс осознания писателем политических событий. Художественный эго-текст в виде «мысленного» дневника позволяет автору-субъекту имплицировать свою рефлексию, организовав пространство для дискуссии персонажа «Романа Сенчина» (своего альтер эго) и его дочери Даши, являющейся в произведении повествователем.

Ключевые слова: Роман Сенчин, «Чего вы хотите?», нон-фикшен, автофикция, авторская субъективность, имплицитность, эго-текст, самоинтерпретация.

Современный литературный процесс характеризуется увеличением количества произведений документальной направленности. «Нон-фикшен» подоплека в художественных текстах представляет собой факты биографии автора, претерпевшие образную гиперболизацию. В результате такой гиперболизации в произведении возникает некий сплав вымышленного и невымышленного начал. Своеобразие указанного синтеза заставило П. Басинского в 2015 г. поднять вопрос о пришедшем в современную российскую литературу новом «жанре». Литературовед заострил внимание на том, что «нон-фикшен» не равно «документ» или «документальная литература», это именно художественная литература, представляющая собой «парадоксальный» жанр: «художественная проза без вымысла» [1].

В зарубежном литературоведении указанный феномен привлек внимание исследователей ранее: уже в 1970-е гг. для синтеза автодокументального и художественного начал был предложен термин «автофикция» [2. С. 36]. Несмотря на то, что термин по сей день не явля-

ется устоявшимся, а его толкования вызывают споры, мы считаем его наиболее точным определением для литературы, в которой невымышленное начало настолько мимикрирует под вымышленное, что, не зная биографии автора, читатель может и не заподозрить присутствия документального и / или автобиографического начала в произведении.

Не вдаваясь во все дефиниционные тонкости (например, дискуссии ведутся о том, является автофикция самостоятельным жанром или это некий наджанровый модус [3. С. 36–37]), отметим, что в самом общем понимании автофикция есть некая гибридная литературная форма, представляющая автоповествование с зыбкими границами между реальным (референтным, фактуальным) и вымышленным (фикциональным), причем в результате взаимовлияния одно способно трансформироваться в другое.

Чтобы разграничить «фактуальное» и «фикциональное» в произведениях-автофикциях, необходим специальный анализ. Именно такое исследование предпринято в нашей работе, цель которой заключается в дополнении и уточнении содержания понятия «авторская субъективность», прямо связанного с феноменом художественного нон-фикшен. Подобный анализ, по нашему мнению, представляет перспективное направление исследования художественного текста, поскольку с его помощью можно как минимум по-новому взглянуть на уже устоявшие понятия.

Авторская (художническая) субъективность представляет субъектное начало идейного комплекса художественного произведения. По определению В.Е. Хализева, речь идет о «о выраженном в произведении комплексе мыслей и чувств, принадлежащих его создателю» [4. С. 56]. По степени рациональности исследователь разграничивает два типа художнической субъективности – рефлексивный (сознательные, направленные утверждения) и нерефлексивный (верования, аксиомы, проявляющиеся в произведении, минуя сознание автора).

В статье мы обратились к исследованию рефлексивного типа авторской субъективности: являясь результатом рационального освоения реальности, этот тип авторской субъективности именно по причине своей рациональности может быть выражен в художественном произведении не только более или менее отчетливо (эксплицитно), но и скрытно, подтекстово (имплицитно).

Эксплицитно выраженная в произведении авторская субъективность присуща, как правило, тенденциозным художественным текстам. В таких произведениях она становится одним из организующих начал, и ее легко обнаружить, поскольку открыто выраженные мысли и чувства автора «выпадают» из общего образного ряда произведения. Отличия наиболее заметны стилистически: автор начинает высказываться слишком прямо, в силу чего художественный текст приобретает публицистические черты.

ИмPLICITный способ выражения авторской субъективности более тонок, он значительно гармоничнее вписывается в художественную ткань произведения, обогащая его подтекстами и скрытыми смыслами. Мы решили исследовать именно этот способ, тем более что в современном литературном процессе есть произведение, автор которого, по нашему мнению, очень грамотно использовал имPLICITность в контексте актуальной политической проблематики, представляющей ключевое содержание текста.

Речь идет о небольшой повести современного российского писателя Романа Сенчина «Чего вы хотите?», впервые опубликованной в 2013 г. журналом «Дружба народов». Позже указанное произведение выходило в составе своеобразного триптиха: «Зима», «Чего вы хотите?», «Полоса», представлявшего основной текст одноименного с повестью сборника (Эксмо, 2013).

Роман Сенчин начал публиковаться в середине 1990-х гг., тогда же поступил в Литературный институт, по окончании которого прочно вошел в обиход наиболее интересных современных писателей. Его имя было связано с заявившем о себе в 2000-е гг. литературным направлением «новый реализм», однако Сенчин – самодостаточный автор со своим оригинальным художественным почерком, своей тематикой и проблематикой. Наиболее известным широкой публике произведением писателя является роман «Елтышевы» (2009), мрачная и жесткая история о деградации постсоветского человека. Но, хотя этот роман входил в шорт-листы ряда литературных премий, одну из побед писателю принес не он, а повесть «Чего вы хотите?»: в 2014 г. Сенчин стал лауреатом литературной премии «Ясная Поляна» и победил в номинации «Детство. Отрочество. Юность». Хотя произведение соответствует номинации, призванной отмечать книги, важные для поры взросления, идейный смысл «Чего вы хотите?», на наш взгляд,

шире. Возможно, повесть более значима как раз для взрослых людей, ровесников автора.

Творчество Сенчина неоднократно привлекало внимание исследователей. Предметом научного и критического анализа становились как отдельные произведения писателя, так и общая идейно-художественная специфика его прозы, рассмотренная сама по себе и в контексте феномена «новый реализм». Здесь можно вспомнить статьи А. Ганиевой [5] и С. Белякова [6], имеющие программный характер; работы, посвященные романам «Елтышевы» [7], «Зона затопления» (2015) [8], «Дождь в Париже» (2018) [9]; диссертационные исследования Е.М. Ротай [10] и А.А. Серовой [11]. Повесть «Чего вы хотите?» в связи с возрастом главной героини рассматривалась М.А. Черняк при исследовании основных стратегий развития современной прозы для подростков [12].

Не была обойдена вниманием и нон-фикшен составляющая творчества Сенчина, что закономерно: автоповествование, в котором тесно слиты реальное и вымышленное, т.е. автофикция, – это очень характерный для писателя способ изложения. Во многих произведениях он рассказчик и главное действующее лицо. Повествование ведется иногда от первого лица («Минус», 2001; «Нубук», 2002; «Вперед и вверх на севших батарейках», 2004 и др.), иногда от третьего с другим именем, но с событиями из реальной жизни автора (в этом плане показателен, например, сборник рассказов «Московские тени», 2009, в котором перемежаются оба вида рассказчиков).

Оценивая героя автобиографических произведений Сенчина, исследователи отмечали его безусловную близость автору и вслед за писателем характеризовали его довольно нелицеприятно: «чмо, скучный пацан, тормоз, пьяница, прелюбодей, трус, Смердяков. Он прячется от жизни, любит песни „с признаком дебилизма“, „все время врет и приbedняется“, „опять ноет“» [13. С. 96]; «эгоист, для которого семейная жизнь – клетка» [14. С. 137]; в его характере отчетливо выделяются «безволие, отсутствие стремления принимать решения, активно менять свою жизнь и окружающую действительность» [15. С. 1178]. Это не столько неудачник по внешним признакам: у него есть семья и работа, он является столичным жителем, сколько обреченный на внутреннее умирание при жизни, опустошенный, не реализующий свой потенциал человек, превратившийся в автоматически существующего обывателя.

Вялость, скука, «фотографирование» себя свойственны не только автогерою Сенчина. Так, в статье А.В. Татарина он рассмотрен в компании с автобиографическими героями С. Шаргунова и А. Аствацатурова. По мнению исследователя, в произведениях этих писателей создан образ «социально-бытового» человека, которого «мало интересуется мир как смысл», реальность для него «равна повседневности, воспоминаниям и личным неурядицам» [13. С. 97].

Продолжая наблюдения Татарина, заметим, что среди авторов «документалистов» Сенчин, на наш взгляд, выделяется наибольшей склонностью к бытописательству, его тексты насыщены обыденными деталями-подробностями, а скрупулезная манера письма отличается от более импрессионистского «почерка» Аствацатурова и Шаргунова.

Но, поскольку в отличие от своего автогероя писатель Сенчин – личность реализовавшаяся, практически во всех работах, посвященных автобиографической составляющей его прозы, звучит мысль о том, что сходство автора и его героя безусловно, но поверхностно. Разделяя данную точку зрения, мы посчитали необходимым более подробно всмотреться в имеющееся различие, которым, думается, обусловлено стремление Сенчина не ограничиваться все же констатацией факта безысходности существования «сорокета» (сорокалетнего «героя времени»), а попытаться найти если не выход, то хотя бы идею иного варианта судьбы.

В этой связи повесть «Чего вы хотите?», по нашему мнению, является примером имплицитного самоанализа, ее заголовок имеет концептуальное значение, поскольку этот вопрос обращен автором и к героям, и к читателям, и – что, на наш взгляд, особенно существенно – к самому себе. Отсюда и ключевая особенность произведения, состоящая в выборе повествователя: рассказ в повести ведется от первого лица, но рассказчиком является пятнадцатилетняя дочь писателя Даша, прототипом которой автор никак не может быть. Сам «Роман Сенчин» остается одним из главных персонажей и в повествование дочери не вмешивается. Все происходящие события, а также сам автор и его друзья, атмосфера бурлящей политическими страстями зимней Москвы 2011–2012 гг. переданы в восприятии Даши, которая, будучи рассказчиком-наблюдателем, задает вопросы, включая и заглавный, себе, другим героям, а также, разумеется, читателям.

Использованный в автофикции Сенчина прием «овнешнения» писателем себя в сочетании с фактуальным сюжетом позволяет нам рассматривать повесть «Чего вы хотите?» как эго-текст¹. Мы опираемся на трактовку понятия, представленную в работе одного из ведущих исследователей данного направления М.Ю. Михеева: эго-текст – «(1) это текст о себе самом, т.е. имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора, и (2) – текст, написанный с субъективной авторской точки зрения, т.е. человеком из эгоцентрической позиции, но также, конечно, и оба условия 1 и 2 одновременно...» [16].

Реальный создатель произведения локализует в художественном тексте свой образ, показывая самого себя, и остается при этом субъектом художественной деятельности, имманентным произведению. Михеев относит к эго-тексту дневники, записные книжки, мемуары, письма, автобиографические и исповедальные тексты, маргиналии и некоторые другие обиходные жанры. Жанров художественной литературы среди них нет, однако, по сути, автобиография, особенно беллетризованная, или исповедь недалеко отстоят от автофикции, не говоря уже о дневнике, форму которого многие писатели намеренно придавали изначально вымышленным произведениям. Возможно, самое очевидное различие между документальными и художественными жанрами заключается в том, что в первом случае читатель как бы заранее предупрежден, что повествование будет вестись о невымышленных событиях, а во втором такого «жанрового» предупреждения нет. Но при этом никто не может знать точного процента достоверности автобиографии, исповеди или дневника. Может быть соблюдена основная канва жизненных событий, но дофантазированы детали, выдуманы отдельные эпизоды. В автофикции, напротив, изначально дана установка на художественную гиперболизацию, но под завесой вымышленности автор вполне может разбираться в проблемах своей реальной жизни. По нашему мнению, такова роль фикционального начала в рассматриваемой повести Сенчина: оно становится своего рода защитным экраном для «Я» писателя и одновременно средством художественной типизации.

¹ Заметим, что популярность разнообразных форм Я-высказывания в современной культурной ситуации настолько велика, что позволила сформировать специальный тематический выпуск журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», посвященный дневниковой прозе (2019. № 20).

По жанровой форме эго-текст повести «Чего вы хотите?» представляет нечто среднее между своеобразным отрывком из семейной хроники и дневником. С одной стороны, перед нами рассказ о жизни семьи на фоне общественных событий, которые отражаются в жизни членов семьи и *на* ней. С другой стороны, на первый план в повествовании выведены все же не семейные отношения, а процессы, происходящие во внутреннем мире подростка Даши. Помимо этого, формату дневника соответствует содержание, ориентированное на реальные события, свидетелями которых являются герои повести, а также «пульсирующий», разделенный временными промежутками на фрагменты текст. Временные рамки повествования установлены точно: 18 декабря 2011 г. – 26 февраля 2012 г., каждая часть небольшой повести – это определенный день, всего их указано шесть (по числу глав). Временной промежуток, отделяющий события от их описания в произведении, также невелик: судя по тому, что первая публикация повести Сенчина в журнале «Дружба народов» состоялась в марте 2013 г., написана она по горячим следам.

Вместе с тем, сделав центром повествования будни рядовой московской семьи, а рассказчицей девочку-подростка, Сенчин пишет не о быте и не об отроческой психологии, а о политике. В повести идет напряженный процесс осознания социально-политических событий, которые выдвинуты на первый план практически во всех сценах. Тематика «Чего вы хотите?» социально-политическая. Даже в разговорах Дашиных одноклассников Сенчин находит моменты, так или иначе связанные с политикой. В этом плане интересна история с шарфиком Дашиного одноклассника Никиты Михайлова. Даша с подругой принимают шарф, в котором Никита пришел в школу, за опознавательный знак Гриффиндора – одного из факультетов школы волшебства Хогвартс из знаменитой серии романов о Гарри Поттере английской писательницы Дж.К. Роулинг. Однако оказывается, что на шарфе помещены не желтые и красные квадратики, как это описано у Роулинг, а желтые и красные полосы с изображением розы: «– Это эмблема молодых социалистов!» – поясняет Михайлов [17]. Оказывается, шарф выражает симпатию (или принадлежность) Дашиного одноклассника Всероссийской общественной организации «Молодые социалисты России», созданной в 2009 г. как молодежное звено партии «Справедливая Россия». Подобная трансформация шарфика видится

нам в контексте повести Сенчина символической: бытовое, житейское в произведении только прикрывает то главное, что волнует автора, – политическое прошлое, настоящее и будущее страны, а также личностное понимание, личностное отношение к нему.

Одной из задач Сенчина, по нашему мнению, стало стремление «оживить» историю, не «казенно» изобразить социально-политические события, которые неизбежно станут историей. Причем писателю важно представить их так для молодежи, недаром на роль повествователя была «назначена» девочка-подросток. В таком ракурсе одна из начальных сцен повести видится нам эпиграфом: Даша читает учебник истории в метро по дороге в музыкальную школу, но за бесцветными, шаблонными фразами девочка не видит ни людей, ни событий лета 1914 г., важнейшего периода в истории страны. «Даша усталилась в учебник, упорно стала вбивать в голову скучное и ненужное <...> Нет, не вбивается. Даже затоснило от всего этого. Непредставимого, сложного. Власть использовала какие-то монополии, монополии влияли на правительства... Закрыла учебник, сунула в футляр» [17]. Вопреки бесконечно далекому от жизни современных подростков учебнику Сенчин в своей повести показывает события новейшей истории как будничную составляющую жизни обычной московской семьи, затрагивающую всех ее членов, включая Дашу и даже ее маленькую сестру.

Вторая ключевая задача, которую стремится решить в своем произведении Сенчин и которая нам представляется особенно значимой в контексте нашего исследования, – это самоинтерпретация. Выбрав для повествования форму эго-текста с максимальным внешним отстранением от самого себя как героя и как автора, писатель маскирует политическую проблематику не только по тривиальной причине – идеология непопулярна у массового читателя, но и по более специфическим глубинным мотивам. Текст позволяет предположить, что автор-субъект не столь убежден в тех политических сентенциях, которые уверенно декларирует в повести его альтер эго. Оказавшись перед необходимостью осмыслить свою политическую позицию, Сенчин интерпретирует ее причинно-следственные связи, поскольку эго-текст дает ему возможность не только рассказывать о себе самом, но и трактовать собственную личность, исследовать ее.

Мы обратили внимание на одну из обмолвок автобиографического «Романа Сенчина», который, рассуждая о протестных акциях в Москве,

вспоминает роман М. Горького: «Если созрею когда-нибудь писать своего “Клима Самгина”, обязательно вставлю кусок про десятое декабря» [17]. Обмолвка не показалась нам совсем случайной, поскольку способ выражения авторской субъективности в знаменитой горьковской эпопее «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936) мы считаем типологически сходным с тем, который избрал в своей повести Сенчин. Писатель осмысливает политические события и представления интеллигенции о них в виде литературно оформленного жизнеописания. Такой подход мы и считаем родственным горьковскому: есть хроника событий, есть герой, которому отдана функция повествователя, и есть реальный автор, подающий себя в виде одного из образов-персонажей собственного произведения. На встрече с Романом Сенчиным, организованной в Симферополе клубом «Формат А3» 15 декабря 2016 г., нам представилась возможность непосредственно задать вопрос о том, насколько не случайна эта отсылка. Прочитируем ответ Сенчина: «...О “Жизни Клима Самгина”... Это уникальное произведение, которое мне лично читать мучительно тяжело, потому что всť через одного человека он (Горький. – *О.Ш.*) представляет. <...> Но это его подвиг, я думаю, когда он через жизнь одного человека попытался показать огромную-огромную эпоху, и почти каждый шаг этого Клима Самгина он преобразовывал в литературу. Это подвиг, хотя рискованное это его, конечно, произведение. В чем-то я или по крайней мере мой герой, может быть, тоже хочет что-то такое написать» [18]. Думается, ситуация интервьюирования в виде вопросов из зала, предполагающая спонтанные ответы без предварительной подготовки и обдумывания, помешала писателю оговорить тот факт, что в повести «Чего вы хотите?» уже использован именно такой прием, который описан в ответе на вопрос. Для нас представляется значимым, что Сенчин понимает рецептивную трудность изображения жизни целой эпохи через восприятие одного человека, но при этом сознает правомерность и эффективность его использования в художественных текстах эпохального масштаба.

В отличие от «Горького» в романе «Жизнь Клима Самгина», «Сенчин» (мы используем кавычки для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет о персонажах, не об авторах) в своей повести занимает большой смысловой и текстовый объем, аттестуя происходящие события в процессе постоянных «кухонных» разговоров с другими персо-

нажами, и сам в это время подвергается критическому разбору и оцениванию своей дочерью, пребывающей в мировоззренческом поиске.

«Роман Сенчин» вместе с другими персонажами, например со своей деятельной, не сомневающейся ни в чем женой, с другом «дядей Сережей» (еще один реальный человек, изображенный в повести под своим именем, – Сергей Шаргунов), участвует и в бесконечных разговорах-спорах, и в митингах. Однако участие Дашиного отца в политической суете ощутимо инерционно. Во-первых, он считает, что реальная возможность изменить что-то упущена, после того как десятого декабря митингующие ушли с площади Революции на Болотную. Во-вторых, «Роман Сенчин» больше не разделяет надежд на, так сказать, «героев информационного повода», из которых, по мнению его жены, «рождаются вожди». «Папа поднял глаза, глянул на маму как-то жутко тоскливо. – За последние двадцать... двадцать пять лет столько было вождей. Причем настоящих. И где они? Кто их помнит?» [17]. Но, сомневаясь в продуктивности протестов, Дашин отец тем не менее продолжает участвовать в политической суете своего окружения, повторяет шаблонную риторику о коррупции, засилье гастарбайтеров и иностранцев, которые уничтожают Россию совокупно с произволом самих российских властей.

Параллельно с политической возней взрослых и рассуждениями «Романа Сенчина» процесс мировоззренческого поиска ведет девочка-подросток. Даша устала от состояния тревоги, в которой живут все окружающие: «Одни уверены, что, если Путин снова станет президентом, все тут же рухнет, Россия погибнет. Другие же считают: никто, кроме Путина, не убережет Россию от гибели». С откровенностью ребенка из сказки про голого короля девочка отмечает: «Но вот так, живя в Москве, и не скажешь, что что-то может случиться. То есть, что Россия на краю гибели. Люди одеваются все ярче, машины все дороже, город все чище, даже бомжей, нищих как-то стало меньше в последнее время. Эти гастарбайтеры, правда... С другой стороны, гастарбайтеры поэтому и едут сюда, что здесь лучше, чем в других местах». Ее семья тоже стала жить лучше: «Даша помнит: несколько лет назад случалось, что и на еду денег не хватало, а теперь есть заначка на черный день» [Там же]. Улучшение материального положения москвичи словно не замечают. Дашина мама периодически утверждает, что нужно уезжать. «“Куда?” – стонуще спрашивает

папа. “В Европу!” – “А там лучше? Я был в Берлине, в Кельне, во Франкфурте, в Париже. Жить я там не хочу. Это уже не Европа”. – “Но что же делать?! Нам нужно детей спасать!” Иногда эти разговоры заканчиваются у них ссорами...» [17]. Москвичи думают об отъезде в Европу, а в провинции мечтают о Москве и Санкт-Петербурге. В повести присутствует персонаж – Дашина знакомая Алина из города Сапожка, которая с тоскливой завистью пишет в электронном письме: «Классные фотки ты выложила. Москва красивая, и ты тоже. А мне и фотать нечего. Эти развалины и дебилов – не хочу больше. <...>. Противно. Настроение вообще никакое. Почему одни рождаются в Москве и Петербурге, а другие вот так? Мама говорит, что надо хорошо учиться и тогда поступишь, куда хочешь и будешь там жить. Только откуда взять деньги, чтобы учиться?» [Там же].

Столичные жители тоскуют о Европе, провинциальные о столице, и все говорят о гибели и уничтожении России: «Везде недовольство, стена недовольства, убивающая желание хоть чем-то заниматься, что-то совершать». Хотя папа «Роман Сенчин» Дашу выслушивает и даже иногда смягчает некоторые свои оценки, он до конца повествования остается верен своей основной политической позиции, а девочка продолжает пребывать в сомнениях, состоянии внутреннего хаоса и тревоге. Из-за этого, «чтобы поставить точку», она отправляется со взрослыми и младшей сестрой на очередное шествие, где, сорвавшись наконец, выкрикнет всем митингующим, как наболевшее, главный вопрос произведения – «чего вы хотите?».

Специфика авторского субъективизма в данном произведении, по нашему мнению, состоит в том, что персонаж Даша является частью эго-текста. «Раздвоившись», писатель максимально отстраняется от собственной личности, получив пространство для интерпретации себя, а точнее, своей идейно-политической состоятельности или несостоятельности. Личность отца-писателя и фактического автора повести, таким образом, является одновременно объектом осмысления и его субъектом.

Разумеется, правомерен вопрос о том, не является ли линия Даши документально автономной? Безусловно, в некоторой степени является. В интервью 2018 г., отвечая на вопрос, можно ли считать произведение отчасти биографическим, писатель сказал об этом так: «Отчасти да. Но вообще-то есть такой прием – ложная автобиография, он

используется, когда автору нужно показать, что описываемые события достоверны, что все так и было. И я, и многие другие авторы часто дают герою свое имя. <...> Конечно, я мог бы заменить дочь на сына, а писателя – на театрального режиссера, например, или художника, но это была бы не совсем правда. Я же попытался максимально правдиво представить свою семью в этой атмосфере. Мы с моей бывшей женой действительно жили тогда в таком взвинченном состоянии, и то, как реагировала на это наша старшая дочь, стало толчком к написанию повести» [19]. Обратим внимание на использованное писателем в ответе слово «прием», т.е. Сенчин сознательно применил в тексте такой способ изображения, который он сам называет «ложной автобиографией». Полагаем, иначе этот способ можно охарактеризовать как автобиографию, подвергнутую гиперболизации, художественной обработке с целью усиления воздействующего эффекта, или автофикцию.

Следовательно, в повести присутствуют в некоторой степени и реальные переживания Даши. Однако, кроме переживаемых ею сомнений, тревоги и душевного хаоса, автор наделяет девочку еще и критическим взглядом, которым она смотрит на взрослых, и в первую очередь на «Романа Сенчина». Она подмечает и его усталость, и равнодушие, инерцию слов и поступков, привычную позу «настоящего папы», который «имеет право поучать, объяснять». Смутить отца до степени «школьника, которого поймали на чем-то плохом», Даше удалось один раз, когда она спросила про его книги: «А почему ты пишешь такое? – Что я такое пишу? – Ну, что Россия пьяной валяется... ничего не может... иностранцы только... Папа поежился: – Где это у меня?» [17]. «Роман Сенчин»-персонаж как-то оправдался для себя, не для Даши, потому что ее он «не то чтобы убедил... а утомил» своими разглагольствованиями, но вот «поймал»-то его этим вопросом Роман Сенчин – автор, используя персонаж Дашу в качестве создателя эго-текста.

Таким образом, автофикция в виде эго-текста позволяет Сенчину имплицировать свою рефлекссию, организовав пространство для дискуссии не сомневающегося «Романа Сенчина» и сомневающейся Даши. Заметим, что эго-текст повести лишен весьма значимого «дневникового» начала: как мы уже отмечали, жизнеописание в повести разбито на временные отрезки, но кем? Кто промаркировал конкретные дни: реальный автор повести Роман Сенчин или, по его замыслу, рассказ-

чица Даша? Отсутствие определенного ответа на данный вопрос позволяет нам предположить, что виртуальный, «мысленный», дневник является пространством сознания, в котором объединяются автор-субъект и рассказчица. «Выводя на свет» этот «мысленный» дневник, писатель переадресовывает его широкому кругу читателей и этим переводит повествование из области «литературы без вымысла» в сферу художественности. Причем художественности именно писателя Сенчина, чья творческая манера в нашем представлении соответствует данному М.Ю. Михеевым описанию одной из традиционных функций дневника: «Обычно побуждает человека к занятию дневником, заставляет делать записи – некий специфический педантизм: не всякий имеет к этому склонность, для таких занятий должен быть некий рациональный (или, при другой точке зрения, просто занудный) склад ума, склонность к интроспекции и самонаблюдению» [16].

Нам показалось уместным привести эту цитату, поскольку педантизм, рациональность, склонность к самонаблюдению видятся нам свойствами индивидуальной творческой манеры Романа Сенчина, выразившимися и в других, в первую очередь автобиографических, его произведениях. Так, используя своего автогероя, писатель планомерно проходит заново все этапы своего жизненного пути: в рассказах и повести «Минус» описано его пребывание в провинции после возвращения из армии, в «Нубуке» – приезд в Петербург, в повестях «Вперед и вверх на севших батарейках» и «Чего вы хотите?», в сборнике «Московские тени» – переезд в Москву и обустройство в ней. В каждом автоповествовании Сенчин внимательно, с минимальной гиперболизацией и практически без эмоций изображает «Романа Сенчина», всматриваясь в него и оценивая. Но только в повести «Чего вы хотите?» писателю удалось, с нашей точки зрения, достичь максимального отстранения от своего «я», в первую очередь благодаря нестандартному выбору субъекта повествования в эго-тексте.

Литература

1. Басинский П. Сочинять без вымысла // Российская газета. 2015. № 151 (6722). URL: <https://rg.ru/2015/07/13/basinskii.html> (дата обращения: 12.12.2019).

2. Болдырева Е.М. Дифференциация фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы конца XX – начала XXI в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 34–44.

3. Боруруева Н.В. Автофикция в «литературе по-граничья»: автобиографические мотивы в романах Малики Мокеддем // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 35–42.

4. Хализов В.Е. Теория литературы. М. : Высшая школа, 2002. 437 с.

5. Ганиева А. Серым по серому : Роман Сенчин // Вопросы литературы : журнал критики и литературоведения. 2010. № 3. С. 230–240.

6. Беляков С. Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках // Урал. 2011. № 10. С. 215–221.

7. Богданова О.А. Прошлое и будущее России в романе Р.В. Сенчина «Елтышевы» // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте» : избранные доклады и тезисы. М. : Фонд Достоевского, 2014. С. 32–37.

8. Иванова Е.А. Экологические проблемы в романе Р. Сенчина «Зона затопления» // Изучение и преподавание русской словесности в эпоху языковой глобализации : материалы докладов и сообщений XXIII международной научно-методической конференции. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 407–410.

9. Ничипоров И.Б. Из Кызыла в Париж: геопозитика современного психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24, № 4. С. 616–624.

10. Ротай Е.М. «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 178 с.

11. Серова А.А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2015. 290 с.

12. Черняк М. Эффект узнавания реальности в современной прозе для переходного возраста // Детские чтения. 2013. № 2 (004). С. 136–151.

13. Татаринов А.В. Автобиографический дискурс в современной русской прозе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 1. С. 94–97.

14. Селемнева М.В. «Московский текст» в творчестве Р. Сенчина // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст : материалы XX междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб. : Ленинград. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2015. С. 131–139.

15. Ротай Е.М. Константы художественного мира в повестях Р. Сенчина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 77. С. 1167–1178.

16. Михеев М.Ю. Дневник в России XIX–XX веков – это текст, или предтекст. М., 2006. URL: <http://uni-persona.srcr.msu.ru/site/research/mihev/kniga.htm> (дата обращения: 12.12.2019).

17. Сенчин Р. Чего вы хотите? // ЖЗ : Дружба Народов. 2013. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2013/3/chego-vy-hotite.html> (дата обращения: 12.12.2019).

18. Вопросы Роману Сенчину : [встреча с писателем 15.12.2016, г. Симферополь] / ред. О. Шум. Симферополь, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

19. Роман Сенчин: «Революционная ситуация не бывает частой» : [интервью] / Н. Сикорская // Наша газета. 2018. 16 мая. URL: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/roman-senchin-revolucionnaya-situaciya-ne-byvaet-chastoy> (дата обращения: 12.12.2019).

Expressive Features of Author Subjectivity in the Literary Ego-Text (Roman Senchin's *What Do You Want?*)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 23–39

DOI: 10.17223/23062061/26/2

Olga Yu. Shum, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: shum_olga@list.ru

Keywords: Roman Senchin, *What Do You Want?*, non-fiction, autofiction, author subjectivity, implicitness, ego-text, self-interpretation.

The modern literary process indicates the presence of a large number of fiction with documentary subcurrent: facts from the author's biography are a very slight hyperbolization. An example of such work would be the novel *What Do You Want?* (2013) by a contemporary Russian writer Roman Senchin, which became the subject of consideration in this article. The synthesis of auto-documentary and literary principles in the story organizes self-narration with unsteady boundaries between the real ("factual") and the fictional ("fictitious"). The specificity of the correlation of the factual and the fictitious is examined in this work using the method of literary criticism and contextual analysis. The immediate aim of the article is to identify the specificity of expressing the implicit method of author subjectivity in non-fiction. In the author's opinion, the implicit way of expressing the reflective type of author subjectivity fits more harmoniously into the literary fabric of the work, enriching it with subtexts and hidden meanings. In the course of the study it has been determined that although the center of the story revolves around the everyday life of an ordinary Moscow family, Senchin's work is not a slice-of-life novel, but a political commentary. The theme of *What Do You Want?* is sociopolitical, the problematics are sociocultural. The narration of the novel undergoes an intense analyzing and coming to terms with the sociopolitical events that are highlighted in almost all of the scenes. The text implies that the writer comprehends his own political position and interprets its cause-effect relationships. In order to distance himself as much as possible from his own identity, Senchin uses the technique of "externalizing" and "assigns" the role of the narrator to a teenage girl Dasha, the prototype of which he himself cannot be. Dasha, being a narrator-observer, asks questions, including the one from the title, to herself and other characters, including the father "Roman Senchin". The time frame for the narration is precisely established: 18 December 2011 – 26 February 2012; each part of the text is a certain day, there are six in total. However, it is not clear who marked the specific days – the real author of the story or, as he conceived, the narrator Dasha. The autofiction method of "externalizing" in combination

with the factual plot allows considering *What Do You Want?* as an ego-text, which in its genre form is something between an excerpt from a family chronicle and a diary. Auto-fiction in the form of an ego-text allows the writer to implicate his reflection, organizing a space for discussion of the unquestioning “Roman Senchin” (his alter ego) and the doubting Dasha within a kind of a “mental diary” – a space of consciousness in which the author-subject and the narrator are united. “Bringing to light” this “mental” diary, the writer redirects it to a wide range of readers and thus shifts the story from the field of “literature without fiction” to the sphere of art.

References

1. Basinskiy, P. (2015) Sochinyat' bez vymysla [Compose without fiction]. *Rossiyskaya gazeta*. 151(6722). [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/07/13/basinskii.html> (Accessed: 12th December 2019).
2. Boldyreva, E.M. (2018) Differentiation of Factual and Fictional Genres of Autobiographical Literature of the end of the 20th – the beginning of the 21st century. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiiy vestnik – Verkhnevolzhski Philological Bulletin*. 4(15). pp. 34–44. (In Russian).
3. Borurueva, N.V. (2014) Autofiction in the “borderland literature”: autobiographical motifs in novels by Malika Mokeddem. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki – Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 4. pp. 35–42. (In Russian).
4. Khalizev, V.E. (2002) *Teoriya literatury* [Literature Theory]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Ganieva, A. (2010) Serym po seromu: Roman Senchin [Gray in gray: Roman Senchin]. *Voprosy literatury: zhurnal kritiki i literaturovedeniya*. 3. pp. 230–240.
6. Belyakov, S. (2011) Roman Senchin: neokonchennyy portret v sumerkakh [Roman Senchin: an unfinished portrait at dusk]. *Ural*. 10. pp. 215–221.
7. Bogdanova, O.A. (2014) Proshloe i budushchee Rossii v romane R.V. Senchina “Eltyshevy” [The past and future of Russia in the novel by R.V. Senchin “The Eltyshevs”]. In: Volgin, I.L. (ed.) *Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste* [Russian Literature in the World Cultural Context]. Moscow: The Dostoevsky Foundation. pp. 32–37.
8. Ivanova, E.A. (2018) Ekologicheskie problemy v romane R. Senchina “Zona zatopleniya” [Environmental problems in R. Senchin’s “The Flood Zone”]. *Izuchenie i prepodavanie russkoy slovesnosti v epokhu yazykovoy globalizatsii* [Studying and teaching Russian literature under linguistic globalization]. Proc. of the 23rd International Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. pp. 407–410.
9. Nichiporov, I.B. (2019) From Kyzyl to Paris: the geopoetics of the modern psychological novel (“Rain in Paris” by R. Senchin). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 24(4). pp. 616–624. (In Russian).

10. Rotay, E.M. (2013) "Novyy realism" v sovremennoy russkoy proze: khudozhestvennoe mirovozzrenie R. Senchina, Z. Prilepina, S. Shargunova ["New realism" in modern Russian prose: artistic worldview of R. Senchin, Z. Prilepin, S. Shargunov]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.

11. Serova, A.A. (2015) Novyy realizm kak khudozhestvennoe techenie v russkoy literature XXI veka [New realism as an artistic trend in Russian literature of the 21st century]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

12. Chernyak, M. (2013) The Recognizing Effect in the Prose for Transition Age. *Detskie chteniya – Children's Readings: Studies in Children's Literature*. 2(004). pp. 136–151. (In Russian).

13. Tatarinov, A.V. (2012) Autobiographical discourse in modern Russian prose. *Vestnik Maykovskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Bulletin of Maikop State Technological University*. 1. pp. 94–97. (In Russian).

14. Selemeneva, M.V. (2015) "Moskovskiy tekst" v tvorchestve R. Senchina ["Moscow Text" in the works by R. Senchin]. In: Skvortsov, V.N. & Maltseva, T.V. (eds) *Pushkinskie chteniya – 2015. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings – 2015. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 131–139.

15. Rotay, E.M. (2012) The constants of artistic world in narratives of R. Senchin. *Polimatemicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. 77. pp. 1167–1178. (In Russian).

16. Mikheev, M.Yu. (2006) *Dnevnik v Rossii XIX–XX vekov – ego tekst, ili predtekst* [A diary in Russia in the 19th – 20th centuries is an ego text, or a pretext]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (Accessed: 12th December 2019).

17. Senchin, R. (2013) Chego vy khotite? [What do you want?]. *Druzhba Narodov*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2013/3/chego-vy-hotite.html> (Accessed: 12th December 2019).

18. Shum, O. (ed.) (2019) *Voprosy Romanu Senchinu: [vstrecha s pisatelem 15.12.2016, g. Simferopol]* [Questions to Roman Senchin: [meeting with the writer on December 15, 2016, Simferopol]]. Simferopol: [s.n.]. [CD-ROM].

19. Senchin, R. (2018) "Revolutsionnaya situatsiya ne byvaet chastoy": [interv'yū] ["A revolutionary situation is never frequent": [interview]]. *Nasha gazeta*. 16th May. [Online] Available from: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/roman-senchin-revolucionnaya-situaciya-ne-byvaet-chastoy> (Accessed: 12th December 2019).

Л.В. Комуцци

ДЖОЙСОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПИСЬМА В ПРОЗЕ МИХАИЛА ШИШКИНА И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПОВЕСТИ «СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ»

Аннотация. *Важное место в теоретической рефлексии о природе поэтики М. Шишкина занимает его творческий метод. Критики дают ему разные именованья: реализм, постмодернизм, протомодернизм и др. Разнообразие мнений объясняется изменчиво-игровой, гибридной культурой постмодерна, которой принадлежит писатель. В статье М. Шишкин характеризуется как литературный преемник модернистской традиции Дж. Джойса. Природа связей его творческого метода с джойсовским рассматривается в двух аспектах, определяющих и особенности нарративной структуры его текстов: автобиографическом и интертекстуальном.*

Ключевые слова: *М. Шишкин, Дж. Джойс, автобиографичность, интертекстуальность, модернизм, ритм, нарратив.*

В значительном корпусе исследований прозы Михаила Шишкина, помимо интересных статей [1–3], внимание привлекают два первых фундаментальных труда [4–5] и коллективная монография, созданная на базе материалов конференции, посвященной Шишкину как знаковому для современной русской литературы писателю [6]. Важное место в дискуссии занимает его метод. Есть работы, в которых прямо ставится вопрос о том, модернист Шишкин или постмодернист, но ответа на него не дается [7]. Есть и конкретные определения его метода, включающие реализм, постмодернизм, протомодернизм и другие именованья, о чем обзорно написала С.Н. Лашова в своей диссертации [5]. Трудности определения понятны, если учитывать, что творчество М. Шишкина принадлежит современному этапу постмодерна с его изменчиво-игровой, цитатной, гибридной природой, сделавшего таковыми и жанры искусства. Представляется верной трактовка самой С.Н. Лашовой, которая характеризует метод Шишкина как «синкретичную художественную систему, доминантой которой является модернистское миропонимание, обрастающее постмодернистскими технологиями» [8. С. 18].

М. Шишкин мастерски использует постмодернистские приемы письма, среди которых едва ли не основным является интертекстуальность. Роман «Венерин волос» в свое время даже вызвал многочисленные обвинения критиков и блогеров в плагиате из-за открытого «присвоения» автором чужих текстов. И.М. Каспэ, однако, справедливо считает эту тактику «осознанной программой письма, отличной от постмодернистской» [1. С. 27]. По словам самого Шишкина, «раскавыченные цитаты» из разных книг выполняют в его романе особую миссию: «Я хочу написать идеальный текст, текст текстов, который будет состоять из отрывков из всего, написанного когда-либо. <...> При этом <...> простой читатель сразу догадается, что предложение “Да”, заключающее этот кусок (кусочек под названием “Последнее слово”. – Л.К.), есть Джойсово “yes”. Но мне важнее, что идеальный читатель знает, что это “да” – последний ответ Велимира Хлебникова на вопрос крестьянки, в доме которой он уходил из жизни: “Ну что, трудно умирать?”» [9].

Упоминание Джойса в этом ответе Шишкина оппонентам – беглое и вторичное, но в общем контексте интервью и эссе писателя далеко не единственное. И прямые отсылки в них к основателю модернизма, и композиционно-стилистические особенности художественных текстов Шишкина характеризуют его как «литературного сына» Джойса, преемника его модернистской традиции. Новое поколение он считает выпавшим «из мирового потока», пропустившим Джойса, и потому свою задачу видит в том, чтобы «пройти тот непройденный путь, сказать то же самое по-русски» и заставить западного читателя оценить новую русскую литературу не только из-за Толстого и Достоевского, которые в свое время оказали влияние на Джойса и его современников [10].

Тяга Шишкина к Джойсу, конечно, не раз отмечалась исследователями, но природа связей его поэтики с джойсовской – вопрос, заслуживающий специального исследования, пока еще не предпринятого. Оно сможет объяснить формирование модернистской доминанты в мировоззрении писателя и, соответственно, эстетические принципы интертекстуальности его прозы, восходящие к поздним романам Джойса с их «наглым» присвоением чужих текстов.

В этой статье мы рассмотрим два аспекта генеалогических «сцеплений» текстов Шишкина и Джойса: биографический и художественно-

технический. Первый заключается в инкорпорировании автобиографических фактов в художественный нарратив, второй – в интертекстуальности как технике ритмизации нарратива. Для обоснования необходим сопоставительный анализ, для которого мы воспользуемся фактами биографий двух писателей, рассказами Шишкина «Урок каллиграфии», «Пальто с хлястиком» и его ранней повестью «Слепой музыкант», которую рассмотрим в указанных аспектах системно, рассказами Джойса из «Дублинцев» и его романами. Выбор повести «Слепой музыкант» в качестве основного объекта анализа можно объяснить тем, что произведения малых жанров Шишкина, в отличие от его романов, удостоивались исследовательского внимания в меньшей степени. Возможно, это объясняется предпочтениями самого автора: «Дело не в романе, это может быть и рассказ, какая разница. Просто новая дорога ведет через новый языкомир. <...> Для меня роман более «ковчежен», потому что в коротком рассказе я просто ничего не успеваю, не умещаюсь» [11]. Но рассказы обоих писателей являются своего рода эмбрионами, прототипическими текстами, из которых вырастают образно-идейно завершенные «организмы» их романов. Такая литературная генеалогия дает основание предположить развитие «джойсовских» принципов автобиографизма и интертекстуальности в романских формах шишкинской прозы, в данной статье не уместившихся. Об этой органической связи между малыми и крупными формами произведений Джойса и Шишкина мы будем тем не менее тоже говорить.

Автобиографичность как принцип модернистского письма

Дж. Джойса и М. Шишкина

Исследования историко-биографического контекста творчества Джойса, включая самый известный труд Ричарда Эллмана, составляют уже огромное поле джойсоведения, и оно постоянно расширяется [12–13]. Об автобиографичности произведений ирландского модерниста можно уверенно судить по документальным свидетельствам его жизни, собираемым в многочисленных архивах и центрах Джойса в Дублине, Цюрихе, Триесте и др. Михаил Шишкин – наш современник, и о фактах его биографии мы судим по скудным анонимным статьям в Интернете [14]. Зато мы находим их творческое осмысление в литературных

творениях самого писателя, которые по степени приближения к правде намного превышают таковые у Джойса, эстетически преобразовавшего эпизоды своей жизни.

Конечно, Шишкин не может и не стремится управлять фактами своей биографии, уподобляя ее джойсовской, но истории их жизней порождают заметный параллелизм – по сути, ритм биографий. И Джойс, и Шишкин получили образование в лучших столичных школах, одарены лингвистически, выполняли одинаковую временную работу помимо писательской (учитель, журналист, лектор, переводчик), для обоих смерть матери от рака и болезнь или утрата ребенка стали регулярными мотивами творчества, оба уехали в Швейцарию, чтобы писать о родине с дистанцированной метапозиции художника.

У Джойса уже в университетские годы сформировалась жизненная стратегия отчуждения, «вненаходимости» по отношению к менее интеллектуальным сверстникам, семье, к популярному движению Ирландского Возрождения, традициям ирландской литературы и к католичеству. Тогда он публиковал в газете статьи об искусстве и эссе ницшеанского и социалистического толка. Написав восторженную рецензию на пьесу Ибсена, он получил письмо от самого норвежского драматурга, который высоко оценил своего восемнадцатилетнего рецензента. По замечанию Р. Элмана, «до письма Ибсена Джойс был ирландцем; после него он стал европейцем» (Before Ibsen's letter Joyce was an Irishman; after it he was a European [12. P. 75]). В 1904 г. он уехал за границу вместе с будущей женой Норой Барнакл и там публиковал газетные статьи об Ирландии, читал лекции в Народном университете, преподавал английский в школе Берлица – в Триесте, потом в Хорватском городке Пула, затем в Цюрихе.

Шишкин уехал в Цюрих в 1995 г. со своей женой-итальянкой и стал, подобно Джойсу, «фигурой стороннего наблюдателя (“чужака”)), позволяющей «занять позицию “над”, т.е. остаться не до конца включенным в ассимилируемый контекст» [4. С. 8]. Помимо литературного труда он давал уроки, преподавал в университете, занимался переводами.

Незаконченный роман Джойса «Стивен-герой», позднее переделанный в «Портрет художника в юности», – воплощение идеи создания автобиографического романа с героем-Художником, претворяющим предметность жизни в эстетические образы. Тот же принцип

сохраняется и в «Улиссе». В этих произведениях, особенно в «Портрете», прослеживается становление личности Художника с раннего детства. Необычно сильное для Джойса-ребенка влечение к языку, к слову характерно для протагониста рассказа «Сестры» с его зачарованностью звучанием странных слов из катехизиса – «паралич», «гномон», «симония». В «Портрете» маленький Стивен также повторяет про себя «непонятные слова» пока не запоминает их наизусть.

В романе отражено и детское переживание семейных раздоров на почве политических и религиозных убеждений. Таков эпизод с рождественским семейным ужином, закончившимся ссорой. Она разразилась между гувернанткой, католичкой миссис Конвэй, и отцом Джеймса вокруг национального героя Ирландского освобождения Парнелла. Миссис Конвэй (в романе – тетя Данте) отстаивала сторону клерикалов, которые проклинали Парнелла, а отец был его горячим последователем. Другой конфликт был спровоцирован уже самим повзрослевшим Джойсом. В 1904 г. у постели матери, умиравшей от рака печени, он отказался принять причастие. В первом эпизоде «Улисса» Стивен, глядя на гавань Кингстауна, реинкарнирует образ умершей матери и ту психотравмирующую сцену из прошлого:

Stephen, an elbow rested on the jagged granite, leaned his palm against his brow and gazed at the fraying edge of his shiny black coatsleeve. Pain, that was not yet the pain of love, fretted his heart. <...> The green of bay and skyline held a dull green mass of liquid. A bowl of white china had stood beside her deathbed holding the green sluggish bile which she had torn up from her rotting liver by fits of loud groaning vomiting [15. P. 5].

Натуралистичная сцена поднимается до завершенного эстетически образа с помощью ассоциативных переключений художественной реальности, которую Стивен видит сквозь обветшавший край рукава (зеленая вода в чаше бухты), на образ памяти – «чашу с зеленой желчью», которую мать Стивена «извергала из своей разложившейся печени в приступах рвоты», и чувствует «боль любви».

Шишкин, перенося сходные драматичные события детства и юности в ткань литературных произведений, продолжает джойсовский жанр автобиографической прозы. В рассказе «Пальто с хлястиком» Я-повествователь раскрывает причины конфликта с матерью: в семнадцать лет он перестал разговаривать с ней из-за того, что она была в партии, а ему хотелось «вести борьбу с ненавистной системой» [16]. Год молчания сына и последующее увольнение с работы из-за вечера

в память Высоцкого, который мать – директор школы – разрешила провести старшеклассникам, привели к ее болезни.

Болезнь матери и раскаяние сына изображены Шишкиным с джойсовским натурализмом, причем в двойной перспективе: через восприятие Я-повествователя и затем через отсылку к художественному воспроизведению им того опыта в романе «Взятие Измаила» [17]:

Потом я описал это во «Взятии Измаила»: ее соседку в больнице, лысую от химиотерапии и не снимавшую беретку <...>; как разлетались по палате обрезки ее ногтей, <...> когда я неуклюже пытался их постричь <...> в нем было много цитат, связей, переплетений, а к концу я просто описывал то, что было в моей жизни. От сложного к простому. От книжного, начитанного – к маминому лифчику, набитому поролоном, который она надевала после того, как ей отрезали грудь [16].

Эта психотравма отражена и в ранней повести «Слепой музыкант», в образе умирающей от той же болезни героини: «Я ведь понимаю, как это неприятно: хождение в больницу, бинты, гной, судно. / Прекратите! <...> Вам принесли протез? / Какой это протез, обыкновенный бюстгальтер. Набили чем-то. Помогите застегнуть» [18. С. 62].

В самом романе «Взятие Измаила», точнее, в его Эпилоге, Я-повествователь получает имя Михаил Шишкин [17]. Такая степень самоидентификации Шишкина-писателя со своим героем-повествователем ставила критиков в недоумение [4. С. 93]. На самом деле ее можно рассматривать как усиление джойсовского автобиографизма и, шире, как шаг вперед на пути уподобления современной художественной прозы реальности, отвечающий идеям А.Н. Веселовского и М.М. Бахтина о взаимовлиянии языков поэзии и прозы.

В романе повествователь Михаил Шишкин детально излагает всю свою жизнь: детство (в частности, первый писательский опыт – «роман», отвергнутый «Пионерской правдой»), гибель восьмилетнего сына и как следствие – психическое расстройство первой жены, отношения с будущей женой, Франческой, которой посвящен роман.

До Эпилога рассказаны две другие истории, объединенные общей метафабулой судебного дела (Страшного Суда) и, на первый взгляд, с историей жизни Михаила Шишкина не связанные. Первая происходит в XIX в. – защита адвокатом, Александром Васильевичем, молодой матери, убившей сына, вторая перемещена в сталинское послевоенное время – защита Владимира Павловича Мотте, подозреваемого в убийстве. Казенный стиль автобиографической статьи дореволюци-

онного адвоката, которую он пишет для энциклопедии, переходит в его рассказ-откровение о детстве, родителях, отношениях с женой и трогательное описание слабоумной дочери Анечки. Эта история из прошлого дистантно повторяется в современной истории Михаила Шишкина – его погибший малолетний сын и психическое расстройство жены становятся новой вариацией на тему отца, страдающего из-за болезни (смерти) ребенка.

Автобиографический мотив любви-боли к ребенку – одно из сильных подводных течений текстов Джойса. Его переживания из-за дочери Люции, склонной к помутнениям рассудка, отразились в «Улиссе» в виде травмы сознания Блума из-за умершего в младенчестве сына. Сама Люция стала прототипом дочери Блума, Милли. О болезненной любви к детям – стихотворения «На берегу у Фонтана» и «Цветок, подаренный моей дочери» из сборника «Пенни за штуку» (1927). Первое связано с рождением сына и потрясением, которое осталась в записной книжке писателя в виде эпифании: «Я купал его в море на берегу у Фонтана, чувствуя с испугом и нежностью дрожание его хрупких плеч <...> Пока он не родился, я не знал страха перед судьбой». Стихотворение – поэтическая вариация той дневниковой записи [19]:

From whining wind and colder
Grey sea I wrap him warm
And touch his trembling fineboned shoulder
And boyish arm.

Around us fear, descending
Darkness of fear above
And in my heart how deep unending
Ache of love!

В стихотворении «Цветок, подаренный моей дочери» Джойс описывает встречу Амалии Поппер – его ученицы в Триесте – с Люцией. Влечение к Амалии отодвинуло любовь-сострадание к дочери, и стихотворение отражает чувство вины.

Беглого взгляда на особенности автобиографичности прозы Джойса и Шишкина достаточно, чтобы сложилась общая картина. Шишкин следует писательской стратегии Джойса, влетая в художественную текстуру сокровенные, болезненные эпизоды из собственной жизни. Сходны даже сами эти эпизоды произведений двух писателей, принадлежащих разным национальным и временным культурам. Сходны они и натурализмом, и психологическим реализмом изображения.

Шишкин лишь пошел дальше Джойса в прямоте и правдивости, назвав лирического героя своим именем и доведя джойсовский принцип мимесиса до предела. Предельная автобиографичность, с одной стороны, делает его продолжателем традиции классической русской литературы («любовь к Акакию Акакиевичу») и традиции отражения правды в литературе XX в., а с другой – присоединяет его к постмодернистской тенденции превращения художественного текста в реальность. Но если постмодернисты уничтожают романский дискурс вместе с персонажами, озвучивающими его, то Шишкин «играет» с ним для возвращения романа к жизни: «Новый тип романа – это просто другой путь, что приводит в ту же Ниневию, в которой каждого из нас любят и ждут» [11].

Интертекстуальность как прием ритмизации нарратива: Джойс и повесть Шишкина «Слепой музыкант»

Новаторство Джойса состояло в изобретении радикальной интертекстуальности – метода письма, основанного на обширном подготовительном чтении для накопления «резервного фонда» слов и фраз, распределяемого затем по страницам «Улисса» и «Поминок по Финнегану» [20. Р. 53–55]. Если Джойс придумал свой метод наглого использования чужих текстов для поздних романов, Шишкин наследует его уже в дебютном рассказе «Урок каллиграфии» (1993). О том, что он не изменяет данной технике и в последующих своих произведениях и доводит ее до буквального, компьютерного копирования и вставки, Михаил Шишкин свидетельствует сам спустя семь лет, за которые написал основные свои романы: «Я пишу следующим образом – собираю фразы, слова. Они могут прийти, откуда угодно. <...> У меня в компьютере огромное количество файлов, которые собираются годами. <...> Потом, когда появляется текст, я <...> оттуда начинаю набирать эти фразы <...> совершенно из разных миров. Они сцепляются, какая-то новая энергия появляется» [10].

Вторая идея, которой Джойс опередил постструктурализм, связана с биологическим образом анастомоза¹ – текстуального сцепления, –

¹ Анастомоз (от гр. ἀναστόμισις, сообщающееся отверстие) – биологический, медицинский и геологический термин. Он означает соединение трубчатых орга-

одновременно провоцирующим и отрицающим генеалогическое мышление. Этот образ возникает в воображении Стивена в эпизоде «Быки Солнца», происходящем в родильном приюте. Он думает, что все люди носят на теле знаки Евы как знаки своей предыстории, соединенные посредством «последовательного анастомоза пуповин»: «In woman's womb word is made flesh <...> because she is the second Eve <...> whereas that other, our grandma, which we are linked up with by successive anastomosis of navelcords sold us all, seed, breed and generation, for a penny pippin» [15. P. 391].

Джойс мыслил литературное творение как параллель развитию эмбриона уже при создании «Дублинцев» [22. Эпизод 3]. В «Портрете» Стивен размышляет о «явлениях художественного зачатия» (the phenomena of artistic conception, artistic gestation and artistic reproduction) [23. С. 402]. Биологическая модель соединяется с теологической в образе «девственной утробы воображения», который возвышает нормативный процесс репродукции, уравнивая художественные творения с беспорочным зачатием: «O! In the virgin womb of the imagination the word was made flesh» [Там же. С. 409].

Идея художественного зачатия и развития «организма» текста обосновывается теорией «ритма красоты», которую автобиографический герой, Стивен Дедалус, формулирует в пятой главе «Портрета». Эта концепция составляет эстетический базис генеалогической преемственности его произведений: «Ритм <...> это первичное формальное отношение части к части в эстетическом целом, или эстетического целого к его части или частям, или любой части к эстетическому целому» [Там же. С. 399]. В той же теории он излагает и свое видение драматической формы творения эстетического образа как оптимальной, позволяющей обезличить автора и превратить его в художника – «Бога-творца, остающегося внутри <...> или вне своего создания» [24. С. 439].

В финале романа, обращаясь к Дедалу: «Old father, old artificer, stand me now and ever in good stead» [23. С. 441], – он утверждает генеалогию, основанную на расположении букв на странице (момент, который трудно поддается переводу), а не на узах кровной связи.

В рассказе Шишкина «Урок каллиграфии» мир истории задается с самого начала буквой и строится на искусной имитации стиля русской прозы XIX в., причем ведущим приемом является игра даже не в слова, а в буквы алфавита, в смысло- и ритмообразующие эффекты почерка: «Заглавная буква, Софья Павловна, есть начало всех начал, так что с нее и начнем. <...> В первой букве, как в эмбрионе, затаена вся последующая жизнь до самого конца – и дух, и ритм, и напор, и образ» [25. С. 1]. Выбор переписчика в качестве главного героя – интертекстуальная отсылка к Акакию Акакиевичу и князю Мышкину – попытка оправдать их ущербность освященной временем монастырской традицией и магической силой их занятия, которым движет некая «высшая воля» языка. Язык в его графическом воплощении доминирует над сюжетом, и создается иллюзия, что переписчик – это исполнитель Божьей воли, а образ совершенного листа бумаги «приподнимается над происходящим» и становится «кусочком пространства, отвоеванным другим, высшим миром, миром гармонии у этого царства червей» [Там же. С. 7].

Интертекстуальность повести «Слепой музыкант» уже становилась предметом исследования и трактовалась как прием повествования, связывающий реализм с постмодернизмом [26]. Из этой связи выпадает джойсовская функция анастомозных соединений «всего со всем», в данной повести реализуемая через ритм переходов внутреннего монолога героини по имени Женя с миметического на игровой, интертекстуальный.

История Жени сплетена из четырех сюжетов: 1) любовная история с другом отца, Алексеем Павловичем; 2) история самоубийства ее матери; 3) история ее жизни с отцом; 4) побочная история с Ромой – слепым музыкантом.

Фабульные события начинаются и заканчиваются в приходе, создавая мотив «пороговости» ситуации и отмечая точки «земного» пути героини. Чередование этапов ее пути перебивается «голосами» второстепенных персонажей, которые травмируют Женю и заставляют ее сознание переходить из настоящего в прошлое. Из рассказов матери Ромы Женя узнает подробности самоубийства своей матери в ванной, жестокие детали вымещения ею отчаяния на маленькой дочери. От матери Алексея Павловича она узнает историю его женитьбы на Вере Львовне, о ее выкидышах и изменах. От самой Веры Львовны она слышит

признание в том, что ее любовником был не кто иной, как ее, Жени, отец.

Этот контрапункт порочных речевых партий, в свою очередь, с определенной регулярностью перебивается партией «слепого музыканта», которая составляет особый иронично-отчужденный лейтмотив за счет самой формы, имитирующей речевую манеру XIX в. В отличие от героя одноименной повести Короленко, слепой музыкант у Шишкина является второстепенным персонажем, беспомощным объектом манипуляций матери и главной героини, и музыкального таланта не имеет.

Все это многоголосие, воспринимаемое «дневным» слухом Жени, в свою очередь, ритмически чередуется с ее ночными внутренними монологами. Их она излагает в письмах Алексею Павловичу, которые никогда не отправляет. Всего писем девять, и они составляют почти половину повести – такой объем текста свидетельствует об их ценностной значимости в смысловом пространстве произведения.

Письма Жени контрастируют с миметическими, реалистичными сценами из ее дневной жизни. Контраст создается интертекстуальностью, позволяющей перевести «дождливую реальность» в фантазийные субъективные миры, в альтернативное пространство, где она «в недостижимости».

В первом письме героиня видит себя персонажем иллюстрации «Гулливера» – в окно заглядывает «не наших, лилипутских мерок лицо», и это приводит ее в замешательство. В поэтике Свифта лилипуты – фантастические участники карнавалов и игр с телесными функциями «низа» вроде пикантного способа тушения Гулливером дворца королевы и экспериментов лапутянского академика по превращению испражнений в еду [27]. В финале романа Гулливер после совокупления с самкой йеху получает способность видеть в людях йеху – их «другое я».

Перенос свифтовской соматико-психологической поэтики на образ Жени подсвечивает ее игровую и феминную составляющую. Увидев лилипута, она осознает, что объект ее страсти – лишь «плод ее фантазий». Свифтовские художественные эксперименты, трансформированные в сознании Жени, «ризоматично» сцепляются с упомянутыми матерью Алексея Павловича гастролями театра лилипутов в Ялте. Женя запоминает комичную повторяемость этого явления: «Вот

смешно – я в Ялте сто лет назад была, и тоже лилипуты». [18. С. 73]. Как и другие детали повествования, этот обрывок чужого воспоминания является способом «анастомозной» связи, соединяющей мир фантазийного дискурса героини с миром обыденной жизни.

Перевоплощение в Психею помогает читателю понять лучшие качества героини – совесть, готовность проходить через испытания, чтобы обрести бессмертие души, любопытство, присущее Луции и самому Апулею (он отождествляет себя с героем в последней книге «Метаморфоз»), Одиссею, Робинзону Крузо, Гулливеру и другим хрестоматийным героям-путешественникам.

Земное странствие Жени – модернизированное повторение пути Психеи: 1) счастье с «тайным мужем» и потеря его вследствие осложнения ситуации (возвращение из больницы жены); 2) испытания в виде «слепца и его мамы» (первый мучает Женю отталкивающими привычками, вторая – психотравмирующими речами) и других участников истории с их воспоминаниями об отце героини, добровольным уходом за больными Верой Львовной и Ромой; 3) восстановление душевной и телесной гармонии и божественный дар видеть истину.

Течение ее речи-мысли там, где она входит в образ Психеи, почти сливается с текстом Апулея, с его описанием кульминационной сцены «в спальне Амура»: «Тут Психея, слабея телом и душой, но подчиняясь жестокой судьбе, собирается с силами и, вынув светильник, взяв в руки кинжал, преодолевает женскую робость. <...> Психея не владеет собой, покрывается томною бледностью и, трепеща, опускается на колени, ища, куда бы спрятать оружие» [28. С. 187]. Сравним: «И вот, оставшись одна, она волнуется в скорби, хотя решение принято и душа непреклонна, все же еще колеблется <...>. Тут Психея, слабея телом и душой, встает, вынимает светильник, стискивает в кулаке бритву, делает шаг, все еще не смея взглянуть, потом поднимает лампу, ожидая увидеть на ложе своего бога или зверя, а там – Вы» [18. С. 63].

Во втором письме интертекстуальность формируется отсылкой к первой почтовой открытке¹: «Вы просили: никаких писем. Наивный мой Алексей Павлович, Вы забыли про *cartes postales*. Ведь недаром же плешивый профессор Венской военной академии опустил когда-то

¹ Первая почтовая карточка с маркой достоинством в два крейцера была выпущена в Австро-Венгрии 1869 г. [29].

в почтовый ящик первую открытку, отдав за нее два крейцера и всю душу» [Там же. С. 64]. Эта отсылка к истории почтовой открытки переходит в монолог-медитацию Жени о прошлом, об отрочестве, когда и проснулось в ней чувство к Алексею Павловичу. Заканчивается «открытка» раскавыченной цитатой сразу из Ветхого и Нового Заветов и отсылкой к рекуррентной для произведений Шишкина теме Страшного Суда, вплетенными в монолог пьяного отца (врача роддома): «Я им: вот и вы! <...> И пуповинки им отрезаю. С появлением на свет Божий! А они кричат, недовольны! Думали, тут свет Божий, а здесь самое Царство Тьмы и есть. <...> всю чашу каждому испить придется!» [18. С. 64].

Переключки с джойсовскими генеалогическими образами здесь очевидны – и дерево, и родильный дом, и пуповины, «привязывающие» человека с рождения к первородному греху. Сцепление этих тем с образом открытки определяет и сюжетное развитие – важную функцию в нем играет «обманный ход» с реальной пустой открыткой из Крыма, которую Женя принимает «на свой адрес», думая, что это знак любви от Алексея Павловича, а в конце узнает, что это знак любви Веры Львовны к ее отцу.

В четвертом письме – чистом потоке сознания – она в духе последней главы «Улисса» фантазирует на тему своего первого свидания. Алексея Павловича она возвышает до самого Зевса в его перевоплощениях («то быка-грубияна, то лебедя-шептуна», то «солнечного луча», то орла), а себя – до многоликой жертвы его любвеобилия (Европы, Леды, Данаи и «индийского пастушка» – Ганимеда). Но ее «Бог» подчиняется страстной воле «жертвы»: «Бог-дитя, даже на ворованном ложе, на той небесной простыне ты хотел быть моим послушным отражением, податливым поводырем, и тут ты хотел быть моим ребенком» [Там же. С. 66].

В последнем письме, излагающем жестокий ее поступок – игру на чувствах Ромы и обманный маневр со свадьбой и обещанием «сделать все, чтобы ему было хорошо», – героиня в качестве защитной реакции деперсонализуется, называя себя «Женей». Театральное вживание в роль будущей жены слепого, который вызывает у нее физическое отвращение, доводится до садомазохистской игры с «низом»: «Женя просиживала у его кровати дни и ночи, кормила с ложечки, давала лекарства, протирала потное тело губкой, меняла постель, водила в уборную» [Там же. С. 76].

В «феминном» дискурсе Жени иррациональное подавляет социальную личность, и ее «Я» предстает расщепленным – «Я и не Я». Она может видеть свое «другое Я» и в Данае, и в лилипуте, и в похотливой самке, и в реальной «Жене», которая способна на садизм. Но эта размытость границ между «Я» и «Другим / Другими» вводится и в миметически воспроизведенный дискурс. Из слов матери Алексея Павловича Женя понимает, что та тоже была «самкой»: «Еще не знаешь, что ты – это я. <...> Я-то знаю. Все ведь было. У меня, Женя, представляешь, после каждого раза через какое-то время снова зарастало» [18. С. 70]. Она умрет, но ее женская природа остается в Жене, которая дает ей выход в конце повествования. В своей освобожденной агрессии самки она не только «вырывает с мясом» пуговицу из пальто Веры Львовны, но и фактически добывает ее саму: «В ванной что-то тяжело шлепнулось на пол» [Там же. С. 79].

Творя альтернативный дискурс, героиня уходит на «метапозицию», дающую возможность увидеть мир «дождливой реальности» отраженным в зеркале искусства. Интертекстуальность обеспечивает игровую возможность «расщепить» сознание героини, чтобы исцелить ее. В первых письмах она лилипут и самка йеху, предающаяся, как и все вокруг, порочным телесным играм, подчиняющая морально и физически ущербных мужчин и уничтожающая соперницу. Но благодаря этим письмам она получает и волшебную способность видеть и принимать себя и других.

Этот же прием, ритмируя повествование, организует и тематические оппозиции «тьма / свет», «жизнь (рождение) / смерть», «тело / душа», «грех / святость», «ад / рай». Они получают сначала символические актуализации в первых письмах, а затем конкретизируются денотативными значениями в контекстах реальных эпизодов. Переход от «феминной» рефлексии к фактам отражает разворот ментального пути героини от небезопасных игр разума к готовности увидеть действительность без иллюзий и обмана.

Ад и «свет Божий» соединяются через природные образы – ботанические, зоологические и антропологические. «Рай» представлен фантазийными картинками «дачного пейзажа», все равно отмеченного образами смерти: мертвые рыбки на опавших листьях, «дохлые мошки», «зудение жуков в запотевшей морилке», юная «инсектантка». «Ад» в повести – это и виварий, в котором свершается акт любви сре-

ди лая собак, брызгающих слюной, и лаборантская со «строим заспиртованных наших меньших братьев с кишками наружу», где происходят унижительные разговоры Жени с трусливым прелюбодеем «Алешенькой», и ванна, в которой страшно умирает мать Жени, и дом, где живут и «умертвляют друг друга по кусочкам» родные люди, и больница с «усохшей старухой». В диалоге с «Алешей» в лаборантской, на фоне банок с «препарированными пучеглазыми», Женя называет их любовную связь «Гимном пошлости. <...> Пестиками и тычинками. Жизнь и смертью» [18. С. 65].

Биологический образ совокупления – «пестики и тычинки» – и тема греховного сладострастия являются в повести всеобъемлющими. Финальная фраза повести: «Крепче обхватила, прижала изо всех сил <...> Засмеялась, уже вбирая в себя жизнь» [Там же. С. 79]. Помимо «пестика» в семантической сетке повести есть и другие «соединительные сосуды». Одним из них является стеклянная колба, которую Женя приставляет к стене и подслушивает беспощадный рассказ тети Мики о самоубийстве матери. Другой – замочная скважина, через которую Женя подглядывает за тетей и ее слепым сыном. Но животворящая энергия «пестиков и тычинок», как и ботанических образов в финале «Улисса», перекрывает мрачные картины адовых мук.

Заключение

Художественная система М. Шишкина генеалогически связана с модернистской традицией письма. Она формируется джойсовской теорией ритма красоты, обнаруживаемой в тривиальной природе жизни. Шишкин развивает поэтику джойсовского автобиографического романа, воспроизводит джойсовскую технику интертекстуальности и анастомозных соединений «всего со всем».

Повесть «Слепой музыкант» содержит все названные свойства модернистской поэтики. Игра со светом и тьмой, заданная циклическим ритмом смены дня и ночи, периодичностью переключений дискурса с миметического на мифопоэтический (интертекстуальный), приводит к выходу героини к свету жизни. Эти структурные приемы повествования напоминают таковые в рассказах и романах Джойса, герои которых, подобно Минотавру, бессмысленно передвигаются по лабиринтам Дублина, пока в моменты просветления-эпифании их сознание

не уловит правду о себе, запечатлев красоту тривиального. Модернистской является и идеология Шишкина – его «новый языкомир» творится как форма примирения человека с несовершенством мира и способ прояснения его смыслов.

Литература

1. Каспэ И.М. «Глина документа»: роман Михаила Шишкина «Венерин волос» // Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х : препринт WP6/2010/02. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 48 с.
2. Рыбальченко Т.Л. Дети и детство в романе М. Шишкина «Венерин волос» // Русская литература в XX веке. Томск : Том. гос. ун-т, 2008. С. 247–269.
3. Рогова Н.Е. Некоторые аспекты художественной целостности романа М. Шишкина «Письмовник» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 5 (31). С. 105–118.
4. Оробий С.П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. 161 с.
5. Лашова С.Н. Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 178 с.
6. Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Краков : Scriptum, 2017. 507 с.
7. Безрукавая М.В. М. Шишкин: кто он – модернист или постмодернист? // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-1 (39). С. 74–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/m-shishkin-kto-on-modernist-ili-postmodernist> (дата обращения: 19.01.2019).
8. Лашова С.Н. Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 20 с.
9. «...наносит ответный удар». URL: <https://mezhd.livejournal.com/9359.html> (дата обращения: 19.01.2019).
10. Шишкин М. «Писатель должен ощутить всеисилие» : интервью, 04.08.2010. URL: <http://apps.kontrakty.ua/coffe/17-mikhail-shishkin/32.html> (дата обращения: 15.01.2019).
11. Шишкин М. «Язык – это оборона». Михаил Шишкин о новом типе романа, русском языке и любви к Акакию Акакиевичу (беседу вел Г. Морев) // Критическая Масса. 2005. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html> (дата обращения: 11.01.2019).
12. Ellmann R. James Joyce. Oxford : Oxford University Press, 1983. 887 p.
13. Bowker G. James Joyce: a New Biography. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2013. 656 p.
14. Шишкин Михаил Павлович : биография и книги автора // RuLit : электронная библиотека. URL: <https://www.rulit.me/authors/shishkin-mihail-pavlovich> (дата обращения: 20.01.2019).

15. Joyce J. *Ulysses*. New York : Vintage Books, 1966. 783 p.
16. Шишкин М. Пальто с хлястиком. URL: <https://7books.ru/readbook/palto-s-khlyastikom-mikhail-shishkin> (дата обращения: 15.02.2019).
17. Шишкин М.П. Взятие Измаила // Знамя. 1999. № 10–12. URL: <http://lib.ru/PROZA/SHISHKIN/izmail.txt> (дата обращения: 25.01.2019).
18. Шишкин М.П. Слепой музыкант // Знамя. 1994. № 1. 62–79.
19. Джойс Дж. Стихотворения : сб. : на англ. яз. с парал. рус. текстом / сост. Г. Кружков. М. : Радуга, 2003. 240 с. URL: <http://www.james-joyce.ru/works/joyce-poems.htm#t1> (дата обращения: 19.01.2019).
20. Baron S. Joyce, Genealogy, Intertextuality // *Dublin James Joyce Journal*. 2011. № 4. P. 51–71. URL: http://ucl.academia.edu/ScarlettBaron/Papers/1520098/Joyce_Genealogy_Intertextuality (accessed: 10.01.2019).
21. Червинский П., Надель-Червинская М. Толково-этимологический словарь иностранных слов русского языка. Тернополь : Крок, 2012. 640 с.
22. Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Дж. Собрание сочинений : в 3 т. М. : ЗнаК, 1994. Т. 3: Улисс : роман (ч. III) / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. С. 363–605. URL: <http://joyce.msk.ru/horuj.htm> (дата обращения: 15.01.2019).
23. Джойс Дж. Дублинцы. Портрет художника в юности : на англ. яз. / предисл. и коммент. Е.Ю. Гениевой. М. : Прогресс, 1982. 588 с.
24. Джойс Дж. Дублинцы. Портрет художника в юности. Стихотворения. Изгнанники. Статьи и письма / пер. М.П. Богословской-Бобровой. М. : Пушкинская библиотека : АСТ, 2004. 439 с.
25. Шишкин М.П. Урок каллиграфии. URL: <https://www.rulit.me/books/urok-kalligrafii.read-274845.html> (дата обращения: 29.01.2019).
26. Ингеманссон А.Р. Особенности повествовательной структуры повести М. Шишкина «Слепой музыкант» // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2, т. 1. С. 230–233.
27. Вахрушев В.С. Джонатан Свифт // Вахрушев В.С. Поэтика английского романа XVI–XVIII веков. Балашов : Николаев, 2008. С. 45–69.
28. Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел : роман / пер. М. Кузмина // Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения. М. : Худож. лит., 1988. С. 112–304.
29. Краткая история почтовой открытки // Каталог почтовых открыток СССР. URL: http://izogiz.ru/statiya/istoriya_otkrytki (дата обращения: 16.02.2019).

Joyce's Literary Tradition in Mikhail Shishkin's Prose and Its Evocation in the Story "The Blind Musician"

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 40–59

DOI: 10.17223/23062061/26/3

Ludmila V. Comuzzi, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation).

E-mail: ltataru@yandex.ru

Keywords: Mikhail Shishkin, James Joyce, autobiographical prose, intertextuality, modernism, narrative, rhythm.

In this article, Mikhail Shishkin is presented as a literary successor to James Joyce's modernist tradition of writing. The nature of the ties connecting his creative method with that of Joyce is considered in two aspects which also qualify the narrative structure of his texts, namely the autobiographical and intertextual ones. While the autobiographical features of Joyce's works can be estimated by his numerous biographies and archives, the facts from Shishkin's life, the writer being our contemporary, can mostly be judged on by their creative interpretations in his own literary works. However, in its degree of truthiness, Shishkin's autobiographical prose is in large excess over that of Joyce's who would rather tend to aesthetic transformations of his life in the art forms. The two writers' life stories themselves demonstrate a noticeable parallelism: both are linguistically sensitive; both did similar jobs along with their primary, literary occupation (a teacher, a journalist, a lecturer, a translator); for both, mother's death of cancer and the child's illness are reflected in recurrent literary motifs; both left for Switzerland to write about homeland from the meta-distance of the artist. Shishkin follows Joyce's strategy of interlacing the intimate, painful episodes of his personal life into the literary texture of his writings. The very episodes of the lives of the two writers belonging to different national and historical cultures are quite identical, too. It is only that Shishkin goes further than Joyce in directness and candour, thus putting Joyce's principle of mimesis on edge. This ultimate autobiographicity makes Shishkin, on the one hand, a successor to the tradition of Russian classical literature (remember his "love for Akaki Akakievitch"), as well as the tradition of truth in the 20th-century literature. On the other hand, it attaches him to the postmodern trend of transforming text into reality. Anyway, unlike postmodernists who are destroying literary discourse together with the characters articulating it, Shishkin "plays" with it in order to bring the novel back to life. Aesthetically, Shishkin reproduces and expounds Joyce's theory of the "rhythm of beauty", his technique of radical intertextuality and anastomosis connections of "all in all". The story "The Blind Musician" has every trait of modernist poetics outlined above. The plays with light and darkness set by the cyclic rhythm of the day/night alternation and by regular shifts from mimetic to mythopoetic (intertextual) discourse are the structural narrative devices similar to those used by Joyce. Joyce's characters, like Minotaurs, are wandering blindly through the labyrinth of Dublin until they arrive at the visionary moment of epiphany, when the beauty of a trivial truth lights up in their minds. Shishkin's ideology is also modernist in character, since his "new linguoworld" is created as a mode of reconciling man with this world's imperfections and as a mode of clarifying its sense.

References

1. Kaspe, I.M. (2010) *Kogda govoryat veshchi: dokument i dokumentnost' v russkoy literature 2000-kh: preprint WP6/2010/02* [When Things Say: Document and Documentation in Russian Literature of the 2000s: Preprint WP6 / 2010/02]. Moscow: HSE.
2. Rybalchenko, T.L. (2008) Children and childhood in the novel "Venus Hair" by M. Shishkin. *Russkaya literatura v XX veke*. 9. pp. 247–269. (In Russian).

3. Rogova, N.E. (2014) Some aspects of the artistic integrity of M. Shishkin's novel "Pismovnik". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5(31). pp. 105–118. (In Russian).

4. Orobiy, S.P. (2011) "Vavilonskaya bashnya" Mikhaila Shishkina: opyt modernizatsii russkoy prozy ["The Tower of Babel" by Mikhail Shishkin: Experience in Modernizing Russian Prose]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

5. Lashova, S.N. (2012) *Poetika Mikhaila Shishkina: sistema motivov i povestvovatel'nye strategii* [Poetics of Mikhail Shishkin: a system of motives and narrative strategies]. Philology Cand. Diss. Perm.

6. Skotnitskaya, A. & Svezhy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury: Mikhail Shishkin* [Iconic names of modern Russian literature: Mikhail Shishkin]. Krakov: Scriptum.

7. Bezrukavaya, M.V. (2014) M. Shishkin, who he is – the modernist or post-modernists? *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*. 11-1(39). pp. 74–76. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/m-shishkin-kto-on-modernist-ili-postmodernist> (Accessed: 19th January 2019).

8. Lashova, S.N. (2012) *Poetika Mikhaila Shishkina: sistema motivov i povestvovatel'nye strategii* [Poetics of Mikhail Shishkin: a system of motives and narrative strategies]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.

9. Anon. (n.d.) "...nanosit otvetnyy udar" ["... strikes back"]. [Online] Available from: <https://mezhd-du.livejournal.com/9359.html> (Accessed: 19th January 2019).

10. Shishkin, M. (2010) "Pisatel' dolzhen oshchutit' vsesilie": interv'y, 04.08.2010 ["A writer must feel omnipotence": interview, August 4, 2010]. [Online] Available from: <http://apps.kontrakty.ua/coffe/17-mikhail-shishkin/32.html> (Accessed: 15th January 2019).

11. Shishkin, M. (2005) "Yazyk – eto oborona". Mikhail Shishkin o novom tipe romana, russkom yazyke i lyubvi k Akakiyu Akakievichu (besedu vel G. Morev) ["Language is defense". Mikhail Shishkin on a new type of novel, the Russian language and love for Akaki Akakievich (interviewed by G. Morev)]. *Kriticheskaya Massa*. 2. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html> (Accessed: 11th January 2019).

12. Ellmann, R. (1983) *James Joyce*. Oxford: Oxford University Press.

13. Bowker, G. (2013) *James Joyce: a New Biography*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

14. Rulit.me. (n.d.) *Shishkin Mikhail Pavlovich: biografiya i knigi avtora* [Shishkin Mikhail Pavlovich: biography and bibliography]. [Online] Available from: <https://www.rulit.me/authors/shishkin-mihail-pavlovich> (Accessed: 20th January 2019).

15. Joyce, J. (1966) *Ulysses*. New York: Vintage Books.

16. Shishkin, M. (n.d.) *Pal'to s khlyastikom* [A Coat with a Strap]. [Online] Available from: <https://7books.ru/readbook/palto-s-khlyastikom-mikhail-shishkin> (Accessed: 15th February 2019).

17. Shishkin, M.P. (1999) *Vzyatie Izmaila* [The capture of Ishmael]. *Znamya*. 10–12. [Online] Available from: <http://lib.ru/PROZA/SHISHKIN/izmail.txt> (Accessed: 25th January 2019).

18. Shishkin, M.P. (1994) *Slepyy muzykant* [A Blind Musician]. *Znamya*. 1. pp. 62–79.

19. Joyce, J. (2003) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Translated from English by G. Krzhkov. Moscow: Raduga. [Online] Available from: <http://www.james-joyce.ru/works/joyce-poems.htm#t1> (Accessed: 19th January 2019).

20. Baron, S. (2011) Joyce, Genealogy, Intertextuality. *Dublin James Joyce Journal*. 4. pp. 51–71. [Online] Available from: http://ucl.academia.edu/ScarlettBaron/Papers/1520098/Joyce_Genealogy_Intertextuality (Accessed: 10th January 2019).

21. Chervinskiy, P. & Nadel-Chervinskaya, M. (2012) *Tolkovo-etimologicheskiy slovar' inostrannykh slov russkogo yazyka* [The Explanatory-Etymological Dictionary of Foreign Words of the Russian Language]. Ternopol: Krok.

22. Khoruzhiy, S.S. (1994) “Ulysses” v russkom zerkale [“Ulysses” in the Russian mirror]. In: Joyce, J. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Vol. 3. Translated from English by V. Khinkis, S. Khoruzhey. Moscow: ZnaK. pp. 363–605. [Online] Available from: <http://joyce.msk.ru/horuj.htm> (Accessed: 15th January 2019).

23. Joyce, J. (1982) *Dublintsy. Portret khudozhnika v yunosti* [Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man]. Translated from English. Moscow: Progress.

24. Joyce, J. (2004) *Dublintsy. Portret khudozhnika v yunosti. Stikhotvoreniya. Izgnanniki. Stat'i i pis'ma* [Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man. Poems. Exiles. Articles and Letters]. Translated from English by M.P. Bogoslovskaya-Bobrova. Moscow: Pushkinskaya biblioteka: AST.

25. Shishkin, M.P. (n.d.) *Urok kalligrafii* [A calligraphy lesson]. [Online] Available from: <https://www.rulit.me/books/urok-kalligrafii.read-274845.html> (Accessed: 29th January 2019).

26. Ingemansson, A.R. (2012) Features of the narrative structure of “A Blind Musician” by Mikhail Shishkin. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2(1). pp. 230–233. (In Russian).

27. Vakhrushev, V.S. (2008) *Poetika angliyskogo romana XVI–XVIII vekov* [Poetics of the English Novel of the 16th – 18th Centuries]. Balashov: Nikolaev. pp. 45–69.

28. Apuleius. (1988) *Metamorfozy, ili Zolotoy osel* [Metamorphoses, or the Golden Donkey]. Translated from Latin by M. Kuzmin. In: Apuleius. “*Metamorfozy*” i *drugie sochineniya* [Metamorphoses and Other Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 112–304.

29. Izogiz.ru. (n.d.) *Kratkaya istoriya pochtovoy otkrytki* [A Brief History of Postcards]. [Online] Available from: http://izogiz.ru/statiya/istoriya_otkrytki (Accessed: 16th February 2019).

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 811.11-112

DOI: 10.17223/23062061/26/4

Е.Р. Сквайрс

ПЕРВОПЕЧАТНЫЕ ТРАВНИКИ ГЕРМАНИИ ИЗ СОБРАНИЯ РГБ: НА ПУТИ К МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Маргинальные владельческие записи в шести экземплярах инкунабульных изданий иллюстрированных травников Петера Шёффера (Майнц, 1484, 1485) сравниваются и анализируются как свидетельство массового пользовательского интереса. Социальные, профессиональные, региональные характеристики владельцев выясняются на основе различных типов записей. Владельческие записи на немецком языке анализируются как отражение ожиданий / требований региональных читателей, при этом затрагивается вопрос о взаимовлиянии между языковой стратегией книгопечатников и узусом носителей немецкого языка.

Ключевые слова: инкунабулы Петера Шёффера, иллюстрированные травники Германии, владельческие записи, названия растений, история немецкого языка, диалекты, массовая литература.

Вводные замечания

Среди первопечатных книг различной тематики обращают на себя внимание издания травников, выполненные различными типографами. Развившийся из естественнонаучной литературы раннего Средневековья, этот жанр в последующие столетия занимал заметное и почетное место в словесной культуре Германии и был поэтому широко распространен в различных центрах средневековой немецкой письменности и науки.

Прототипы немецких рукописных травников – латинские ботанические трактаты – тематически располагаются в двух областях, совмещающая теоретическое научно-описательное направление с практическим прикладным характером содержащихся в них знаний. С этим связана двойная идентификация ботанических сочинений как опреде-

лителей растений и как медицинских руководств, в которых большую часть составляли перечисления лечебных свойств тех же растений и рекомендации по их применению, включая рецепты изготовления лекарственных средств. Следствием этого было то, что большой запас знаний, накопленных с античных времен, был доступен в виде широкого круга текстов, переработок и компиляций на латинском языке; эти тексты встречаются практически во всех средневековых научных центрах Европы. С другой стороны, прикладной медицинский аспект и относительная доступность исходного (растительного) сырья обеспечивали этой литературе большой массовый потенциал. Рукописные руководства жанра травников-лечебников были нужны не только ученым медицинских факультетов, но и городским лекарям, а в перспективе – каждой семье горожан, которые уже владели грамотой и нуждались в справочном материале для самостоятельного решения ежедневных проблем, связанных со здоровьем членов семьи и домашних животных.

Начало эволюции естественнонаучных знаний от наследия античной науки, сохраненной в теоретических трактатах, до популярных сборников для обычных людей можно проследить на традиции немецких рукописных сборников¹. Однако такой широкий масштаб распространения, который обеспечил общепользовательными естественнонаучными знаниями массы людей различных сословий и профессий, стал возможен только с возникновением книгопечатания².

¹ Так, признаки адаптации для практического применения обнаруживают известные рукописные памятники из библиотеки Московского университета: первый немецкий перевод одного из влиятельных ботанических сочинений Средневековья, латинского трактата «Macer Floridus» (XIV в.), сборник рецептов XV в., скомпилированный на основе «Физики» знаменитой Хильдегарды Бингенской (шифры ОРКиР, фонд № 40 «Коллекция документов Густава Шмидта», оп. 1, № 42 и 43) [1. С. 562–566, 569–587]. Пример дальнейшего развития в направлении популярных сборников в XV в. иллюстрирует рукописная «Народная медицинская книжка» (в том же фонде, оп. 1, № 49), описанная П.В. Морозовой [2. С. 8–13, 15–23, 3].

² О «высоком спросе на повествовательное чтение» и массовом охвате различных социальных слоев ранней книгопечатной продукцией пишут как историки немецкого языка [4. С. 105; 5. С. 211], так и филологи и книговеды [6. С. 264; 7. С. 349–350].

Наука для массового читателя

На фоне рассмотрения этих процессов становится ясно, почему с возникновением книгопечатания заметное место в выборе общепригодной тематики и выгодного материала для ранних типографий отводится травникам и они рано распространяются в целом ряде инкунабульных изданий.

Дополнительную привлекательность печатным травникам придают иллюстрации (эту традицию можно также встретить в рукописной ботанической литературе). Сочетание визуального материала – иллюстраций в виде печатных гравюр с последующей цветной раскраской – и легко читающегося, четко структурированного печатного текста дают читателю два удобных канала для быстрого ориентирования в книге. Нельзя забывать и о качестве этих гравюр, придающих чтению увлекательность и, несомненно, определенное эстетическое удовольствие.

В ранних печатных травниках Германии можно наблюдать своеобразное взаимодействие: здесь представлена научная, латинская и в основном южно-европейская (по географическому ареалу большинства описываемых растений) основа, которую немецкие первопечатники приближали к массовому потребителю в двух аспектах:

- первый аспект заключался в отождествлении растений научных трактатов с местной, знакомой немецкому читателю флорой;
- вторым – собственно языковым – аспектом этой адаптации был перевод на немецкий язык, в том числе и указание местного названия растения, что, в свою очередь, не было возможно без первого аспекта.

В результате предпринятых изданий печатные травники достигали разнообразных пользовательских кругов. Свидетельством активного интереса читателей являются записи и пометы, оставленные владельцами на листах доступных сегодня экземпляров.

Эти письменные свидетельства, собранные в уникальных экземплярах первопечатных травников, служат в данной работе материалом для изучения читательской аудитории с точки зрения ее состава, времени и цели обращения к травнику. Так, по форме и содержанию этих рукописных дополнений можно различить несколько типов записей, которые отражают различный характер работы с книгой, обусловленный специфическими целями и компетенциями читателей (владельцев). Кроме того, маргинальные записи различных пользова-

телей позволяют собрать ценный материал народных фитонимов и определить диалектные / региональные характеристики их авторов.

Собранные здесь читательские маргиналии были впервые расшифрованы, транскрибированы, переведены и проанализированы автором для задач данной работы. В качестве метода исследования применены языковой и диалектный анализ письменных дополнений, их палеографическая и хронологическая оценка на основе характера письма, сравнение внесенных читателями фитонимов с данными последующих изданий и с современными немецкими терминами.

Корпус источников

Библиотеки Москвы – в первую очередь Российская государственная библиотека – располагают целой коллекцией инкунабул-травников Германии, из которых наибольший интерес для изучения владельческих записей представляют экземпляры издания Петера Шёффера.

В данной статье анализируются владельческие (читательские) записи в экземплярах двух печатных изданий Петера Шёффера, находящихся в НИОРК («Музей книги») Российской государственной библиотеки:

– издание *Herbarius*. Mainz: Peter Schöffer, 1484; экземпляры под шифрами: МК Inc / 2837; МК Л-111; МК Inc 8.247¹;

– издание *Johannes de Cuba: Gart der Gesundheit*. Mainz: Peter Schöffer, 1485; экземпляры под шифрами: МК Inc 8.138; МК Л-112². При необходимости для сравнения привлекается экземпляр того же травника, находящийся в Научной библиотеке МГУ (ОРКиР НБ МГУ).

«Гербарий» Петера Шёффера в издании 1484 г. является первым печатным иллюстрированным травником Германии³, а обе рассмат-

¹ Издание значится в Сводном каталоге инкунабул, *Gesamtkatalog der Wiegendrucke*: GW: 12268 *Herbarius*. Mainz: [Peter Schöffer, 14]84. Далее при цитировании в статье принято сокращение Herb. с номером по списку -1, -2, -3; если номер не указан, это означает, что цитата взята из самого печатного издания.

² В Сводном каталоге инкунабул, *Gesamtkatalog der Wiegendrucke*: GW: M09766 *Johannes de Cuba: Gart der Gesundheit*. Mainz: [Peter Schöffer], 28.III.1485. Далее при цитировании принято сокращение Gart с номером по списку -1, -2.

³ Ранее травников Петера Шёффера появилась только инкунабула 1481 г. (не позднее 1483 г.), изданная в Риме по рукописи так называемого «Псевдо-Апулея» (на основе рукописи IX в. из монастыря Монтекассино) [8. Sp. 1073].

риваемые здесь его инкунабулы этого книгопечатника составляют, вместе с изданием Якоба Мейденбаха 1491 г., знаменитую тройку «майнцских травников-инкунабул». Как мы видим, два травника Петера Шёффера – «Гербарий» 1484 г. на латинском языке, а за ним «Сад здоровья» 1485 г. на немецком – являются первенцами этого жанра в Германии. При этом за короткий период между первым и вторым изданиями был сделан важный шаг для приближения медикоботанических знаний к широкой публике: их печатная публикация на немецком языке, т.е. впервые произошло тиражирование этого общепользовательного чтения в форме, доступной не только образованной среде, но и широкой читающей публике.

Ученые реплики на печатной странице

В экземпляре «Гербария» 1484 г. Herb.-2 одним и тем же почерком во многих местах внесены греческие названия растений и медицинские термины, дублирующие печатные латинские. Латинские записи на полях дублируют термины из текста рядом, очевидно, служа просто указателями на нужные места книги.

В «Гербарии» Herb.-3 поля заняты пространными, содержательными латинскими дополнениями, по характеру близкими к печатному тексту. Среди них встречаются и ссылки на источники, и поправки в указателе. Эти дополнения, сделанные разными почерками, принадлежат, очевидно, ученым профессионалам, которых книга интересует с научной точки зрения.

В экземпляре травника «Сад здоровья» Gart-1 во многих местах внесены названия растений, дополнительные, синонимичные тем, которые употреблены в печатном тексте – латинские, иногда и греческие научные и немецкие народные (тривиальные). Эти записи сделаны одним и тем же почерком, гораздо более поздним (начала XVIII в.), чем время издания книги (рис. 1). Очевидно, и здесь имеет место скорее академический интерес, чем практическое использование книги, к тому же уже утратившей ко времени записей свою актуальность.

Оформление отдельных глав травника – с гравюрой, за которой идут оба (латинское и немецкое) названия растения, набранные крупным шрифтом, а далее – латинский текст статьи более мелким шрифтом – встречается и в других травниках, в том числе в изданиях у дру-

гих книгопечатников¹. Именно эти места сбоку от гравюры и рядом с немецким названием используют владельцы экземпляров для своих дополнений и пояснений, которые будут рассмотрены далее.

Рис. 1. Асафетида, или ферула вонючая: глава XLI, Hortus Sanitatis (РГБ, МК Inc. 8.138). Латинские и греческие владельческие записи слева от гравюры, справа – немецкая, тем же почерком (ок. 1700 г.)

¹ Такой вид организации страницы встречается, например, в травнике *Herbarius latinus Pataviae*. Passau, Johann Petri, 1485, содержащем 150 больших гравюр, раскрашенных вручную. Это издание из Пассау считается «репринтом» 1485 и 1486 гг. сделанным с шёфферовского «Гербария» [9. S. 76]. Так же оформляются как более поздние печатные травники, так нередко и более ранние рукописные иллюстрированные: в них тоже встречается расположение названий глав / заглавных растений по обе стороны от нижней части изображения, около корней растения.

Здесь нередко приводятся другие немецкие названия или же комментируются или исправляются ошибочные, по мнению читателя, названия, приведенные в печати. Например, этот же экземпляр Gart-1, о котором говорилось выше, интересен еще и другими записями, сделанными отличным, более ранним почерком. Сравнение характера и назначения этих хронологически различных напластований могло бы составить отдельную исследовательскую задачу, связанную с судьбой и сменой владельцев конкретного экземпляра травника; однако здесь данный аспект лучше оставить в стороне и перейти к анализу самих этих ранних записей.

На листе, где начинается глава CLXXXVI, в печатном заглавии стоит по-латински *Febrifuga*, но здесь же рядом сделана владельческая запись: *Diss ist nicht der ware Name* «Это не настоящее название». Теми же чернилами выделено (отчеркнуто справа и снизу) слово *Febrifuga*. Все это с очевидностью означает, что владелец не согласен с названием главы. Предположительно тем же почерком сделана еще одна запись, повыше, слева от гравюры, содержащая другие обозначения на латинском и на немецком языках: *Matricaria, Mutter Krautt, der Metter, Meyttblume*. Владелец, таким образом, считает первоначальное (напечатанное) заглавное название не соответствующим изображению и описанию в тексте и предлагает правильные названия. В самом печатном тексте, непосредственно под заглавием *Febrifuga meter*, стоит то же самое латинское название; в нем пропущен печатный инициал, и для его добавления (на стадии рубрикации) оставлено большое пустое место: эти вписанные инициалы в книге имеют высоту трех строк и почти такую же ширину, лишь немного выходя элементами украшения влево за площадь печатного текста (рис. 2) Сюда рубриктор вписал красным “F”, следуя, таким образом, напечатанному.

Латинское слово в наборе и рубрике не содержит языковой ошибки, которая могла бы объяснить критическую запись владельца. Однако по форме это прилагательное, которое – в варианте *febrifuga* – встречается как вторая часть научных названий, «противолихорадочная» (например, *dichroa febrifuga* = дихроа противолихорадочная), и как медицинский термин (для обозначения класса жаропонижающих лекарственных средств)¹. В медицинском контексте оно встречается

¹ См. ‘*Febrifugia*’ в фармакологическом справочном ресурсе [10].

и гораздо ранее, причем в форме febrifugia, например в медико-ботаническом труде 1701 г. (цит. по переизданию 1798 г. [11. Р. 497]), а также как определение ко многим названиям лекарственных растений, например к centaurea minor (разновидность василька) [12. S. 808–809]. Наконец, в первоисточниках термин febrifugia, берущий начало еще в I в. н.э., от образцового для всех европейских травников труда Диоскорида, тоже обозначает не растение, а его жаропонижающее свойство.

Рис. 2. Латинское заглавие Febrifuga, к которому сделана критическая помета (слева внизу): Diss ist nicht der ware Name «Это не настоящее название». Выше слева – по-латински Matricaria и три немецких названия. Глава CLXXXVI, Hortus Sanitatis (РГБ, МК Inc. 8.138)

В то же время этот описательный термин стал и источником для фитонимического субстантива. Например, в английском языке feverfew (ср. fever «жар, лихорадка») было заимствовано из латинского febrifugia в качестве названия растения, аналогичное образование есть и в (современном) немецком: Fieberkraut (буквально «травя от лихорад-

ки»). Очевидно, одно из наиболее ранних употреблений фитонима в Германии встречается в середине XII в. в глоссе *matirna* к латинскому *febrifugia* [13. S. 393]. Здесь, как можно убедиться, *febrifugia* (именно в такой форме) глоссируется словом *matirna*, т.е. понимается как собственно название растения¹.

И все же научное название растения, о котором идет речь в травнике – не *Febrifuga*, а *Tanacetum parthenium*. Оно имеет цветы, похожие на ромашку (например, на аптечную ромашку *Matricaria chamomilla*), чем, очевидно можно объяснить разногласия между печатным названием у Петера Шёффера и мнением владельца, отраженным в его записи: он не ограничивается указанием на ошибку, а предлагает свою идентификацию растения, вписывая латинское название *Matricaria* «ромашка» и три немецких. Кроме уже имеющегося в печатной версии немецкого фитонима *meter* он дает еще два; ср. немецкую часть записи: *Mutter Krautt, der Metter, Meyttblume*. Как нетрудно заметить, латинским заимствованием является не только название *febrifugia*, но и *Metter, meter*, документированное словарем Кёблера в XI в.

Однако при проверке этих немецких обозначений, приведенных в записи в качестве эквивалентов к латинскому *matricaria*, выяснилось, что они, напротив, соответствуют растению *Tanacetum parthenium* (так называемая «ложная ромашка»), которое имеет в немецком целый ряд тривиальных современных названий, среди которых выделяются группы:

- вариантов типа *Mutterkraut*, букв. «материнская трава» (растение применялось при женских недомоганиях); из вписанных владельцем этому слову соответствует *Mutter Krautt*;

- вариантов типа *Meter, Mater* и подобных, очевидно, в том же смысле, что предыдущее (от лат. *mater* «мать»); ему соответствует помета *Metter* и указанное в печатном тексте главы *meter*;

- тип *Mägdeblümen*, буквально «девичий цветок», как *Meyttblume* во владельческой записи;

- наконец, название *Fieberkraut*.

¹ На территории Германии заимствование *materna* уже употребляется как германский (древнесаксонский) термин с сер. XI в.; ср. в словаре Г. Кёблера: *дсакс. materna* = лат. *febrifugia* [14]. Здесь и далее для лингвистического анализа немецких названий разных языковых периодов (древнего, среднего и раннего нового) использованы словари и лексикографические базы данных [14–20].

Как мы видим, все немецкие названия из пометы сегодня относятся как раз к ложной ромашке, а не к аптечной. Названия и растения перепутал, следовательно, автор владельческой записи, тогда как в издании Петера Шёффера предполагаемая ошибка могла состоять лишь в том, что вместо фитонима приведено свойство растения. Но и это, возможно, не является ошибкой, если учесть, что такое обозначение (растения по его свойству) действительно имело место в немецком и английском языках. Суть терминологической проблемы, на которую отреагировал владелец, заключается, таким образом, в вопросе, правомерно ли было применить подобный перенос (с прилагательного на само растение) в отношении латинского слова. Или же для латинского это действительно неправильно, и тогда в печатном тексте имеет место обратный перенос: процесс, происшедший в германских заимствованиях, в книге приписан их латинскому источнику. Своеобразная «этимология задним числом».

К этому следует добавить, что следы своей работы с данной книгой оставил еще один пользователь – упомянутый выше автор более поздних помет (см. рис. 1), который проявляет знание научной терминологии и мог бы внести какие-то окончательные поправки к главе о ложной / аптечной ромашке. Однако он не делает на этой странице никаких помет, не вмешиваясь, а оставляя последнее слово за предшествующим читателем.

Короткая владельческая запись, сделанная на странице печатного немецкого травника, может, следовательно, открыть целую исследовательскую проблему, имеющую три интересные перспективы, так как затрагивает:

- 1) состояние научно-ботанических знаний в Германии, относящихся как ко времени напечатания книги, так и к датам ранних и поздних владельческих записей;
- 2) историю латинского заимствования в немецком языке (точнее – времени возникновения немецкого термина *Fieberkraut*;
- 3) семантику самого латинского *febrifugia*: было ли прилагательное субстантивировано и перенесено на конкретное лекарственное растение или нет.

Наконец, совсем иначе работали владельцы с экземпляром Gart-2: внутри глав книги записей совсем мало, однако пустые листы в начале и конце содержат связный немецкий текст. Это переписанные рецепты и другая информация, в том числе внесенная более поздним почерком.

Эти четыре книги (два экземпляра «Гербария» и два – «Сада здоровья») очевидно, иллюстрируют разнообразные виды научной или иной профессиональной работы с книгой в различное время, в том числе и существенно более позднее, когда непосредственного практического интереса книга, скорее всего, уже не представляла.

Инерция рукописного компилирования

Совсем иной характер и другой прагматический смысл можно видеть у записей следующей группы.

По сравнению с предыдущими примерами экземпляр травника 1485 г. из МГУ иллюстрирует не отвлеченный научный (или даже уже научно-исторический) интерес автора записей, а непосредственно мотивированную практическую работу с книгой: многие пустые места на полях книги, на листах после текстов и целиком оба форзаца заполнены многочисленными вписанными от руки рецептами на немецком языке. Печатный сборник, таким образом, значительно расширен за счет собранного его владельцем (читателем) материала; многие из рукописных рецептов вписаны рядом с напечатанными сведениями о том же растении, т.е. как бы интерполированы в ту же главу. Пользователь пополнил книгу информацией, взятой из других источников, при этом, судя по почерку, записи сделаны ненамного позднее создания самой книги. Такой образ действия напоминает интерполяции и компиляции, характерные для работы с рукописями – т.е. в предшествующей, еще рукописной традиции. Здесь можно увидеть, как, несмотря на наступление эры книгопечатания, читатели еще продолжают работать с книгой так же, как много столетий работали с рукописями.

Что касается владельческих записей этого типа, то такая работа предполагает хорошее знание темы и источников, однако она имеет и практическую цель и могла быть выполнена профессионалом-практиком.

Читательские отклики

Наконец, третий тип пользовательского «соавторства» наиболее скромный: оно состоит в коротких дополнениях в виде записи отдель-

ных слов – как правило, синонимов к немецким названиям заглавного растения. Эти дополнения не столько увеличивают или корректируют первоначальный печатный текст (как мы видели в первом и втором типах), сколько подсказывают другие (возможно, более общеизвестные) названия растений. При этом важно подчеркнуть, что в данном разделе речь идет о первом, латинском издании Шёффера, в котором по-немецки указано лишь одно название растения, расположенное непосредственно в заглавии справа. Тем не менее это предполагает у пользователей знание латинского языка, потому что уточнение немецких обозначений не имело бы смысла, если книга в целом была бы недоступна для понимания и использования. Но в эту эпоху грамотность населения, особенно городского, была достаточно высока, чтобы позволить развертывание книгопечатного дела, что и в нашей теме позволяет рассчитывать на умение читать по-латински в среде достаточно массового потребителя книг.

Это значит, что обычные читатели, державшие у себя дома книги-справочники по лекарственным и другим полезным средствам растительного происхождения, также могли оставлять записи, часто различными почерками, что говорит о том, что страницы книги становились местом, где собирались краткие указания, поправки, уточнения, сделанные иногда разными поколениями людей. Поскольку они не были профессионалами ни в научной, ни в практической медицинской областях, они могли вписывать немецкие обозначения, более знакомые и близкие им в собственной жизни, например местные обозначения или диалектные формы. Фактически владельческие (читательские) записи этого типа представляют собой обратную связь, ответ со стороны массового читателя, отражающий народный узус в области ботанических названий (рис. 3).

Благодаря этим записям становятся известными многочисленные фитонимы Германии этого конкретного периода, которые представляют интерес для историков немецкого языка. Кроме того, выбор (на фоне существующих других вариантов) того печатного немецкого эквивалента, который использован в издании, позволяет размышлять о замысле и даже языковой стратегии издателя. Выбирались ли наиболее распространенные во всей стране и потому более общеизвестные названия (в противоположность малоизвестным диалектизмам) или же, напротив, выбор ориентировался на приближение к ла-

тинскому образцу – ради придания более «научного» облика всей книге? В таком случае, как нетрудно догадаться, к этому, более наукообразному, словоупотреблению мог приобщаться и читатель, что со временем могло отразиться на народном узусе и потому тоже очень интересно для историка немецкого языка.

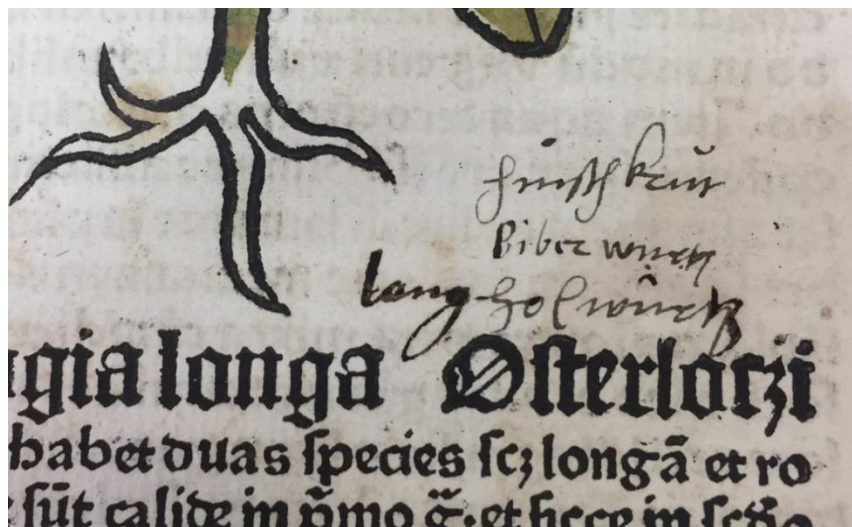

Рис. 3. Аристолохия. Глава XIII, Herbarius (РГБ, МК Inc 2837). Справа от гравюры владельческая запись, содержащая три различных немецких названия

Чем бы ни определялся выбор немецкого названия, предложенного в печатном тексте, пользователь, как можно убедиться, нередко реагировал на него своими пометами и замечаниями. Так на страницах инкунабулы возникает обмен мнениями и знаниями, который захватывает две участвующие в нем стороны: издателя (в коллективном смысле, т.е. создателей печатной книги) и пользователя.

Информационное взаимодействие между ними касается трех моментов: это латинский фитоним, стоящий во главе статьи слева, немецкое обозначение, размещенное справа, и большое гравированное изображение растения в центре верхней половины листа. На эту триаду пользователь реагирует по-разному. Один из таких примеров мы видели выше: бывают прямые возражения, когда в рукописной

помете отрицается соответствие названия изображению, а взамен предлагается другое название.

Но как правило, это непрофессиональные пользовательские дополнения, когда от руки дописываются другие названия растения, иногда с разными фонетическими и морфологическими вариантами. Из этих дополнений видно, каким синонимическим обозначениям издатель предпочел то, которое выбрал для печати. Языковой анализ может позволить выявить причины этого выбора.

Уточнения для личного пользования

Именно этот тип участия читателя в пополнении книги отражает тот поворот в традиции медико-ботанических жанров в сторону массового читателя, о котором говорилось выше.

Как уже было выяснено, интересующие нас владельческие записи – принадлежащие не профессиональным пользователям (ученым или медикам), а обычным людям, – есть в основном в экземпляре Herb.-1. Они не очень многочисленны, в ряде глав их нет совсем. Тем не менее эти главы тоже представляют интерес, в первую очередь для сравнения с теми частями, где владельцы активно проявили себя при помощи своих поправок и дополнений.

Ниже приведены примеры из трех глав, свободных от читательских записей. Это те случаи, когда латинское и немецкое названия идентичны, т.е. в немецком языке употребляется латинское заимствование, и владелец не внес никаких дополнительных названий (табл. 1).

Таблица 1

Примеры наименований растений из глав, свободных от читательских записей

Растение	Издание	Латинское название	Немецкое название	Буквальный перевод
Кориандр	Herb.-1, XLI	Coriandru(m)	Coriander	
	Gart CIII	Coriandru(m)	Coriander	
Петрушка	Herb.-1, LII	Petrosiliu(m)	petersilge	
	Gart CCCIII	Petrosiliu(m)	petersilgen	
Ромашка	Herb.-1, XXXVII	Camomilla	Camillen	
	Gart LXXXIII	Camomilla	Camillen blomen	«цвет ромашки»

В главах о кориандре, петрушке и ромашке, как видно из табл. 1, «Гербарий» и «Сад здоровья» совершенно единодушны в использовании в качестве немецкого эквивалента латинского заимствования; владельцами также не сделано никаких дополнений, за исключением только уточнения «цвет» в главе о ромашке. В современном немецком языке данные латинизмы до сих пор являются общепринятыми основными обозначениями этих растений. Факт отсутствия немецких синонимов тем более примечателен, что в Германии, несомненно, должны были быть другие, исконно немецкие, «народные» названия этих распространенных и хорошо знакомых растений. Например, в упомянутом выше немецком переводе трактата *Macer floridus* XIV в. ромашка названа, кроме заимствованного [C]amonilla, немецким термином *wizzelblumen* (букв. «белый цветок»). Интересно поэтому, что ни издатель книги, ни впоследствии владелец экземпляра не привели ни этого, ни других народных названий ромашки. Чем объясняется факт такого вытеснения собственных обозначений в травниках XIV–XV вв. в отношении именно этих растений, неясно. Возможно, это проявление тенденции к тому самому (упомянутому выше) приближению немецкого книжного узуса к научной терминологии латинских образцов. Но для ответа на этот вопрос требуется отдельное исследование, желательно на большем количестве аналогичных случаев.

Следующие примеры похожи на рассмотренные выше. Хотя в этих случаях в травнике употреблено не латинское заимствование, а исконное немецкое, но владельческие записи и здесь предлагают лишь минимальные уточнения: к основному имени добавлено «трава» или «ягода». Можно привести два примера.

Одним и тем же названием, хотя и с небольшими фонетическими вариантами, обозначен в обоих травниках Петера Шёффера можжевельник; ср. *Herb.-1*, глава LXXIII: *Juniperus* – по-немецки *wecholder*, в издании «Сада здоровья» 1485 г. (cap. CCXVIII) – тоже *wegholder*, ср. соврем. нем. *Wachholder*. В «Гербарии» 1484 г. справа от гравюры владельцем сделана уточняющая запись: *wecholder ber* «можжевельовая ягода» (хотя гравюра изображает все растение).

Аналогичное рукописное уточнение сделано и в статье, посвященной укропу: в «Гербарии» 1484 г. и в немецком издании 1485 г. у Шёффера даются одинаковые обозначения: лат. *Anetum* и его немецкий эквивалент *Dille* (*Herb.*, cap. X; *Gart*, cap. XIII). Однако чи-

тателю (владельцу), очевидно, было важно уточнить: справа от гравируры стоит рукописная помета Dill krautt «Укроп-трава» или «укропная трава» (Herb.-1).

Немецкая ботаническая синонимика

Более многочисленную и очень интересную группу составляет второй тип – это содержательные владельческие записи. Ниже для большей наглядности в виде таблицы представлены примеры заглавных названий восьми глав «Гербария» 1484 г., вместе с которыми под общим порядковым номером в нижних строках помещены данные о тех же растениях из трактата «Сад здоровья» 1485 г. (табл. 2). В последнем столбце приведены полностью владельческие записи в «Гербарии»¹.

Таблица 2

Примеры заглавных названий глав «Гербария» 1484 г.

№	Издание	Заглавное растение	Латинское название	Немецкое название	Название в записи
1	Herb.- 1, LXXIII	(дикий ирис)	Yreos vel yris	swertelwortzel букв. «мечик-трава»	Himel Schwerttl oder Violwurtz
	Gart, LXXIII		Yreos vel iris	swertelwortzel	
2	Herb.-1, XII	копытень, азарум	Asarum	Haselwortz	Pfefferlauch (вычеркнуто)
	Gart, XIX		asarum	Haselwortz	
3	Herb.-1, XVIII	очный цвет	Auricula muris	musz ore букв. «мышинное ухо»	mouss örl; haidnisch wund- krautt букв. «языческая тра- ва для ран»
	Gart, XXVIII		Auricula muris siue Anagallus	musz ore	
4	Herb.-1, XVII	аронник пятнистый	Aaron	aron	pfaffen pint «половой член священника»; fur den pruch «для грыжи»
	Gart, XVI		Aaron	Aron	

¹ Все латинские и немецкие примеры из источников цитируются с сохранением орфографических особенностей.

Окончание табл. 2

№	Издание	Заглавное растение	Латинское название	Немецкое название	Название в записи
5	Herb.-1, XXX	бриония	Brionia	roselwortzel	wild ruben, wilder kurbes, wilder zitwer, hundes Kirbes, Teufl Kirschen
	Gart, LXVIII	переступень белый, или бриония	brionia	stickwortz oder raselwortz	
	Gart, CCCCXXII	куркума, цитварный корень	viticella	wilder zitwan oder stickwortz	
	Gart, CCCCXXXIII		zedvaria	zytwan	
6	Herb.-1, LXXXV	тысячелист- ник	Millefolium	garbe	garb, Schaffripp, Gerbel
	Gart,		Millefolium	garbe	
7	Herb.-1, XIII	аристолохия	Aristologia longa	Osterlotzi	hinisch krut, Biber wurtz, langholwurtz
	Gart, XI		Aristologia longa	Osterlutzze	
	Gart, X	хохлатка полая	Aristologia rotunde	hoilwortz, в тексте hoil wortzel	
8	Herb.-1, LXI	дымянка	fumus terre	ertrauch букв. «дым земли»	Katzen krobellkrawt «кошачья ...травка» и dawben kropff «голубиный зоб»
	Gart, CLXXVI		Fumus terre	ertrauch oder kerbeln	

К отдельным номерам таблицы необходимо сделать конкретные примечания.

1 Поскольку в травнике представлено несколько близких по виду и названию ирисов (в том числе желтый касатик, или болотный ирис), то в «Гербарию» владелец делает уточняющую запись справа от графы: Himel Schwerttl oder Violwurtz «небесный мечик или фиолето-

вое растение / трава». Как известно, гравюры в травниках раскрашивались вручную, поэтому решение использовать в данном случае синий цвет принадлежит тому, кто выполнил эту работу (не книгопечатнику), и, как видно, владелец подтверждает его мнение, так как он приводит справа два немецких названия, содержащих указание на синий цвет. В тексте данной статьи в «Гербарии» говорится о фиолетовом цветке этого растения (*Iris purpureum florem*); признак цвета (синий или фиолетовый цветок), таким образом, задан еще в латинском источнике, однако словообразовательная форма терминов Himel Schwerttl и Violwurtz говорит, скорее, об их самостоятельном, народном происхождении.

2. Рукой справа от гравюры написано поздним почерком Pfefferlauch (букв. «перечный лук»), но затем вычеркнуто. Очевидно, автор пометы считал ее ошибочной, но, несмотря на это, она представляет для нас интерес, так как благодаря ей становится известным еще одно народное обозначение какого-то растения.

3. Рукописная помета справа от заглавия добавляет два немецких названия:

а) mouss örl, с диминутивом слова ore «ухо» – örl, – отличается от печатного варианта только этой грамматической уменьшительной формой, в которой интересно, что ее модель – с суффиксом -il – указывает на южные регионы Германии. Тоже уменьшительная форма, но с другим суффиксом, упоминается в рукописном травнике Антона Трутманна XV в. (*mus-orelin*) и печатном издании гербария из Пассау (*mewszorlin*) [5. 76; 21. S. 1276]. Этот морфологический вариант считается западно-немецким региональным, он известен с древневерхне-немецкого периода;

б) haidnisch wundkrautt (букв. «языческая трава для ран», по-русски, возможно, золотарник или золотая розга) – это совсем другое название того же растения, которое встречается и в более поздних ботанических руководствах, причем относящихся к ветеринарии, как лечебное средство для лошадей [22. S. 103, 107, 209]¹. Эта запись (с вариантом дифтонга ai вместо ei) тоже указывает на южный профиль пишущего.

¹ Манг Зойтер (Mang Seuter, 1529–1597), шталмейстер у Маркуса Фуггера, сына крупнейшего коммерсанта и финансиста в Аугсбурге, был автором руководств по уходу за лошадьми и по конструкции лошадиной сбруи.

Возможно, в данном случае можно говорить о том, что запись читателя приоткрывает факты о нем (его диалект); кроме того, источником его дополнительных знаний может быть и ветеринарное руководство, в котором встречается второе название золотарника.

4. Читательская помета в главе «Аронник пятнистый» стоит в необычном месте: не справа от гравюры, а слева, около латинского слова. Она вводит, несомненно, народное название (см. табл. 2). Среди дошедших до нашего времени многочисленных народных обозначений аронника есть варианты данного типа, обыгрывающие его форму, из разных областей Германии: как нижненемецкие *Parenpietken* (Мекленбург), *Parenpint*, *Rappenpitten* (район Гёттингена), так и крайние южные (Санкт-Галлен в Швейцарии: *Pfaffenpint*). Как можно убедиться, вариант, вписанный читателем «Гербария», соответствует южной форме.

В той же главе есть запись другим почерком, расположенная в правом поле рядом с основным текстом: *fur den pruch* «для грыжи». В этой, начальной, части латинского текста не говорится еще о болезнях, поэтому запись не указывает на нужное читателю место, а, возможно, содержит в такой краткой форме новую информацию. Правда, несколькими строками ниже об ароннике говорится, что он *valet etiam contra emorroidas* «исцеляет также от геморроя». В последующем травнике 1485 г. это медицинское показание не упомянуто, нет и слова *bruch* «грыжа», но в тексте главы есть указание, по смыслу похожее на процитированное из «Гербария»: *ist auch gut widder den ussganck des arsz darmsz* «хорошо также помогает от анального пролапса».

В этой главе, следовательно, две короткие записи сохраняют, несомненно, народный фитоним, содержат указание на южный диалект писавшего их, а также отражают две функции читательских помет: напомнить более знакомое название растения и его применение, возможно, важное для данных пользователей.

5. В главе *Brionia* имеется справа довольно большая запись из 7 строк, в которой перечисляются синонимичные обозначения: *wild ruben*, *wilder kurbes*, *wilder zitwer*, *hundes Kirbes*, *Teufl Kirschen*. Эти названия различны по форме и модели номинации. Названия типа «репа / тыква» с прилагательным «дикорастущая» (*wild ruben*, *wilder kurbes*) или «собачья» (*hundes Kirbes*) встречаются в других травниках, а, например, *hunds kürbs* известно и в средневерхненемецком (т.е. не позднее середины XIV в.).

В издании 1485 г. в главе «Бриония» против латинского слова стоят уже два немецких названия: *stickwortz oder raselwortz* «переступень белый, или бриония»; второе из них имелось и в первом «Гербарии», тогда как первое, *stickwortz*, а также название *zitwer* из владельческой записи первого «Гербария» (*wilder zitwer*) встречаются в трактате «Сад здоровья», но совсем в другом его месте. Все эти обозначения – *stickwortz*, *zitwan / zitwar* и варианты *rube / kurbis* с прилагательными «дикорастущий» или «собачий» – наука Нового времени относит к одному и тому же растению с несколькими разновидностями [23. Bd. 4. S. 1701, Bd. 62. S. 1824, 1829, 1842], однако в травнике Петера Шёффера 1485 г. они описаны как различные растения в трех отдельных главах (см. в табл. 2 последние две строки № 5).

Разнобой в классификации растений и, соответственно, их распределении по главам встречается часто, и эту проблему следовало бы рассматривать отдельно. В данном же случае нас интересует большое количество немецких названий, которые пользователь вписал в «Гербарии»; часть из них, как мы видим, в сборнике «Сад здоровья» учтена, но оказалась в других главах, однако большинство дополнений читателя не использовано в изданиях Шёффера. Они, очевидно, правильно вписаны читателем в качестве синонимов термина *roselwortzel* и, следовательно, представляют разнообразие местных немецких названий брионии. К этим народным обозначениям относятся описания по внешнему виду плодов (типы «репа / тыква») и габитусу растения (это вьющиеся растения). Среди вписанных вручную есть названия, содержащие прилагательные, благодаря которым они напоминают народные названия: «собачья тыква» (*hundes Kirbes*) и особенно «чертова вишня» (*Teufl Kirschen*). Очевидно, негативный семантический оттенок характеристик «собачья» и «чертова» имеет здесь тот же смысл, который можно наблюдать и в русском языке в случае таких обозначений ядовитых или опасных растений, как «волчья ягода», которые могут относиться к различным растениям. Их многозначность трактуют даже как собирательность (на базе объединяющего их признака опасности или ядовитости)¹, имеющую общий смысл –

¹ В материалах Интернета и СМИ многократно повторяется относительно названия «волчья ягода», что это «собирательное, народное название ряда растений, плоды большинства которых имеют токсические или раздражающие свойства»;

сигнализировать опасность всех этих растений, отпугнуть от них неопытных обывателей и особенно детей. В немецком языке «чертовой вишней» (Teufelskirsche) называются, кроме брионии, также красавка (белладонна), жимолость обыкновенная, физалис¹.

6. Первое и третье из добавленных вручную обозначений тысячелистника – это просто варианты заглавного garbe в печатном разделе, тогда как второе (букв., очевидно, «овечьи ребра», по внешнему сходству с реберной частью бараньей туши) действительно дополняет травник еще одним немецким термином. В издании 1485 г. он тоже не выведен в заглавие, однако внутри текста главы есть уточнение различных подтипов тысячелистника: здесь говорится о мужском растении и о женском, и это последнее die freulic... genennit schaff garbe «женская разновидность названа овечий тысячелистник»².

7. Вписанное читателем слово langholwurtz, вторая часть которого holwurtz (нем. Hohlwurtz, букв. «полая трава / полый корень», – отсылка к полому клубню растения) по-русски «хохлатка полая», возможно, внесено им по ошибке. Однако такие несоответствия в идентификации растений и их названий есть, как мы видели, и в самом печатном материале. Данное слово (в форме hoilwurtz) употреблено в травнике «Сад здоровья» в другой главе – по отношению к разновидности Aristologia rotunde.

Обозначение Biber wurtz (букв. «бобровая трава / бобров корень»), по форме похожее на народное, употребительно и сегодня (нем. Biberwurz, Biverwurz), и по-прежнему в отношении лекарственного растения. Название hinisch krut встречается позднее в ветеринарном руководстве для лечения лошадей (hinisch krut, dar <...> den rossen die hinsch mit vertriben ist «....трава, которой удаляют у лошадей... (назва-

в их числе называются красавка, вороний глаз, жимолость, вольчеягодник, паслен черный, разновидности бузины и крушины. В лингвистическом аспекте о многозначности обозначения с прилагательным «волчья» см.: [24. С. 236].

¹ Эта многозначность нашла отражение в Гриммовском словаре, где к лексеме Teufelskirsche в качестве переводов-пояснений приведен целый ряд ботанических обозначений, относящихся также и к другим растениям, в том числе и рассматриваемые здесь die tollrube, bryonia alba и др. [19. Bd. 21. S. 286–287].

² Имеющееся в немецком языке обозначение снопа Garbe является, по-видимому, омонимом рассматриваемого здесь ботанического термина; оба слова при этом известны с VIII–IX вв.

ние болезни)»¹. Этот термин, возможно, характеризует автора записи как человека, знакомого с ветеринарной литературой.

8. С некоторой осторожностью можно предположить, что почерком записей к главе «Аристолохия» (см. № 7) сделаны и дополнения в главе, описывающей дымянку. Здесь в читательской помете справа от гравюры даны два дополнительных названия: Katzen krobellkrawt «кошачья ...травка» и dawben kropff «голубиный зоб». Последнее название старое; ср. tûbenkropf в средневерхненемецком словаре приведенное именно как фитоним, соответствующий дымянке *fumus terrae*.

В травнике 1485 г. в главе о дымянке дано уже два немецких эквивалента к лат. *Fumus terre* – нем. *ertrauch oder kerbeln*. Последнее слово, *kerbeln*, является, скорее всего, вариантом того же *krobel-*, которое содержится в одном из двух рукописных дополнений той же главы. В этом названии растения *Katzen krobellkrawt* вторая часть *-krobel-* может толковаться различным образом. Во-первых, как уменьшительное «коготок»; ср. в средневерхненемецком *kriuwe, krou, krouwe* «коготь». Название растения целиком (нем. соврем. *Katzenkerbelkraut*) можно в этом случае понимать как «травка-кошачий коготок». Вторая возможная этимология основы *-krobel-* связывает ее (при условии возможной метатезы или другого варианта огласовки) со средневерхненемецким *körbelîn* «корзиночка», уменьшительным от *korp (-bes)*, *krebe, krâbe, kräbe* «корзина». Наконец, очевидной выглядит связь с названием другого растения – купыря; ср. *kervele* и средненижненемецкие *kervel, karvel, karvele, kerevel* из лат. *caerefolium* (соврем. нем. *Kerbel*).

Наблюдения и выводы

Иллюстрированные травники относятся к числу наиболее ранних жанров, ставших популярными у книгопечатников Германии. В отличие от религиозной, духовно-наставительной и художественной лите-

¹ Относительно конкретного заболевания крупного рогатого скота и лошадей, от которого применяется растение, словарь Гриммов дает два возможных толкования: 1) одышка у коров и лошадей, 2) *Hinsch, Hinsche* – сибирская язва [19. Bd. 10. S. 1468].

ратуры, также занимающей заметное место среди книг ранней печати, травники в силу своего прикладного значения и практической полезности не только привлекают массовый читательский интерес, но и становятся предметом активной работы владельцев (читателей и других пользователей) с содержанием и языком книги. В результате этой читательской активности экземпляры травников, как правило, содержат многочисленные владельческие записи, которые позволяют получить важные книговедческие данные, касающиеся как процесса создания книги, так и судьбы конкретного экземпляра издания.

Уникальную возможность сравнить различные экземпляры первых инкунабул-травников Германии предоставляют фонды Российской государственной библиотеки, где хранятся пять экземпляров, относящихся к двум изданиям Петера Шёффера 1484 и 1485 г. (еще один экземпляр был для сравнения привлечен из Научной библиотеки Московского университета).

Как показал анализ записей, их изучение может быть полезно для расширения знаний о ценном инкунабульном издании. Они говорят о том, насколько полно концепция создателей книги отвечала интересам читателей. На фоне внесенных читателями синонимов можно размышлять о причинах, по которым издатель не воспользовался этими обозначениями, а предпочел то, которое использовано в печатном тексте. Выявить причины этого выбора может, например, языковой анализ, в том числе диалектный и стилистический. Это, в свою очередь, может косвенно объяснить причины изменений, предпринятых последующими издателями и типографами.

Материал владельческих записей позволяет собрать дополнительные данные (а иногда и восполнить отсутствие информации) о судьбе экземпляра: социальных, профессиональных характеристиках владельцев, регионе (диалектной области) их проживания.

Рукописные владельческие записи на страницах изученных экземпляров показывают различный характер работы с книгой у разных категорий владельцев-пользователей. Работу профессиональных пользователей — ученых или медиков — можно узнать в дополнениях и поправках, сделанных на латинском (реже — греческом) языке. Такие записи, содержащие иногда пространственные дополнения и интерполяции, могут делаться и в значительно более позднее время, когда книга уже утратила свою практическую, бытовую актуальность.

Встречаются отдельные дополнения из других близких областей; так, две записи свидетельствуют о том, что их авторы знакомы с ветеринарной литературой и что информация оттуда нужна им в их личном экземпляре травника.

Как проявление массового интереса к травникам можно рассматривать записи на немецком языке, оставленные почерками различных людей, относящимися ко времени, близкому к дате издания травника. Наблюдаются в основном две функции таких читательских помет: напомнить более знакомое название растения и (реже) его применение, возможно, важное для данных пользователей.

Такие записи интересны не только для книговедческих задач; они содержат лексику отдаленной эпохи из сферы повседневной жизни, которая редко находит отражение в памятниках литературы и потому представляет научную ценность для изучения истории немецкого языка. Так, в данном случае выяснилось, что записи в экземпляре № 1 «Гербария» 1484 г. существенно дополняют представленную в травнике ботаническую терминологию: примеры в табл. 2, собранные всего лишь в восьми главах книги, добавили 14 таких народных (тривиальных) терминов, которые не содержались в печатном тексте. Народное происхождение можно предполагать в отношении названия голубого ириса *Himel Schwerttl* и *Violwurtz*, аронника *pfaffen pint*, аристархии *Katzen krobellkrawt* и *dawben kropff* (букв. «кошачья ...травка» и «голубиный зоб»), местных названий брионии типа «собачья / дикая» + «репа / тыква» и *Teufl Kirschen* «чертова вишня», термина *Pfefferlauch* (букв. «перечный лук») и др.

Для уверенных выводов относительно региона, где находился данный конкретный экземпляр, и диалекта или регионального языкового варианта его владельца краткие записи дают немного материала, однако можно отметить общее в языке записей, сделанных различными людьми (различными почерками): все диалектные черты, которые можно заметить в их фонетической форме (или написании), словообразовательных особенностях, иногда в самом выборе лексемы, указывают на юг Германии, тогда как северных или даже центрально-немецких отличительных черт не наблюдается.

Интересно, что большинство бытовых записей, судя по различию почерков, сделано разными людьми примерно в один период времени.

Литература

1. Squires C. Konstantes und Variables im Aufbau von deutschen mittelalterlichen heilkundlichen Texten und angrenzenden Textsorten // Historische Textgrammatik und Historische Syntax des Deutschen. Traditionen, Innovationen, Perspektiven. Berlin ; New York : De Gruyter, 2010. Bd. 1: Diachronie, Althochdeutsch, Mittelhochdeutsch / A. Ziegler, Ch. Braun (Hrsg.). S. 561–588.

2. Морозова П.В. Язык и жанр немецких медицинских рукописей XIV–XV вв. : автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.

3. Морозова П.В. Популяризация научных знаний в Германии позднего Средневековья: медицинские компиляции // Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета / сост. Е.Р. Сквайрс, Н.А. Ганина. М. : МГУ, 2008. С. 364–379.

4. Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего средневековья (юго-западный ареал). Самара : Самарский университет, 2000. 199 с.

5. Филичева Н.И. История немецкого языка. М. : Академия, 2003. 304 с.

6. Schirokauer A. Germanistische Studien. Hamburg ; Hauswedell, 1957. 451 S.

7. Немировский Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве. М. : Книга, 1964. 404 с.

8. Keil G. Gart der Gesundheit' // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon, 2. Aufl. Berlin ; New York : 1980. Bd. 2. Sp. 1072–1092.

9. Fischer H. Mittelalterliche Pflanzenkunde. Hildesheim ; Zrich ; New York : Georg Olms Verlag, 1929. 329 S.

10. PharmaWiki. Medikamente und Gesundheit URL: <https://www.pharmawiki.ch/wiki/index.php?wiki=Febrifuga> (Datum des Zugangs: 19.12.2020).

11. Boerhaave H. Aphorismi de cognoscendis et curandis morbis, et materies medica ejusdem suis locis interposita: Prolegomena, chirurgia, febris. Villalpandea, 1798. Pars I. 570 S.

12. Kerner A. Flora der Bauerngärten in Deutschland // Verhandlungen der Zoologisch-Botanischen Gesellschaft in Wien. Wien : Hrsg. Zoologisch-Botanische Gesellschaft in Wien; 1855. Bd. 5. S. 787–826.

13. Zarnke Fr. Nomina lignorum avium piscium herbarium mit deutschen Glossen aus der Frankfurter Hs. // Zeitschrift für deutsches Alterthum. 1853. № 9. S. 388–400.

14. Köbler G. Altsächsisches Wörterbuch. 5. Aufl. 2014. URL: <http://www.koeblergerhard.de/aswbhinw.html> (Datum des Zugangs: 20.12.2020).

15. Benecke G.F. Mittelhochdeutsches Wörterbuch : Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke. 3 Bde. Leipzig, 1854–1866.

16. Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. 3 Bde. Leipzig, 1872–1878.

17. Köbler G. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. 3. Aufl. 2014. URL: <https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html> (Datum des Zugangs: 20.12.2020).

18. Frühneuhochdeutsches Wörterbuch. URL: <https://fwb-online.de/lemma/katzenkerbel.s.0m> (Datum des Zugangs: 20.12.2020).

19. DWB = Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GT02453#XGT02453 (Datum des Zugangs: 20.12.2020).

20. Woerterbuchnetz.de URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?mode=Vernetzung&hitlist=&patternlist=&lemid=FK01004&sigle=FindeB (Datum des Zugangs: 20.12.2020).

21. Anton Trutmanns 'Arzneibuch' / Hrsg. G. Keil. Würzburg 1992. Teil II: Wörterbuch. 1121 S.

22. Seuter M. Hippiaatria, ein vast schönes und nutzliches Buech von der Roßartzney. Augsburg : Johann Schultes, 1599. 440 S.

23. Zedler J.H. Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. 1731. Bd. 4; 1754. Bd. 62. URL: <https://www.zedler-lexikon.de/index.html?c=blaettern&zedlerseite=ze040866&bandnummer=04&view=100&seitenzahl=0866&dатеformat=1&view=150&supplement=0%27> (Datum des Zugangs: 20.12.2020).

24. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 285 с.

German Incunabula Herbals from the Russian State Library: Towards Popular Literature

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 60–87

DOI: 10.17223/23062061/26/4

Catherine R. Squires, Russian State Library (Moscow, Russian Federation); Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: skvayrs@gmail.com

Keywords: Peter Schöffer's incunabula, German illustrated herbals, marginal notes, names of plants, German language history, dialects, popular literature.

Early printed herbals have a special place in the 15th-century book production as they were popular both with academics, including medical scientists and pharmacists, and with the common reader. The popular response to the mass production of herbal books made possible by the invention of printing left textual and linguistic evidence in the form of handwritten marginal notes. In the present study, six copies of illustrated herbals printed in Mainz by Peter Schoeffer in 1484 and 1485 are compared as to the subject, language and function of the marginal notes found in them. Five of these books are from the Rare Books Department of the Russian State (former Lenin) Library, the sixth copy from the Moscow University Library is used to enable better comparison. The analysis has shown that the types of marginal notes vary significantly depending on the owners' social status, interest, background, and on the time and region. Marginal notes in Latin or Greek are considered from the point of view of their thematic (content) and chronological (dating) characteristics. As the result of many centuries of natural science, herbals were an important source of professional knowledge for academics, including medical scientists and pharmacists, of the time. Thematically, linguistically

and paleographically, marginal notes of this type can be ascribed to professionals or students of natural sciences. Notes made considerably later than the incunabula era can in fact only be explained by an academic interest on the part of the reader (some notes date after 1700). Marginal notes made in German and, judging by the handwriting, dating closer to 1500 reflect work of common medical practitioners or even of lay readers, who used their herbals to cope with practical problems of their everyday life. These German marginal notes are of high interest as a source for German language history, as they contain synonymous names of plants, additional to those used in the printed text. The analysis of their form, dialect, and distribution proves that they offer valuable lexical material (regional names) in the semantic field usually scarcely documented in medieval literary texts. Those descriptions, which are indicative of region or dialect, show a distinct Southern German origin of their authors.

References

1. Squires, C. (2010) Konstantes und Variables im Aufbau von deutschen mittelalterlichen heilkundlichen Texten und angrenzenden Textsorten. In: Ziegler, A. & Braun, Ch. (eds) *Historische Textgrammatik und Historische Syntax des Deutschen. Traditionen, Innovationen, Perspektiven*. Vol. 1. Berlin; New York: De Gruyter. pp. 561–588.
2. Morozova, P.V. (2004) *Yazyk i zhanr nemetskikh meditsinskikh rukopisey XIV–XV vv.* [Language and genre of German medical manuscripts of the 14th – 15th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Morozova, P.V. (2008) Populyarizatsiya nauchnykh znaniy v Germanii pozdnego Srednevekov'ya: meditsinskie kompilyatsii [Popularization of scientific knowledge in Germany in the late Middle Ages: medical compilations]. In: Skvayrs, E.R. & Ganina, N.A. (eds) *Nemetskie srednevekovye rukopisi i staropechatnye fragmenty v Kollektzii dokumentov Gustava Shmidta iz sobraniya Nauchnoy biblioteki Moskovskogo universiteta* [German medieval manuscripts and old-printed fragments in the Collection of Gustav Schmidt's documents from the collection of the Scientific Library of Moscow University]. Moscow: Moscow State University. pp. 364–379.
4. Dubinin, S.I. (2000) *Nemetskiy literaturnyy yazyk pozdnego srednevekov'ya (yugo-zapadnyy areal)* [German literary language of the late Middle Ages (southwestern area)]. Samara: Samara State University.
5. Filicheva, N.I. (2003) *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of the German Language]. Moscow: Akademiya.
6. Schirokauer, A. (1957) *Germanistische Studien*. Hamburg: Hauswedell.
7. Nemirovskiy, E.L. (1964) *Vozniknovenie knigopechatnitsy v Moskve* [The emergence of book printing in Moscow]. Moscow: Kniga.
8. Keil, G. (1980) Gart der Gesundheit. In: Wachinger, B. et al. (eds) *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*. 2nd ed. Vol. 2. Berlin; New York: [s.n.]. pp. 1072–1092.

9. Fischer, H. (1929) *Mittelalterliche Pflanzenkunde*. Hildesheim; Zurich; New York: Georg Olms Verlag.

10. PharmaWiki. (n.d.) *Medikamente und Gesundheit*. [Online] Available from: <https://www.pharmawiki.ch/wiki/index.php?wiki=Febrifuga> (Accessed: 19th December 2020).

11. Boerhaave, H. (1798) *Aphorismi de cognoscendis et curandis morbis, et materies medica ejusdem suis locis interposita: Prolegomena, chirurgia, febris*. Vol. 1. Villalpandea.

12. Kerner, A. (1855) *Flora der Bauerngärten in Deutschland*. In: *Verhandlungen der Zoologisch-Botanischen Gesellschaft in Wien*. Vol. 5. Wien: Zoologisch-Botanische Gesellschaft in Wien. pp. 787–826.

13. Zarnke, Fr. (1853) *Nomina lignorum avium piscium herbarium mit deutschen Glossen aus der Frankfurter Hs. Zeitschrift für deutsches Alterthum*. 9. pp. 388–400.

14. Köbler, G. (2014) *Altsächsisches Wörterbuch*. 5th ed. [Online] Available from: <http://www.koeblergerhard.de/aswbhinw.html> (Accessed: 20th December 2020).

15. Benecke, G.F. (1854–1866) *Mittelhochdeutsches Wörterbuch: Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke*. Leipzig“ [s.n.].

16. Lexer, M. (1872–1878) *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. Leipzig: [s.n.].

17. Köbler, G. (2014) *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*. 3rd ed. [Online] Available from: <https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html> (Accessed: 20th December 2020).

18. Fwb-online.de. (n.d.) *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch*. [Online] Available from: https://fwb-online.de/lemma/katzen_kerbel.s.0m (Accessed: 20th December 2020).

19. Grimm, J. & Grimm, W. (n.d.) *DWB = Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*. Vol. 21. [Online] Available from: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GT02453#XGT02453 (Accessed: 20th December 2020).

20. Woerterbuchnetz.de. (n.d.) *Woerterbuchnetz.de*. [Online] Available from: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?mode=Vernetzung&hitlist=&patternlist=&lemid=FK01004&sigle=FindeB (Accessed: 20th December 2020).

21. Keil, G. (1992) *Anton Trutmanns 'Arzneibuch'*. Vol. 2. Würzburg.

22. Seuter, M. (1599) *Hippiatria, ein vast schönes und nutzliches Buech von der Roßartzney*. Augsburg: Johann Schultes.

23. Zedler, J.H. (1731) *Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste*. Vol. 4. [Online] Available from: <https://www.zedler-lexikon.de/index.html?c=blaettern&zedlerseite=ze040866&bandnummer=04&view=100&seitenzahl=0866&dateifformat=1&view=150&supplement=0%27> (Accessed: 20th December 2020).

24. Dzyuba, E.V. (2015) *Lingvokognitivnaya kategorizatsiya v russkomazykovom soznanii* [Linguo-cognitive categorization in Russian linguistic consciousness]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Д.В. Долгушин

УЧЕБНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В «ПРИДВОРНОЙ ПЕДАГОГИКЕ» М.Н. МУРАВЬЕВА И В.А. ЖУКОВСКОГО. СТАТЬЯ ВТОРАЯ¹

Аннотация. *Анализируется журнал В.А. Жуковского «Собиратель» в сопоставлении с педагогическими изданиями М.Н. Муравьева. На основе новых архивных материалов исследуется входящая в «Собиратель» статья «Взгляд на мир и человека». Показывается, что она была частью конспекта Жуковского по естественной истории и является контаминацией двух переводных текстов (из К. Триниуса и И.-Г. Гердера) и собственных рассуждений. Обнаруживается, что структура № 1 «Собирателя» определялась конспектом Жуковского по всеобщей истории. Делается вывод о том, что с Муравьевым «Собиратель» сближают акцент на нравственной дидактике, универсалистская установка и физико-теологическая тема, связанная с аксиологией «религии сердца». В отношении стиля и формы «Собиратель» напоминает, скорее, не периодические издания, а учебники Муравьева.*

Ключевые слова: *придворная педагогика, романтизм, М.Н. Муравьев, В.А. Жуковский, Александр II.*

В предыдущей статье (см.: [1]) нами были выявлены особенности периодических изданий, выпускавшихся М.Н. Муравьевым для его учеников – великих князей Александра и Константина Павловичей («периодические листы» «Обитатель предместия» и связанные с ними «Эмилиевы письма» и «Берновские письма»), и был поставлен вопрос о преемственной связи между этими изданиями и педагогическими журналами В.А. Жуковского «Собиратель» и «Муравейник». Но прежде чем перейти к обсуждению вопроса о данной преемственности, необходимо разобраться, насколько были близки «Собиратель» и «Муравейник», являются ли они у Жуковского двумя частями одного проекта, одного замысла?

Хронологическая близость данных журналов, один и тот же контекст их бытования, казалось бы, побуждают ответить на этот вопрос

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00529.

положительно. Среди исследователей распространено представление о том, что прекращение издания «Собирателя» (его выпуск оборвался на втором номере) было вызвано чисто внешней причиной – случившейся весной 1830 г. размолвкой Жуковского с царем [2. С. 711]. Согласно этому представлению, после того как конфликт был урегулирован, Жуковский в 1831 г. возобновил издание журнала, но уже под названием «Муравейник». Таким образом, оба издания можно рассматривать как два подступа к осуществлению одного и того же замысла. Отчасти это так. Педагогические журналы Жуковского близки друг другу по тематике, адресованы одной и той же аудитории. Но в то же время они очевидно, значительно и даже контрастно различаются по структуре, стилю и жизнестроительной установке. Поэтому сопоставлять их с эдиционными проектами М.Н. Муравьева нужно не вместе, а по отдельности. Начнем разговор об этом с «Собирателя». Анализ особенностей этого журнала и будет посвящена настоящая статья.

Жуковский взялся за издание «Собирателя» в ноябре 1829 г., в самом начале своей придворно-педагогической деятельности, когда еще не успели по-настоящему обнаружиться преграды на открывшемся перед ним пути – а в их числе были не только непростые отношения с императором, но и другие, более прозаические, обстоятельства: стесняющая творческий порыв поэта необходимость согласовывать свои действия с остальными педагогами, нехватка времени для подготовки учебных пособий, проблемы с собственным здоровьем, непрочность положения при дворе, наконец, недостаточное усердие учеников. Столкновение с этими препятствиями приводило к тому, что Жуковский чем дальше, тем больше был вынужден корректировать свои первоначальные планы и намерения. Однако в «Собирателе» они успели еще выказаться в первоизданной цельности и чистоте. Можно сказать, что в «Собирателе» запечатлелся творческий эйдос, в соответствии с которым Жуковский намеревался устраивать новое для него педагогическое пространство.

По большому счету, «Собиратель» – это журнал одного автора (все помещаемые в нем материалы писались и подбирались Жуковским) и одного читателя – великого князя Александра Николаевича. Конечно, его могли читать и другие¹ – например, товарищи великого князя

¹ Круг возможных читателей был все же заведомо узок, ведь издавался журнал крайне маленьким тиражом в 10–15 экземпляров.

по учебе И. Виельгорский и А. Паткуль. Однако и подбор, и содержание текстов были рассчитаны именно на Александра Николаевича: главную задачу журнала Жуковский видел в том, чтобы помещенные в нем материалы способствовали воспитанию и образованию будущего Государя.

Это роднит «Собиратель» с «княжескими зеркалами»¹ – «адресованными государю (и, как правило, ему же и посвященными) трактатами, главная цель которых – описать идеального правителя, его поведение, роль и положение в мире» [3]. Самые ранние тексты такого рода датируются 60-ми гг. XIII в., однако в исследовательской традиции принято относить к ним любые произведения, содержащие в себе наставления правителю, начиная с «Киропедии» Ксенофонта. Этот жанр, достигший расцвета в позднее Средневековье, с успехом продолжал свое существование и в эпоху нового времени. К нему можно отнести, с некоторой натяжкой, столь любимого Жуковским «Телемака» Ф. Фенелона и, без всякой натяжки, сборник «Зеркало для князей» (Fürstenspiegel) И.-Я. Энгеля, на который, как показал А.С. Янушкевич, и ориентировался Жуковский во время работы над «Собирателем».

И.-Я. Энгель (1741–1802), драматург и философ, в 1787 г. был приглашен на должность учителя наследника прусского престола Фридриха Вильгельма III (которому и адресовался «Fürstenspiegel»), дедушки великого князя Александра Николаевича. Обращение к наследию Энгеля, таким образом, хорошо согласовывалось с семейными традициями императорской фамилии. Однако Жуковский заинтересовался творчеством Энгеля гораздо раньше, чем попал ко двору: еще в бытность редактором «Вестника Европы» (1808–1810) он регулярно публиковал в «Вестнике» переводы из «нравоучительного еженедельника» (moralische Wochenschriften) «Светский философ», издававшегося Энгелем в 1775–1777 гг. по образцу «Зрителя» Р. Аддисона и пользовавшегося большой популярностью [4. С. 210–213, 216–217].

К началу работы над «Собирателем» Fürstenspiegel Энгеля был проштудирован Жуковским очень основательно. По сообщению А.С. Янушкевича, страницы экземпляра этой книги из библиотеки

¹ Букв. «зеркала для князей», лат. specula principum, франц. miroirs des princes, miroirs aux princes, англ. mirrors of princes, нем. Fürstenspiegel.

поэта «буквально испещрены пометами Жуковского» [5. С. 485]¹. «Текст некоторых глав (Fürsten-Wollust, Der Mann von Ross, Verschwendung, Freundschaft, Wahrheit, Anstand) почти целиком отчеркнут. Возможно, Жуковский отбирал их для перевода в “Собирателе”, возможно, намечал для работы с наследником» [Там же], – пишет исследователь. Выписки и переводы из Fürstenspiegel сохранились и среди подготовительных материалов к «Собирателю» в архиве Жуковского [2. С. 568–569; 5. С. 482–484].

Таким образом, влияние книги Энгеля на придворно-педагогическую деятельность Жуковского в целом и на «Собиратель» в частности можно считать установленным фактом. Думается, оно сказалось не столько на содержании (непосредственно войти в «Собиратель» материалы из Энгеля так и не успели), сколько на концепции и стиле «Собирателя».

Fürstenspiegel Энгеля, как уже говорилось, представляет собой сборник наставлений. Каждая из его 35 глав – это отдельное поучение на нравственную тему, связанную с той или иной стороной жизни государя. Воинская честь, милосердие к подданным, бережливость, восприимчивость к здравым советам, нерасточительность на награды, трудолюбие, приверженность закону и прочие подобные качества в каждой из глав являются предметом объяснения, описания и назидания, оживляемого примерами из жизни знаменитых монархов прошлого. И хотя Энгель – не тяжеловесный морализатор, а достаточно легкий автор, остроумный, простой по языку, в меру ироничный, ясно мыслящий, – все же общий тон его наставлений серьезен, требователен и строг. Он сам заявляет в предисловии к своей книге [6. S. III–VI], что поставил перед собой цель донести до наследника престола «полезные истины» не иносказательно и смягченно, как доносят их до детей, показывая картинки, «но со всей открытостью», а потому специально написал некоторые свои рассуждения «насмешливым или даже горьким» тоном – чтобы, не щадя читателя, усилить воспитательный эффект. Получается, Fürstenspiegel почти не делает скидки на возраст воспитанника. Это собрание взрослых и императивных монологических поучений на самые серьезные темы политической и нравственной философии.

¹ В библиотеке Жуковского сохранились 3–10-й тома из Собрания сочинений Энгеля в 12 томах (Берлин, 1801–1806). Fürstenspiegel содержится в 3-м томе.

Жуковский в «Собирателе» сохраняет энгелевскую установку на назидательность и серьезность, но несколько смягчает монологичность и императивность. Он помещает в журнал не столько свои произведения, сколько специально подобранные и переведенные отрывки разных авторов, причем не все из них представляют собой поучения: иные скорее познавательны, чем назидательны.

Мы не будем анализировать каждый из текстов, помещенных в «Собиратель» (анализ такого рода был в свое время проведен И.А. Айзиковой [7. С. 275–287]), отметим лишь их общую особенность: тексты «Собирателя» были непосредственно интегрированы в учебный процесс и напрямую связаны с материалом, изучаемым на уроках. Это становится очевидным при знакомстве с первым номером журнала, начинающимся со статьи «Взгляд на мир и человека», на которой мы и остановимся подробнее.

В этой статье Жуковский рисует величественный образ мироздания, гармонично сложенного из множества планет и солнц, населенных одушевленными существами. Чем планета дальше от солнца, тем она зрелее и ближе к тому, чтобы самой превратиться в солнце, – и тем более совершенны существа, ее населяющие. Каждое из солнц вращается вокруг центрального, высшего солнца; а сие высшее солнце с миллионами ему подобных может также принадлежать к системе еще высшего. И так далее до бесконечности, которую человеческому уму постигнуть невозможно [2. С. 219].

Атрибуция этой статьи составляет проблему для исследователей. Н.Б. Реморова высказывала предположение, что она представляет собой «отрывок, данный без подписи, в переводе, из какого-то французского сочинения» [8. С. 158]. Нам удалось выяснить, что дело обстоит иначе. «Взгляд на мир и человека» – контаминация двух переводных текстов и авторских рассуждений Жуковского (в этом смысле она является ярким подтверждением наблюдения А.С. Янушкевича о том, что многие материалы «Собирателя» представляют собой «причудливое переплетение выписок, переводов и собственных размышлений» [5. С. 483]). Рукопись этой статьи нам удалось обнаружить в составе конспекта, подготовленного Жуковским для занятий с наследником престола по естественной истории и физике [9].

Конспект этот записан на листах большого формата (42,5 × 27,5 см). На л. 1–13 находится его черновой текст со множеством исправлений

(автограф Жуковского), на л. 14–26 помещена его сокращенная писарская копия. К статье «Взгляд на мир и человека» имеют отношение два раздела конспекта – «Летописи земли» и «Солнечная система» [9. Л. 1–2]. Оба эти раздела представляют собой пересказ соответствующих мест из лекций К. Триниуса (преподававшего вел. кн. Александру Николаевичу естественную историю), изданных для наследника на немецком языке под названием *Zur Erinnerung an unsere Unterhaltung über Allgemeine Naturgeschichte in den Jahren 1829 und 1830* («В напоминание о наших беседах по всеобщей естественной истории в 1829 и 1830 гг.»; далее – «Напоминание») [10]. Для наследника были отпечатаны и составленные Триниусом «Обзорные таблицы по естественным наукам» (*Uebersichts-Tabelle der Naturwissenschaft*) [11], содержащие план изложения материала и толкование основных понятий по естествознанию. В экземпляре этих таблиц из Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета немецкий текст Триниуса сопровождается рукописным переводом на русский язык, выполненным собственноручно Жуковским. В дополнение к таблицам для наследника было напечатано еще «Начертание для изъяснения таблиц, составленных по лекциям г. Триниуса», сделанное, очевидно, Жуковским [12].

И «Обзорные таблицы...», и «Начертание...» содержат в числе прочего справочные сведения, использованные в конспекте, – перечисление планет Солнечной системы, расстояние от каждой из них до Солнца, количество спутников планет, периоды обращения планет вокруг Солнца и вокруг своей оси. Поскольку в тексте лекций Триниуса некоторые из этих данных отсутствуют, «Обзорные таблицы...» и «Начертание...» следует признать источниками конспекта (наряду с «Напоминанием»). В целом весь материал конспекта на л. 1 и, частично, на л. 1 об. является пересказом Триниуса. Из этого материала в статью «Взгляд на мир и человека» вошли только три последних абзаца (они стали первыми абзацами статьи). Последующий текст конспекта, полностью включенный в статью, у Триниуса отсутствует.

Между тем он весьма своеобразен и содержит рассуждения о населенности планет «одушевленными существами». Идеи об обитаемости планет высказывались в XVIII – начале XIX в. разными авторами, в том числе Фонтенелем, Гюйгенсом, Кантом, но в данном случае Жуковский заимствует их, по-видимому, из 1-й и 2-й глав 1-й книги

«Идей к философии истории» И.Г. Гердера¹. Как и в случае с Триниусом, Жуковский скорее вольно пересказывает, чем переводит его, но в некоторых случаях совпадает с Гердером практически текстуально. Сравним, например, гердеровский пассаж (в переводе А.В. Михайлова) с приведенным выше рассуждением Жуковского о «миллионах солнц»:

Мы обычно довольствуемся представлением о том, что Земля – это песчинка, что она плавает в огромной бездне, что все земли вращаются по своим орбитам вокруг Солнца, что Солнце и тысячи подобных ему солнц, а, может быть, и множество таких солнечных систем вращаются по своим орбитам вокруг своего центра в рассеянных небесных пространствах, – наконец наше воображение, да и наш рассудок теряются в этом океане безмерности и вечного величия и не знают уже, где начало, где конец [14. С. 13–14].

Очевидно, что гердеровские тексты, как и тексты Триниуса, использовались Жуковским при написании конспекта. Вслед за их пересказом Жуковский приступает к собственным рассуждениям религиозно-философского плана, именно они и образуют главную, кульминационную часть статьи «Взгляд на мир и человека»: восторгаясь красотой и величием мироздания, Жуковский подводит читателя к выводу о величии и красоте Творца. Мир предстает в статье не просто сонмом миллионов солнц и планет, но еще и хором бесчисленных множеств населяющих их существ, каждое из которых устремлено к Богу:

И над этою бездною величия <...> властвует Бог – Создатель и Хранитель; и мимо этой бездны, прямо к сему Создателю, по одному только духовному свойству своему, из каждой планеты, из каждого солнца переносится мыслью постигающая Его душа <...>. Со всех миров раздается один

¹ На возможную связь статьи «Взгляд на мир и человека» с этим гердеровским текстом указывала Н.Б. Реморова, она же описала пометки Жуковского в 1-й главе «Идей к философии истории», свидетельствующие о том, что поэт собирался использовать выдержки из этой главы «с дидактической целью» [8. С. 158]. Однако исследовательница сочла, что Жуковский отказался от этого намерения и Гердера все же не использовал. Нам кажется, что это не так, и влияние гердеровского текста на статью «Взгляд на мир и человека» неоспоримо. Об этом косвенно свидетельствует и то, что на полях описанного выше конспекта, ставшего рукописью статьи, Жуковский записывает названия тех произведений Гердера, которые наметил к включению в «Собиратель»: *Licht und Liebe, Gestalt des Menschen, Adams Tod* [9. Л. 2]. Кроме того, на особый интерес Жуковского-педагога к «Идеям к философии истории» указывает и то, что 4 июня 1828 г. он взял эту книгу из библиотеки наследника престола [2. С. 726; 13. С. 107].

общий хор хваления Божия, и все миры соединены одною связью – любовью к Богу [2. С. 219–220].

Подобный ход мысли (от восхищения премудрым устройством природы к прославлению ее Творца) был хорошо знаком Жуковскому с ранней юности – не только по физико-теологической и дидактической поэзии XVIII в.¹, но и по «духовным чтениям», устраивавшимся в Московском благородном пансионе ежедневно после вечерних молитв. На этих чтениях пансионерам читалась вслух книга пастора Х.Х. Штурма «Размышления о делах Божиих в царстве природы и провидения на каждый день года» [16]², включавшая в себя выдержки из сочинений различных натуралистов (в том числе из Бюффона и Бонне) и благочестивые размышления на тему премудрого устройства природы.

Но кроме влияния упомянутых двух традиций, вполне можно предположить влияние и «Обитателя предместия» М.Н. Муравьева. Смысловым центром этого произведения, как мы уже указывали в предыдущей статье, является беседа Обитателя предместия с Илановым. В ходе ее Иланов ведет речи, и по форме, и по содержанию очень напоминающие рассуждения Жуковского. Подробно, с теми же астрономическими деталями, что и Жуковский, Иланов описывает Солнечную систему, а затем делает восторженный вывод о премудрости создавшего ее Божества:

Источник света и жизни – горящее солнце, служит средоточием для подчиненных ему планет. Не пременяя места, обращается оно на оси своей.

<...> Десять тысяч поперечников шара нашего отделяют нас от солнца. Всех ближе к нему катится Меркурий. Видишь сие блистающее светило? это Венера. Она странствует так же, как Земля, блистая заемным светом. Ниже ее шествует Земля – прекрасная обитель человека. Служебная планета, Луна, ей сопутствует, обращаясь кругом и освещая ночи ее. Четвертый круг описывается Марсом. В чрезвычайном отдалении, огромный Юпитер с четырьмя Лунами совершает длинный путь свой. Далее движется

¹ Например, «Вечернему размышлению о Божием величестве» М.В. Ломоносова: «Скажитеж, коль пространен свет? / И что малейших дале звезд? / Несведом творей вам конец? / Скажитеж, коль велик Творец?», или его же «Письму о пользе стекла»: «Во зрительных трубах Стекло являет нам, / Колико дал Творец пространство небесам. / Толь много солнцев в них пылающих сияет, / Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет. / <...> Коль созданных вещей пространно естество! / О коль велико их создавшие Божество!» [15. С. 123, 518]

² Перевод книги: Sturm Ch.Ch. Unterhaltungen mit Gott in den Morgenstunden, auf jeden Tag des Jahres. 1768. Bd. 1, 2.

Сатурн. Отдаление солнца заменяется ему избытком спутников, отражающих слабеющие лучи солнца, и твердым кольцом, плавающим около него.

Око астронома не постигнет всех миров; но сердце благодарное и незлобивое полагает пределы любопытству благоговением, и восхищается премудростию Божиею в самое то время, когда признает свое неведение и слабость [17. С. 81–82].

Повышенное внимание Жуковского к наследию Муравьева, его участие в публикации «Обитателя предместия» говорят в пользу того, что Жуковскому могло быть памятно это место из беседы Иланова, и, следовательно, он мог ориентироваться на него при работе над статьей «Взгляд на мир и человека». Но даже если это не так, несомненно единство аксиологии, проявившейся в текстах Жуковского и Муравьева, – аксиологии «религии сердца».

Очевидно и единство методических подходов. И для Жуковского, и для Муравьева фактологическое, образовательное изложение материала является поводом для морально-нравственных назиданий и религиозно-философских экскурсов. Такой методике Жуковский следовал и при преподавании истории – вполне в духе Н.М. Карамзина, «смотревшего на историю глазами художника и патриотического моралиста скорее, чем исследователя» (цит. по: [18. С. 43]). Так, в составленном Жуковским для вел. кн. Александра Николаевича пособии «Черты истории государства Российского» подробное описание событий домонгольского периода оказывается «подводкой» к морально-политическому рассуждению, в котором Жуковский старается донести до своего ученика провиденциалистскую мысль о том, что правителю необходимо идти вместе со своим веком, но «ровным шагом»: «отстанете – он вас покинет; повлечете его быстро вперед – ниспровергнете все и себя; осмелитесь преградить ему дорогу – он вас раздавит» [2. С. 166].

Точно так же и в статье «Взгляд на мир и человека» астрономическая тема – это фундамент, на котором возводится главное здание – обосновывается религиозный тезис о том, что «человек, скоропреходящий сын земли, есть вечный сын неба», и дается его поэтико-аллегорическая артикуляция: «земля – училище; жизнь – воспитание; Бог – воспитатель» [2. С. 220].

Подобного рода моральные экскурсии в педагогических сочинениях Жуковского не были случайными и разрозненными высказываниями *ad hoc*. Перед нами, несомненно, планомерная и целенаправленная

деятельность по формированию жизненных установок ученика, достигаемая через морализацию и поэтизацию преподаваемого материала.

Стратегия эта, судя по всему, была довольно успешной. Великий князь постепенно усваивал не только систему ценностей своих учителей, но даже способ их образного мышления на морально-нравственные темы. Так, судя по записи в дневнике К.К. Мердера, 7 мая 1829 г. Александр Николаевич рассуждал о назначении человека прямо словами Жуковского. К.К. Мердер рассказывает:

Говоря о человеке, Великий Князь сказал: «я сравниваю человека с учеником, переходящим из одного училища в другое, тот из учеников, который в низшем училище превзойдет образованием товарищей, имеет право надеяться занять в высшем училище почетное место; человек, окончив свое нравственное образование на земле, перейдет в другую жизнь и, следовательно, там займет место по достоинству». Мы не могли не похвалить сравнения Великого Князя и не радоваться его ясному и здравому уму [19. Л. 102].

Морализация и поэтизация материала в ходе педагогической деятельности имели не только воспитательное, но и интегративное значение. Они стягивали воедино темы и дисциплины, казалось бы, друг с другом не связанные. В этом проявлялась еще одна сближающая Жуковского с Муравьевым педагогическая установка – стремление к универсальности образования. «Собиратель» может быть рассмотрен в качестве примера подобного рода интеграции.

Начинается он, как мы уже знаем, с отрывка из конспекта по естественной истории, превращенного в статью «Взгляд на мир и человека», в которой Жуковский называет человека «скоропроходящим сыном земли» и «вечным сыном неба». Со сходного определения человека начинается и другой, также не публиковавшийся при жизни поэта, его конспект 1829 г. – уже не по естественной, а по всемирной истории: «Человек, по телесному составу своему есть скоропроходящий сын земли, по душе своей он есть вечный сын неба» [2. С. 586].

В конспекте по всемирной истории Жуковский подхватывает ту линию рассуждений, которую начал в конспекте по истории естественной, соединяя эти две дисциплины друг с другом. Логика изложения материала в конспекте по всемирной истории такова. Небесная природа души, говорит Жуковский, побуждает человека стремиться к бессмертию, телесное же начало соединяет его с землей, где время пытается все уничтожить. Человек вступает в борьбу с ним. «Как Лапландец, привязанный к снежному своему климату, человек, хотя и

назначен для бессмертия, но любит землю свою и желает на ней продлиться» [2. С. 586]. Поэтому

он воздвигает памятники, сохраняющие след земной его жизни.

Памятник дает *неизменяемость* минувшему. Он неподвижен среди окружающего его движения. Он всегда в настоящем, но говорит о прошедшем для будущего [Там же].

Через упоминание о памятниках Жуковский интегрирует в учебный процесс идеи своей поэтической философии, в которой столь важное место занимала тема воспоминания как способа борьбы со всепоглощающим хроносом. С помощью воспоминания, считает Жуковский-лирик, можно победить изменчивость, приостановить неостановимую смену прошлого, настоящего и будущего, нащупать твердую почву вечности в текучей реке времен: «для сердца прошедшее вечно», «прошедшее тебе не изменит». Жуковский-педагог делает поэтику воспоминания отправной точкой своих рассуждений об истории как науке.

Памятники, говорит он, «могут быть или естественные или искусственные». Естественные – это природные объекты, если с ними связаны какие-либо предания, а искусственные делятся на два вида – на существующие во времени и существующие в пространстве. К первым относятся праздники, годовщины, дни исторические и, что самое главное, – язык. Язык и сам по себе носитель памяти. Еще в большей степени он становится таковым, когда появляется поэзия. Песни поэтов – это «хранилище прошедшего», «минувшее живет в них для потомков». Однако в устной передаче к памяти о прошлом примешивается вымысел, и лишь «*письмо* дает неизменность преданию. С письмом рождается История» [Там же. С. 587]. Далее Жуковский рассказывает о зарождении исторической мысли в Греции, о Геродоте и Фукидиде, и отмечает, что во времена греков и римлян не было чистого представления о человеке, они «знали только просвещенных и варваров, свободных и невольников». «Христианство сделало людей братьями», «чистейшее понятие о Божестве очистило и понятие о человечестве» [Там же. С. 588]. После этого Жуковский приводит примеры жестокости древних и филантропии христиан и переходит к разговору о человечестве, деля его, вслед за современными поэту теориями Блumenбаха, на пять рас – кавказскую, монгольскую, эфиопскую, американскую и малакскую.

Возвращаясь от конспекта Жуковского по всемирной истории к «Собирателю», мы обнаружим, что первый номер «Собирателя» вос-

производит структуру и логику этого конспекта. В раздел «Выписки» Жуковский помещает несколько тематических блоков (каждый из них состоит из цитат, афоризмов и отрывков): «Ничтожность человека на Земле», «Памятники», «Поэзия», «Предание», «Письмо», «История». Как видим, эти блоки прямо соответствуют изложению материала в конспекте, а некоторых случаях и совпадают с ним текстуально. Так, и в конспект, и в «Собиратель» вошло сравнение истории с «сосудом серебряным, заключающим в себе плоды золотые» и афоризм Цицерона о том, что история «есть душа памяти, толкователь прошедшего, оракул жизни, путеводный светильник истины» [2. С. 227, 588].

Таким образом, оказывается, что первый номер «Собирателя» строится как методическое расширение двух конспектов – по естественной и по всеобщей истории. По сути, он является хрестоматией к ним¹. С педагогическими изданиями Муравьева его роднят акцент на нравственной дидактике, универсалистская установка и физико-теологическая тема, связанная с аксиологией «религии сердца». В отношении стиля и формы «Собиратель» напоминает, скорее, не периодические издания, а учебники Муравьева. Он непосредственно связан с учебным процессом, подчеркнуто назидателен, не предполагает игры и ориентирован на сферу учебы, а не досуга. В этом смысле противоположностью «Собирателю» стал «Муравейник», в котором традиции периодических изданий Муравьева оказались отражены не только на содержательном, но и на стилистическом уровне. К анализу «Муравейника» мы и перейдем в заключительной, третьей, статье цикла.

Литература

1. Долгушин Д.В. Учебные периодические издания в «придворной педагогике» М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Статья первая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 23. С. 5–21.

2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / ред. кол.: И.А. Айзикова, Э.М. Жиликова, В.С. Киселев, О.Б. Лебедева, Н.Е. Никонова, И.А. Поплавская, А.С. Янушкевич (гл. редактор). М. : Изд. Дом ЯСК, 2016. Т. 11 (первый полутом): Проза 1810–1840-х годов / ред. А.С. Янушкевич. 1048 с.

¹ Ср. высказывание Н.Б. Реморовой, которая называет «Собиратель» и «Муравейник» «хрестоматиями» [9. С. 158].

3. Jónsson E.M. Les « miroirs aux princes » sont-ils un genre littéraire? // *Médiévales* : [онлайн-журнал]. 2006. № 51. URL: <http://journals.openedition.org/medievales/1461>.
4. Канунова Ф.З., Айзикова И.А., Никонова Н.Е. Эстетика и поэтика переводов В.А. Жуковского 1820-х – 1840-х годов: проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 438 с.
5. Янушкевич А.С. Круг чтения В.А. Жуковского 1820– 30-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. Ч. 1. С. 466–521.
6. Engel J.-J. Fürstenspiegel. Berlin, 1798. 308 S.
7. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 406 с.
8. Реморова Н.Б. В.А. Жуковский – читатель и переводчик Гердера // Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. Ч. 1. С. 149–300.
9. Жуковский В.А. Конспект по естественной истории и физике // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 22. 48 л.
10. [Trinius K.] Zur Erinnerung an unsere Unterhaltung über Allgemeine Naturgeschichte in den Jahren 1829 und 1830. [S.l., s.a.]. 342 S.
11. Uebersichts-Tabelle der Naturwissenschaft. [S.l., s.a.]. 21 S.
12. Начертание естественной науки для изъяснения таблиц, составленных по лекциям г. Триниуса. [Б.м., б.г.]. 35 с.
13. Ребеккини Д. В.А. Жуковский и библиотека наследника Александра Николаевича (1828–1837) // Жуковский: исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. С. 77–136.
14. Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А.В. Михайлова. М. : Наука, 1977. 703 с.
15. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732–1764. 1279 с.
16. [Штурм К.Х.] Размышления о делах Божиих в царстве природы и провидения на каждый день года : пер. с нем. : изд. периодическое. М., 1787–1788. Ч. 1–4. 337, 336, 349, 345 с.
17. Муравьев М.Н. Сочинения Муравьева. СПб. : А. Смирдин, 1847. Т. 1. 445 с.
18. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 156 с.
19. Карл Карлович Мердер. 1824–1834 // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. № 2761. 331 л.

Educational Periodicals in the “Court Pedagogy” of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. Article Two

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 88–103

DOI: 10.17223/23062061/26/5

Dmitriy V. Dolgushin, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: D_Dolgushin@mail.ru

Keywords: court pedagogy, romanticism, Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Alexander II.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

The article analyzes Vasily Zhukovsky's journal *Sobiratel'* [The Collector], which the poet published in 1829 for classes with the heir to the throne, Grand Duke Alexander Nikolaevich. The main purpose of the journal was the upbringing and education of the future sovereign. Thus, *Sobiratel'* had a similarity with "mirrors of princes" (Lat. *specula principium*, Fr. *miroirs des princes*, *miroirs aux princes*, Ger. *Fürstenspiegel*) – works containing instructions to the ruler. It was to this genre that the collection *Der Fürstenspiegel* by Johann Jacob Engel belonged; Zhukovsky was guided by this collection while working on *Sobiratel'*. In his journal, Zhukovsky retains Engel's focus on edification and seriousness, but somewhat softens his monologicity and imperativeness. *Sobiratel'* includes not only Zhukovsky's own works but also selected translated passages by different authors; not all the pieces are precepts, some of them are more informative than edifying. The texts of *Sobiratel'* were integrated into the educational process and directly related to the material studied in the classroom. This becomes obvious when reading the first issue of the journal, which begins with the article "View on the World and Man". This article is consistently analyzed in the study, and the analysis reveals a fact previously unknown to researchers: the article is part of Zhukovsky's summary of natural history, the manuscript of which is stored in the National Library of Russia. The summary is partly a free translation-retelling of textbooks on natural history published by Carl B. Von Trinius for the heir to the throne, partly a retelling of Johann G. Herder's thoughts from Chapters 1 and 2 of *Ideas for the Philosophy of the History of Mankind*, partly Zhukovsky's reflections. Apparently, the text of the summary was also influenced by the *Inhabitant of the Suburb* by Mikhail Muravyov (the scene of a conversation with Ilanov). Thus, the unity of the axiological and methodological approaches of Zhukovsky and Muravyov is revealed. In both cases, the factual and educational presentation of the material is an occasion for moral edification and religious and philosophical excursions. Moreover, these excursions were not random and isolated ad hoc statements, but a systematic and purposeful activity to form the student's life attitudes. This was achieved through the moralization and poetization of the learned material, which had not only educational, but also integrative significance. They combined topics and disciplines that seemed unrelated to each other. This revealed another pedagogical attitude that brought Zhukovsky and Muravyov closer together – the desire for the universality of education. The article shows that the logic of selecting and placing materials in *Sobiratel'* corresponded to the ideas of Zhukovsky's poetic philosophy (in particular, his concept of memory) and was determined by another unpublished text of the poet – a summary on history. In fact, the first issue of *Sobiratel'* is a textbook for educational notes. The common with Muravyov's pedagogical periodicals is its emphasis on moral didactics, universalist attitude, and physical

and theological theme related to the axiology of the “religion of the heart”. In terms of style and form, *Sobiratel'* resembles Muravyov's textbooks rather than periodicals. The journal is directly related to the educational process; it is emphatically edifying, does not involve games and is focused on studies, not leisure. In this sense, the opposite of *Sobiratel'* was *Muraveynik* [Anthill], in which the traditions of Muravyov's periodicals were reflected not only in the content, but also in the style. The author will turn to the analysis of *Muraveynik* in the final, third, article of the cycle.

References

1. Dolgushin, D.V. (2020) Educational Periodicals in the “Court Pedagogy” of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. Article One. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 23. pp. 5–21. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/23/1
2. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 11. Moscow: YaSK.
3. Jónsson, E.M. (2006) Les “miroirs aux princes” sont-ils un genre littéraire? *Médiévales*. 51. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/medievales/1461>
4. Kanunova, F.Z., Ayzikova, I.A. & Nikonova, N.E. (2009) *Estetika i poetika perevodov V.A. Zhukovskogo 1820-kh – 1840-kh godov: problemy dialoga, narrativa, mifopoetiki* [Aesthetics and Poetics of V.A. Zhukovsky's translations of the 1820s – 1840s: Problems of Dialogue, Narrative, Mythopoethics]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Yanushkevich, A.S. (1978) Krug chteniya V.A. Zhukovskogo 1820–30-kh godov kak otrazhenie ego obshchestvennoy pozitsii [V.A. Zhukovsky's reading scope of the 1820s – 30s as a reflection of his social position]. In: Kanuniva, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske: v 3 ch.* [V.A. Zhukovsky's library in Tomsk: in 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 466–521.
6. Engel, J.-J. (1798) *Fürstenspiegel*. Berlin: [s.n.].
7. Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [V.A. Zhukovsky's genre-style system]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Remorova, N.B. (1978) V.A. Zhukovsky – chitatel' i perevodchik Gerdera [V.A. Zhukovsky as Herder's reader and translator]. In: Kanuniva, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske: v 3 ch.* [V.A. Zhukovsky's library in Tomsk: in 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 149–300.
9. Zhukovsky, V.A. (n.d.) *Konspekt po estestvennoy istorii i fizike* [Abstract on natural history and physics]. The Russian National Library. Fund 286. List 1. File 22.
10. [Trinius, C.] (n.d.) *Zur Erinnerung an unsere Unterhaltung über Allgemeine Naturgeschichte in den Jahren 1829 und 1830*. [S.l., s.n.].
11. Anon. (n.d.) *Uebersichts-Tabelle der Naturwissenschaft*. [S.l., s.n.].
12. [Trinius, C.] (n.d.) *Nachertanie estestvennoy nauki dlya iz"yasneniya tablits, sostavlennykh po lektsiyam g. Triniusa* [An outline of natural science to explain the tables compiled from the lectures of Mr. Trinius]. [S.l., s.n.].
13. Rebecchini, D. (2013) V.A. Zhukovskiy i biblioteka naslednika Aleksandra Nikolaevicha (1828–1837) [V.A. Zhukovsky and the library of the heir Alexander

Nikolaevich (1828–1837)]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–136.

14. Herder, I.-G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Nauka.

15. Lomonosov, M.V. (1959) *Polnoe sobranie sochineniy: v 11 t.* [Complete Works: in 11 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS.

16. [Shturm, K.Kh.] (1787–1788) *Razmyshleniya o delakh Bozhiikh v tsarstve natury i provideniya na kazhdy den' goda* [Reflections on the deeds of God in the kingdom of nature and providence for every day of the year]. Translated from German. Moscow: [s.n.].

17. Muravyov, M.N. (1847) *Sochineniya Murav'eva* [Muravyov's Works]. Vol. 1. St. Petersburg: A. Smirdin.

18. Guzairov, T. (2007) *Zhukovsky – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky – a historian and ideologist of the Nikolaev reign]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

19. Anon. (n.d.) *Karl Karlovich Merder. 1824–1834*. The State Archive of the Russian Federation. Fund 728. List 1. File 2. № 2761.

И.О. Волков

ПИСЬМО В.П. ТИТОВА К В.Ф. ОДОЕВСКОМУ КАК НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТКЛИК НА СТАТЬЮ И.С. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ» (К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ТУРГЕНЕВСКОЙ ТРАКТОВКИ ОБРАЗА ГАМЛЕТА СОВРЕМЕННОКАМИ)¹

Аннотация. *Впервые публикуется письмо известного в России в 1820-е гг. писателя и теоретика литературы В.П. Титова к князю В.Ф. Одоевскому от 12 (24) февраля 1860 г., извлеченное из архива Публичной библиотеки. Содержание письма является одним из важных свидетельств того, как была воспринята в кругу образованных современников статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1860). Особое значение имеет развернуто высказанная В.П. Титовым интерпретация образа Гамлета, противопоставленная критическому взгляду И.С. Тургенева.*

Ключевые слова: *В.П. Титов, письмо В.Ф. Одоевскому, И.С. Тургенев, «Гамлет и Дон-Кихот», Шекспир.*

Статья «Гамлет и Дон-Кихот» была написана И.С. Тургеневым в своем окончательном варианте в самом начале января 1860 г. На этот же месяц пришлись как ее открытое чтение, так и печатная публикация в журнале «Современник» (№ 1). Истоки этого «эстетического документа» (по определению Ю.В. Манна [1. С. 28]), над которым писатель активно работал в течение трех лет, исследователи находили в его размышлениях более чем десятилетней давности. Так, Ю.Д. Левин предполагал, что возникновение замысла прежде всего связано с рефлексией «писателя над революционными событиями 1848 г.» [2. С. 123]. Исследователь видел прямой намек на это в словах автора, характеризующих Дон Кихота и похожих на него людей, «умирающих за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нечто, в котором они видели осуществление своего идеала...» [3. Т. 5. С. 338].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90006 «И.С. Тургенев и У. Шекспир: проблемы диалога».

Думается, исходную точку дуальной типологии Тургенева необходимо искать в изначально сложном диалектическом отношении писателя к образу Гамлета, который в этом философско-эстетическом построении все-таки был для него первичным материалом. Именно благодаря соседству с трагическим героем У. Шекспира образ Дон Кихота обретает у Тургенева широту осмысления и наполняется актуально значимым содержанием. При этом важно заметить, что выстроенная писателем параллель наследует традицию Ф. Шлегеля, впервые сопоставившего как Шекспира и Сервантеса, так и «Гамлета» и «Дон Кихота». От немецких романтиков идет импульс и к выявлению противоречивой природы каждого представленного образа, стремление акцентировать их двойственность [4. С. 413].

Один из главных образов шекспировской характерологии вошел в поле тургеневского видения очень рано и сразу же стал предметом усиленных раздумий. В 1834 г. писатель переносит в поэму «Стено» мотив быстротечности жизни и неминуемости смерти, закрепленный в символическом образе черепа и выраженный в сцене философских размышлений героя. Далее в рассказах «Андрей Колосов» (1844) и «Петр Петрович Каратаев» (1847) Тургенев производит все более полновесную интерпретацию гамлетовской проблематики на русском материале, решая вопрос о сущности современной личности, ее активности или пассивности в действительном мире.

В 1845 г. в статье-рецензии на перевод «Фауста» М.В. Вронченко Тургенев впервые, хотя и косвенно, дает эстетическую характеристику Гамлету в сравнительном ключе. Принц Датский сопоставляется с Фаустом И.-В. Гёте на основании принадлежности обоих персонажей к тому типу героев, вблизи мятущегося сознания которых («внутренняя борьба личного духа» [3. Т. 1. С. 214]) вольно или невольно происходит неизбежное разрушение любящих их людей (Офелия и Гретхет соответственно). Однако, находя в Фаусте гипертрофированное воплощение идеи сомнения, Тургенев отдавал предпочтение Гамлету, который в этом разрушении близкой души не жалеет и самого себя.

Первую развернутую интерпретацию шекспировского героя писатель выстраивает в письме к П. Виардо от 25 декабря 1847 г., причем снова делает это в аспекте сравнения, но используя уже иной художественный образ. Тургенев проводит параллель между Гамлетом и главным действующим лицом драмы Кальдерона «Жизнь есть сон»

Сехизмундо («испанский Гамлет» [5. Т. 1. С. 379]). Здесь возникает антитеза на основании действия и бездействия, а также причин, обуславливающих такое поведение у каждого из героев. Различия между ними Тургенев выводит через отличительные черты представляемых ими типов людей Севера и Юга, т.е. определяющими признаками в сопоставлении оказываются приметы национальной характерологии в достаточно обобщенном виде. Так, Гамлет описывается как «более рассудительный, более тонкий, более философичный», а Сехизмундо в противоположность ему обладает «простым, обнаженным и отточенным, как шпага» характером [Там же]. По точному замечанию М.П. Алексеева, именно эта параллель между героями Шекспира и Кальдерона получает «законченную форму» [6. С. 139] в статье-речи 1860 г., где писатель продолжает сопоставление английского и испанского нравов. Знаковое указание на «наследственность» авторской мысли содержится в соотнесении «духа северного человека» (Шекспир) и «духа южного человека» (Сервантес). Неслучайно в год знакомства Тургенева с испанской ренессансной драмой происходит и усиленное штудирование им «Дон Кихота», о чем достоверно свидетельствует экземпляр романа на языке оригинала с многочисленными пометами его внимательного читателя [7]. Маргиналии писателя – карандашные и чернильные подчеркивания внутри текста, записи на полях на русском, французском, немецком и испанском языках – служат не только и не столько фактом испаноязычной рецепции (формального процесса чтения романа в оригинале), но являют принципы смысловой актуализации для Тургенева как всего произведения, его проблематики, так и образа главного героя.

Испанский образ героической личности как равный противовес Гамлету у писателя вырастает постепенно с выделением разных аспектов, но в едином направлении: от решительного и включенного в фатальную последовательность Сехизмундо до слепого энтузиаста из Ла-Манчи. В результате этого пути датский принц проходит у Тургенева своеобразную проверку на двух сходных примерах – действие личности в ситуации предопределения (звездное пророчество) и пограничной реальности (жизнь / сон) и действие в положении абсолютной свободы и предельной субъективности (реальность конструируется искаженным восприятием героя). В обоих случаях Гамлет, на первый взгляд, оказывается в невыгодной позиции, так как не вы-

держивает сравнения ни с Сехизмундо, ни с Дон Кихотом. Однако позиция Тургенева по-прежнему остается сложной и противоречивой. Неслучайно в тексте статьи появляется еще один образ – Мефистофеля, который подчеркивает неполноту гамлетовского отрицания и его этическое превосходство (не сомневается во зле «и вступает с ним в ожесточенный бой» [3. Т. 5. С. 340]).

Наряду с постепенной разработкой эстетической проблематики образа Гамлета в тесном соотношении с характером, во многом ему противоположным, его интерпретация, выведенная на страницах статьи-речи 1860 г., наследует и другой значимый опыт. Речь идет о представленном в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» (1848) художественном осмыслении типа рефлектирующей личности в пространстве национального мира. Продолжая свои искания в области «русского» (или «степного») Гамлета, Тургенев встраивает нравственно-философскую проблематику шекспировской трагедии в кризисную социально-историческую и культурную атмосферу России 1840-х гг. Разработку положительного героя («героя своего времени») он ведет на близком и знакомом материале эпохи, в которой им выделяется неординарная личность, остановившаяся «на середине» и пасующая перед требованиями времени, но вместе с тем не обреченная совсем на забвение (за человеком остается возможность выбора).

Речь «Гамлет и Дон-Кихот» демонстрирует тот же напряженный поиск активного и одновременно здраво мыслящего героя, способного верно действовать в атмосфере эпохальных перемен. Исторический слом конца 1850-х гг., ознаменовавшийся ожиданием «великих реформ» (особенно главной из них, способной решить постыдную и горькую проблему крестьянского рабства) заставляет Тургенева снова обратиться к шекспировскому образу и противопоставить ему другой, уже вызревавший в его сознании и столь же неоднозначный по своей природе.

Общее содержание тургеневской речи-статьи чрезвычайно насыщено смысловыми акцентами, однако ее объем (заданные «статейные» рамки) и живая стихийность мысли не позволили автору во всей полноте раскрыть каждый выдвинутый им тезис. Окончательный текст во многом несет на себе отпечаток того плотного и логически выстроенного конспекта, вид которого он имел в черновом варианте [8]. В то же время это не помешало Тургеневу ярко и актуально изложить

свой художественно-эстетический замысел. Именно актуальную значимость тургеневского построения, в частности сложную и многоаспектную интерпретацию образа Гамлета, подтверждает неопубликованное письмо В.П. Титова к В.Ф. Одоевскому от 12 (24) февраля 1860 г.

Владимир Павлович Титов (1807–1891) – чиновник и дипломат, государственный деятель и литератор, племянник Д.В. Дашкова, воспитанник Московского университетского благородного пансиона, близкий к кругу Общества Любомудрия, плодовитый в 1820-е гг. писатель и активный участник литературной жизни России, автор романтических повестей, среди которых особой известностью пользовался «Уединенный домик на Васильевском» (1829), и теоретических статей по европейской словесности; в 1856–1858 гг. был наставником сыновей Александра II. С Одоевским Титов познакомился в годы обучения в университетском пансионе, и далее их творческие и жизненные пути шли в непосредственной близости, а дружеские контакты сохранялись вплоть до смерти князя в 1869 г.

Тургенев, вхожий в литературный салон Одоевского, вероятно, через его посредничество и познакомился лично с Титовым, хотя сколь-либо приятельских отношений между ними не возникло. Писатель в своих письмах только единожды упоминает его имя – в связи с произведенной в 1858 г. Александром II переменой в составе воспитателей своих сыновей: «Титов заменен каким-то дураком Гриммом, Кавелин удален, Щербатов вышел в отставку» [5. Т. 3. С. 321]. Однако отсутствие личных контактов не помешало тому, что творчество Тургенева часто оказывалось в центре внимания Титова; немало способствовал этому и усиленный к нему интерес Одоевского, получивший особый смысл в 1860-е гг. (полемический отклик на повесть «Довольно», заметки об «Отцах и детях» и «Дыме»). Интересно резко критическое высказывание Титова по поводу романа «Накануне» в письме к П.А. Вяземскому от 14 (26) марта 1860 г.: «Простительно ли Тургеневу после “Дон-Кихота” и других славностей родить такую пошлость, как “Накануне”. И откуда эти господа берут таких женщин? <...> Этот вопрос я себе задал, прочтя в фельетоне “СПб-х ведомостей” восторженные похвалы не столько самой повести, сколько именно героине – славянофилке» [9. Л. 183].

Ранние эстетические взгляды «любомудра» Титова несли на себе серьезную печать философии идеализма, однако его теоретические

разработки в области изящной словесности по значимости для своего времени и последующего развития стоят в одном ряду с трудами А.И. Галича и Н.И. Надеждина [10. С. 110]. Постигшее Титова в 1830-е гг., во время путешествия по Германии, разочарование в «романтических упованиях» [Там же. С. 111] способствовало постепенной выработке новой эстетической системы, отвечавшей веяниям стремительно меняющегося времени.

С трагедией Шекспира «Гамлет» и романом Сервантеса «Дон Кихот» Титов был знаком очень хорошо, как хорошо он знал и всю историю западноевропейской словесности, о чем ясно свидетельствуют уже две его статьи, опубликованные в «Московском вестнике»: «О достоинстве поэта» (1827) и «О Романе, как представителе образа жизни новейших Европейцев» (1828). Название последней точно характеризует направление мысли Титова, который прослеживает связь эпического жанра с развитием народной культуры и складыванием национального сознания. Здесь же он дает краткую характеристику «Дон Кихоту», явившемуся, по его мнению, «показать нелепость» рыцарских романов с их верой в чудесное и «открыть европейским романистам новый и важный предмет наблюдения: народные обычаи, народный образ мыслей» [11. С. 119]. Кратко Титов высказывается и о Шекспире, чье творчество (особенно исторические хроники) показало «действие мнений и переворотов политических на людей невидных, на круги семейные» [Там же]. «Мысль народная» роднит Титова с Тургеневым, хотя размышления последнего отличаются большей полнотой и масштабностью.

Трактовка образа Гамлета и, следовательно, критика тургеневского подхода, у Титова частично связана с пониманием трагедии Датского принца, выработанным немецкими романтиками, в частности братьями А. и Ф. Шлегелями. Об этом говорят черты намеренной идеализации шекспировского героя и стремление к его оправданию. Однако Титов не преследует цель до конца отстоять романтический ореол Гамлета в качестве титанической личности (грандиозный ум и масштаб чувствования) и утвердить лишь трагический пафос внутренней борьбы. Развивая определение сути внутреннего конфликта героя, данное Гёте, он, с одной стороны, идет и к действительному его пониманию, называя необходимость принца находиться в унижительной роли «жалкого полушута, нерешимого брюзги и ветошки». Но, с дру-

гой стороны, объективности оценки мешает и неотступное желание видеть в Гамлете жертву неотвратимой судьбы, что превращает его в героя почти классической трагедии рока.

Яркая и развернутая реакция Титова (в документе личного характера) на статью Тургенева интересна и важна тем, что наглядно раскрывает новизну и оригинальность писательского взгляда, его широту и многоплановость трактовки гамлетовского образа, впервые проявившиеся еще в рассказе «Гамлет Щигровского уезда», но не замеченные и не осмысленные тогда современниками в полной мере. Изумленное же удивление вызвало появление именно речи «Гамлет и Дон-Кихот», в которой шекспировский герой в актуальной интерпретации предстал максимально выпукло и объемно.

Письмо В.П. Титова к В.Ф. Одоевскому
12 (24) февраля 1860г. Штутгарт

Штутгарт 12/24 февраля 1860

Не погрешил ли ты, любезный друг Одоевский, сообщить нам любопытные сведения? Под забор барона, обоих Ковалевских¹, и гр. Толстого² с кн. Урусовым³. Нужен он и именно в теперешнем его призвании.

В самых недавних №-х «Инвалида», в конце рецензии Лебедева на 6-й том Устрялова⁴, упоминается хранящееся в Императорской Публичной библиотеке духовное завещание принцессы Шарлотты⁵, супруги Алексея Петровича. Это весьма интересует Великую Княгиню Ольгу Николаевну⁶. Ее Высочество отменно была бы благодарна барону Модесту Андреевичу⁷ и тебе, если бы вы могли выслать нам сокращение или копию этого документа, который, как видно, доселе не был и Бог знает может ли когда быть напечатан⁸.

Мы все здесь читаем с великим удовольствием статью Тургенева о Дон-Кихоте и Гамлете. Параллель и контраст между двумя героями замысловат и дает автору повод ко множеству разительных и умных, ввиду современного общества, сближений. Мне однако сдается, что читатели вправе требовать продолжения или, лучше сказать, 2-й половины. Тургенев очевидно пристрастен к Дон-Кихоту и не жалуется Гамлета, забывая, что весь духовный состав последнего пошатнулся от тяжести задачи, возложенной на него судьбою. Ты пом-

нишь у Гёте разбор Гамлета, в «Вильгельме Мейстере»⁹. Недаром сравнил он несчастливца-героя с драгоценным сосудом, куда всадили растение не под силу ему. «Корни разрослись, и напор их разбил сосуд»¹⁰.

Присоветуй Тургеневу, с огромным его талантом, продолжить мысль Гёте, применив ее к Дон-Кихоту. Последний, при всей своей рыцарской честности, на веки веков останется смешон, ибо сам задал не по плечу себе задачу. А Гамлет, несмотря на тьму своих странностей, противоречий, недостатков, никогда не перестанет привлекать к себе глубокое участие тем, что корень всех его зол положен суровой судьбой. Она, олицетворясь в погибшем отце, поставила его во вражду с собой самим и в разлад со всем, что он вокруг себя встречает и любит. Не будь ужасной задачи, ум и воля развились бы вернее, и не будь в нем сердца врожденно нежного и способного к живой любви и дружбе, сама задача не произвела бы внутри его таких опустошений, не обратила б его в жалкого полушута, нерешимого брюзгу и ветошку.

Статья Тургенева надоумила меня на еще одну мысль. Имеешь ли ты понятие о мадридском священнике, отце Колосовском¹¹, который прежде был в Царско-Сельском институте духовных девиц? Мы видели его летом в Висбадене и здесь. Натура отменно восприимчивая, живая, наблюдательная и деятельная. Успел объездить Испанию. Наметался говорить свободно по-испански. Письма его о мадридских нравах¹² крайне занимательны. Что если бы прямо из Питера подбить его заняться верным и полным переводом «Дон Кихота» на живой русский язык¹³? Среди местной дороговизны финансы его плохи. Надо бы обещать награду и даже предварительное пособие от Мин<истерст>ва просв<ещения> или Русского отд<еления> Академии наук. Работа была бы года на два, на три, ибо нужно живьем изучить Бискайские нравы, поговорки и предания. На все это способен один совместный напор всех этих ведомств. Иначе он, пожалуй, устрашится, как бы Синодальное начальство не стало пенять за «Дон-Кихота» на посольского священника.

Твой Титов.

P.S. целую руку кавалерственной дамы¹⁴ и нежно пеняю за то, что не пишет, получила ль из Веймара шерстяную вату.

Примечания к письму

Автограф: ОР РНБ. Ф. 539. Ед. хр. 1063. Л. 84–85 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 12 (24) февраля 1860 г.

¹ Братья Евграф Петрович (1790–1867) и Егор Петрович (1809–1868) Ковалевские. Старший – генерал-майор, действительный статский советник, глава Томской губернии (1830–1835), министр народного просвещения (1858–1861). Младший – дипломат, путешественник, востоковед и писатель, председатель «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (1859–1868). Оба, находясь в центре общественно-политической и литературно-просветительской жизни России, входили в круг дружеского общения В.Ф. Одоевского. См. упоминания о них в дневнике последнего [12. С. 116, 127].

² Вероятно, Иван Матвеевич Толстой, граф (1806–1867) – действительный статский советник, министр почт и телеграфов (1863–1867), певец-дилетант.

³ Сергей Николаевич Урусов, князь (1816–1883) – действительный статский советник, генерал-прокурор, министр юстиции (1867).

⁴ Николай Герасимович Устрялов (1805–1870) – историк и археограф, профессор Санкт-Петербургского университета. Главным трудом жизни Устрялова стала незаконченная «История царствования Петра Великого» (1858–1863), шестой том которой был полностью посвящен царевичу Алексею Петровичу. Отдельная – вторая – глава рассказывала о его браке с кронпринцессой Шарлоттой, жизни последней в Петербурге и ее смерти.

⁵ Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбюттельская, кронпринцесса (1794–1815) – супруга царевича Алексея Петровича, мать императора Петра II. Говоря о завещании кронпринцессы, Титов имеет в виду ее предсмертное письмо на немецком языке к Петру I, в котором она просила императора позаботиться о детях и оказать покровительство придворным. В настоящее время письмо хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 588. Ед. хр. 368. Л. 1–2).

⁶ Ольга Павловна, великая княгиня (1822–1892) – дочь Николая I, супруга короля Карла I Вюртембергского.

⁷ Модест Андреевич Корф, граф (1800–1876) – действительный статский советник, директор Императорской Публичной библиотеки (1849–1861), главным образом управляющий Вторым отделением (1861–1864).

⁸ Завещание кронпринцессы Шарлотты было опубликовано в немецком «Журнале новой истории и географии» А.-Ф. Бюшинга в 1781 г. См.: [13].

⁹ В романе «Ученые годы Вильгельма Мейстера» (1795) Гёте сделал своего героя горячим поклонником Шекспира и в особенности его трагедии «Гамлет», интерпретация и постановка которой оказываются важным смысловым центром всего произведения. В конце тринадцатой главы (кн. 4) устами Вильгельма автор выводит «ключ ко всему поведению Гамлета»: «Прекрасное, чистое, благородное, высоко нравственное создание, лишенные силы чувств, без коей не бывает героев, гибнет под бременем, которое ни нести, ни сбросить ему не дано» [14. С. 199].

¹⁰ Титов здесь пересказывает и цитирует сравнение с драгоценным сосудом, которое использовал Вильгельм Мейстер для объяснения причин бездействия Гамлета и сути его внутреннего конфликта: «Hier wird ein Eichbaum in ein köstliches Gefäß gepflanzt, das nur liebliche Blumen in seinen Schoß hätte aufnehmen sollen; die Wurzeln dehnen aus, das Gefäß wird zernichtet» [15. С. 279] («Здесь дуб посажен в драгоценный сосуд, которому назначено было лелеять в своем лоне только нежные цветы; корни растут и разрушают сосуд») [14. С. 199].

¹¹ Павел Евфимович Колосовский, священник (?–1863) – настоятель Покровской церкви Царскосельского училища для девиц духовного звания. В ноябре 1857 г. на фоне восстановления русско-испанских дипломатических отношений о. Павел вместе с двумя причетниками прибыл в Мадрид для устройства новой церкви. Однако его служба в Испании продлилась не слишком долго – Колосовский скоропостижно скончался в 1863 г. в Дрездене [16. С. 44–45].

¹² В русской печати «письма о мадридских нравах» Колосовского неизвестны. Вполне возможно, что они сохранились в составе личных документов настоятеля, которые после его смерти могли оказаться в архиве Коллегии иностранных дел в Санкт-Петербурге или в архиве Святейшего правительствующего Синода.

¹³ К середине XIX в. Россия действительно не обладала «верным и полным переводом “Дон Кихота” на живой русский язык». На его отсутствие пенял в своей статье и Тургенев («к сожалению, мы, русские, не имеем хорошего перевода “Дон-Кихота” <...>. Хороший перевод “Дон-Кихота” был бы истинной заслугой перед публикой» [3. Т. 5. С. 330–331]), но роман не был совсем безызвестен отечественному читателю. В свое время имеющуюся лакуну в представлении русского текста «Дон Кихота» пытались восполнить, например, В.А. Жуковский (1803–1806), С.С. де Шаплет (1831) и К.П. Масальский (1838). Об особенностях перевода В.А. Жуковского см.: [17].

¹⁴ Имеется в виду жена Одоевского Ольга Степановна (урожд. Ланская, 1797–1872) – фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны. Накануне, 28 декабря 1859 г., она была награждена малым крестом ордена Святой Екатерины

Литература

1. Манн Ю.В. Эпизод из истории вечных образов // Манн Ю.В. Тургенев и другие. М. : РГГУ, 2008. С. 28–45.
2. Левин Ю.Д. Статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (к вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева) // Н.А. Добролюбов : ст. и материалы. Горький, 1965. С. 122–163. (Ученые записки / Горьк. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского; вып. 71).
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978. Т. 1. 574 с.; 1980. Т. 5. 543 с.
4. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. М. : Искусство, 1983. Т. 1. 448 с.
5. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982. Т. 1. 607 с.; 1987. Т. 3. 701 с.
6. Алексеев М.П. Тургенев и испанские писатели // Литературный критик. 1938. Кн. 11. С. 136–141.

7. Servantes M. de El ingenioso hidalgo Don Quijote de la mancha. Barcelona, 1839. 679 p. // НИОР РГБ. Ф. 439. К. 33. Ед. хр. 1.

8. Тургенев И.С. Гамлет и Дон-Кихот. План-конспект и наброски текста / публ. Ю.Д. Левина // Тургеневский сборник : материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 71–82.

9. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5084. Л. 182–184.

10. Сахаров В.И. Романтик-любомудр В.П. Титов и его литературно-критическое наследие // Контекст: литературно-теоретические исследования : 1994–1995. М. : Наука, 1996. С. 106–112.

11. Титов В.П. О Романе, как представителе образа жизни новейших Европейцев / публ. В.И. Сахарова, А.В. Коренькова // Контекст: литературно-теоретические исследования : 1994–1995. М. : Наука, 1996. С. 115–122.

12. Одоевский В.Ф. «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник 1859–1869 гг. // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 79–308.

13. Vermählungstractat zwischen dem zarischen Kronprinzen Alexei Petrowitsch und der Braunschweigischen Prinzessin Christina Sophia nebst Beilagen welche sich darauf beziehen // Magazin für die neue Historie und Geographie. 1781. Th. XV. S. 337–338.

14. Гёте И.-В. Годы учения Вильгельма Мейстера // Гёте И.-В. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1978. Т. 7. С. 7–504.

15. Goethe J.-W. Wilhelm Meisters Lehrjahre : in 4 Bd. Berlin, 1795. Bd. 2. 374 S.

16. Токарева Е.С., Талалай М.Г. Православие в Испании: трудный путь становления и развития // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 82. С. 37–52.

17. Айзикова И.А. Стих и проза в переводе В.А. Жуковского «Дон Кишот Ламанхский» // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки рус. лит., 2012. Т. 9. С. 449–466.

Vladimir Titov's Letter to Vladimir Odoevsky as a Well-Known Response to Ivan Turgenev's Article "Hamlet and Don Quixote" (Contemporaries' Reception of Turgenev's Interpretation of the Image of Hamlet)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 104–116

DOI: 10.17223/23062061/26/6

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: volkoviv@gmail.com

Keywords: Vladimir Titov, Vladimir Odoevsky's letter, Ivan Turgenev, "Hamlet and Don Quixote", Shakespeare.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-312-90006.

For the first time, in the article, Vladimir Titov's letter (dated 12/24 February 1869) is published and commented. In the 1820s, in Russia, Titov was well-known as a writer and literature theorist, the author of a romantic novella *The Remote House on Vasilyevsky Island* (1829) close to Society of Lyubomudriye. The letter extracted from the archives

of the National Library of Russia is addressed to Duke Vladimir Odoevsky whose relationship with Titov was friendly from the very beginning of their acquaintance. The letter focuses on Ivan Turgenev's speech published in the first issue of *Sovremennik* and titled "Hamlet and Don Quixote". Reacting to Turgenev's article, Titov shortly and critically accesses the comparison concentrating mainly on the image of Hamlet and thoroughly expresses his opinion on the essence of his tragic state. Titov's opinion is just the opposite of Turgenev's complex and multidimensional interpretation. Having experienced the great impact of the philosophy of German idealism at the beginning of his career, Titov to a great extent idealizes Shakespeare's character whom he long knows and whom he is clearly eager to vindicate. Meanwhile, Titov does not pursue the aim to absolutely advocate the romantic halo of Hamlet as a Titanic personality (grandiose intellect and scale of feeling) and to enact the tragic pathos of the inner fight only. Developing Goethe's definition of the essence of the character's inner conflict, Titov, on the one hand, approaches its real understanding underlying the prince's necessity to stay in a derogatory position of a "pitiful semiclow, indecisive grouch and shred". On the other hand, the assessment can not be absolutely objective because Titov wants to see Hamlet as a victim of the fatal fortune which turns him into a character of an almost classical tragedy of fate. Titov's bright and developed reaction (in the document of private nature) to Turgenev's article is attractive and important first of all for its vividly demonstrated novelty and creativity of the writer's view, wideness and multimodality of the author's perception of Hamlet's image. For the first time, Turgenev gave a developed interpretation of Shakespeare's image in the tale "Hamlet of Shchigrovsky Province" (1848). Continuing his searches in the area of "Russian" (or "steppe") Hamlet, Turgenev creates moral and philosophical problems of the English tragedy in the crisis socio-historical and cultural atmosphere of Russia of the 1840s. However, the principles of the artistic generalization and the peculiarities of the new reading, not mentioned and not fully comprehended by his contemporaries, were surprising and rejected when the speech "Hamlet and Don Quixote" appeared, in which Shakespeare's character is presented ultimately vividly and lively in the then current interpretation.

References

1. Mann, Yu.V. (2008) *Turgenev i drugie* [Turgenev and Others]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 28–45.
2. Levin, Yu.D. (1965) Stat'ya I.S. Turgeneva "Gamlet i Don-Kikhot" (k voprosu o polemike Dobrolyubova i Turgeneva) [I.S. Turgenev's "Hamlet and Don Quixote" (on the debate of Dobrolyubov and Turgenev)]. In: Polyansky, V. (ed.) *N.A. Dobrolyubov*. Gorky: Gorky State University. pp. 122–163.
3. Turgenev, I.S. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
4. Schlegel, F. (1983) *Estetika. Filosofiya. Kritika: v 2 t.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism: in 2 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
5. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

6. Alekseev, M.P. (1938) Turgenev i ispanskije pisateli [Turgenev and Spanish writers]. *Literaturnyy kritik*. 11. pp. 136–141.

7. Servantes, M. de (1839) *El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha*. Barcelona: [s.n.]. The Russian State Library. Fund 439. B. 33. File 1.

8. Turgenev, I.S. (1966) Gamlet i Don-Kikhot. Plan-konspekt i nabroski teksta [Hamlet and Don Quixote. An outline and sketch]. In: Izmaylov, N.V. & Nazarova, L.N. (eds) *Turgenevskiy sbornik: materialy k Poln. sobr. soch. i pisem I.S. Turgeneva* [Turgenev's Collection: materials for the Complete Collection of I.S. Turgenev's Works and Letters]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 71–82.

9. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 195. List 1. File 5084. pp. 182–184.

10. Sakharov, V.I. (1996) Romantik-lyubomudr V.P. Titov i ego literaturno-kriticheskoe nasledie [Romanticist and member of the Lyubomudry V.P. Titov and his literary and critical heritage]. In: Mikhailov, A.V. (ed.) *Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniya: 1994–1995* [Context: Literary-Theoretical Research: 1994–1995]. Moscow: Nauka. pp. 106–112.

11. Titov, V.P. (1996) O romane, kak predstavitele obraza zhizni noveyshikh Evropeytssev [On the novel as a representative of the newest Europeans' lifestyle]. In: Mikhailov, A.V. (ed.) *Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniya: 1994–1995* [Context: Literary-Theoretical Research: 1994–1995]. Moscow: Nauka. pp. 115–122.

12. Odoevsky, V.F. (1935) “Tekushchaya khronika i osobyie proisshestviya”. Dnevnik 1859–1869 gg. [“Current Chronicle and Special Occurrences”. Diary 1859–1869]. In: Lebedev-Polyansky, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 22–24. Moscow: Zhur.-gaz. ob”edinenie. pp. 79–308.

13. Anon. (1781) Vermählungstractat zwischen dem zarischen Kronprinzen Alexei Petrowitsch und der Braunschweigischen Prinzessin Christina Sophia nebst Beilagen welche sich darauf beziehen. *Magazin für die neue Historie und Geographie*. XV. pp. 337–338.

14. Goethe, I.-W. (1978) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 7. Translated from German. Moscow: Khudozh. Lit. pp. 7–504.

15. Goethe, I.-W. (1795) *Wilhelm Meisters Lehrjahre: in 4 Bd.* Vol. 2. Berlin: [s.n.].

16. Tokareva, E.S. & Talalay, M.G. (2018) Orthodoxy in Spain: a difficult path to the formation and development of the Orthodox Church. *Vestnik PSTGU. Ser. II. Istoriya. Istoriya Russkoy Pra-voslavnoy Tserkvi – St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 82. pp. 37–52. (In Russian). DOI: 10.15382/sturII201882.37-52

17. Ayzikova, I.A. (2012) Stikh i proza v perevode V.A. Zhukovskogo “Don Kishot Lamankhskiy” [Verse and prose translated by V.A. Zhukovsky “Don Quixote of La Mancha”]. In: Zhukovsky, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 9. Moscow: Yazyki rus. lit. pp. 449–466.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 655.4/.5

DOI: 10.17223/23062061/26/7

В.В. Харитонов

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ИНДУСТРИИ

Аннотация. *Выделяется три этапа технологической истории современной книжной индустрии как масштабируемого и массового производства книг. Основное внимание обращено к истории цифровых книг, начало которой связывается не столько с началом цифрового производства книг, сколько с появлением цифровой дистрибуции. С технической стороны это означало выработку общих индустриальных стандартов цифровой книги и, самое важное, – построение инфраструктуры дистрибуции, базирующейся, очевидно, на Интернете и получении широкополосного доступа к нему массовым потребителем. Доказывается, что не менее значимыми были и культурные сдвиги, которые сопровождали или к которым привела эта техническая трансформация.*

Ключевые слова: *издательская индустрия, цифровая книга, цифровое производство книг, цифровая дистрибуция.*

Если рассматривать технологическую историю современной книжной индустрии как масштабируемого и массового производства книг, то в ней можно выделить три основных этапа. Первый, начавшийся в XV в. вместе с изобретением книгопечатания подвижными литерами и началом индустриального производства, представляет собой этап материального производства тиражей книг как идентичных товаров, предназначенных для традиционной, материальной дистрибуции. Центральным производственным узлом, в котором происходит появление книги как таковой, на этом этапе выступает типография. Во многом поэтому издатель XV–XIX вв. зачастую в первую очередь типограф, который и создает образец для тиражирования, и производит тираж.

Этот этап продлился до 1985 г., когда, вместе с появлением Aldus PageMaker и других компьютерных программ для компоновки маке-

тов, издатели начали отказываться от традиционного набора в пользу цифровой верстки. За типографией осталась только одна функция – производство печатного тиража. Образец книги создается издателем самостоятельно и сразу в цифровом виде. То, что сейчас принято называть «цифровой книгой», в ходе производственного процесса возникает задолго до появления книги печатной. Вторую технологическую революцию – начало перехода от чисто материального к цифровому производству книг, предназначенных, впрочем, все так же для дистрибуции в виде печатных изделий – книжная индустрия пережила без особых потрясений. Если, конечно, не считать почти полного исчезновения метранпажей.

Примечательно, что начало цифрового производства книг не привело сразу же к появлению и цифровой дистрибуции. Прежде всего, отсутствовали каналы для цифрового распространения: Интернет конца 1980-х – начала 1990-х гг. еще не был для этого приспособлен. Только обеспечение массового широкополосного мобильного доступа сделало реальной продажу цифрового контента. Не менее важным препятствием для цифровой дистрибуции было и то, что книжная индустрия оказалась еще не готовой сформировать свое представление о цифровой книге как товаре и способах его дистрибуции. Сравним с производственными процессами и экономическими практиками, связанными с печатной книгой, которые вырабатывались десятилетиями и веками. Им можно было учить, их можно было передавать и масштабировать. А вот понятной и проверенной практики производства цифровых книг еще не существовало, она только начинала вырабатываться, как и концепция самой цифровой книги.

Началом истории цифровых книг обычно принято считать 4 июля 1971 г., когда Майкл Харт разослал своим коллегам набранную в формате .txt «Декларацию независимости США» на мейнфрейме Xerox Sigma V. Так появился и Project Gutenberg, и начала развиваться и воплощаться идея существования книги в цифровом виде. И хотя до сих пор время от времени возникают дискуссии о том, является ли цифровая книга книгой, значительно интереснее развитие технического, культурного и экономического представления о цифровой книге, которое в результате расширило представление о книге как таковой. Если печатная книга, в сущности, практически не изменилась со времен Гутенберга, то у цифровой книги – со времен Харта – по-

явилось большое количество родов и видов: это и файл-реплика, воспроизводящая на экране печатную книгу, и специальный текстовый файл, воспроизводящий текстовый контент печатной книги, и аудиофайл, озвучивающий этот текст, и файл-приложение, позволяющий не только воспроизвести книгу, но и дополнить ее аудио, видео и интерактивными функциями, и книга в виде веб-сайта, в том числе позволяющая менять свое содержание¹, наконец, полностью интерактивная книга, воспроизводимая в процессе чтения в мессенджере или симулирующей его программе. У всех этих видов цифровых книг очень разные культурные и индустриальные траектории эволюции. Одни, как, например, файлы-реплики (в частности, *.pdf), были приняты институтами культурной архивации, другие (цифровая книга в виде файла особого текстового формата или аудиофайла) стали основным товаром цифровой розничной индустрии. В любом случае цифровая книга за прошедший со времен появления первой цифровой книги полувек стала существенной частью мировой книжной индустрии. И самого этого факта было бы, наверное, достаточно для того, чтобы считать совершившейся очередную, на этот раз полностью цифровую, революцию в технологической истории книг. Однако процессы, которые происходили и продолжают происходить внутри индустрии и внутри книжной культуры в целом, вовсе не ограничиваются появлением цифровой книги.

Третьим этапом технологической эволюции книжного производства можно считать переход к цифровому производству книг для универсальной – как материальной, так и цифровой – дистрибуции. Макет книги (или набор файла, который ему эквивалентен), создаваемый издателем, может быть использован как для тиражирования печатной книги, так и для дистрибуции книги в цифровом виде. С технической стороны основой такого перехода стала выработка общих индустриальных стандартов цифровой книги, но самое важное – построение инфраструктуры дистрибуции, базирующейся, очевидно, на Интернете и получении широкополосного доступа к нему массовым потребителем. Не менее значимы и культурные сдвиги, которые сопровождали или к которым привела эта техническая трансформация.

¹ В частности, такими являются исполняемые (executable) книги со встроенными функциями исполнения пользовательского кода.

Сама по себе «цифровизация» книги не оказывала существенного влияния на индустрию до появления повсеместного распространения Интернета, поскольку сфера существования цифровых книг ограничивалась немногочисленным кругом квалифицированных пользователей, хотя и способствовала, безусловно, формированию первоначального спроса и интенсивным разработкам устройств для чтения и компьютерных форматов цифровых книг. Все поменялось за первые два десятилетия XXI в. Только в России суточная аудитория Интернета в 2003–2020 гг. выросла с 3 [1] до 71% (и до 90% среди молодежи) [2]. То есть Интернетом пользуется практически все население страны, при этом среднее время, которое пользователь проводит в Интернете в течение суток, составляет уже более 7 часов¹. Законы «экономики внимания» неумолимы: время, которое пользователь проводит в Интернете, расходуется не только на книги, но и на разнообразный другой контент. Механизм конкуренции за время становится понятным при длительном наблюдении за изменениями, которые происходят в поведении потребителя. Хороший материал для анализа такой конкуренции дает обширное лонгитюдное исследование школьников, которое на протяжении 40 лет проводит Американская психологическая ассоциация. Согласно их наблюдениям, выпускники американских школ в 2016 г. проводили в Интернете около 6 часов, и это в 2 раза больше, чем в 2006 г. При этом доля выпускников, которые ежедневно читают печатные издания (книги и журналы), с 1976 по 2016 г. сократилась с 60 до 16%. Примечательно, что сокращается не только время, которое школьники тратят на книги, но и время, которое они тратят на телевидение [4].

Книга, таким образом, с одной стороны, в виде цифровой книги становится более доступной (и часть времени, которое пользователь проводит в Интернете и / или с мобильным телефоном, приходится на цифровые книги), с другой – сокращается время на чтение книг, но именно и только книг, поскольку читают пользователи Интернета в среднем существенно больше. Конечно, читают они при этом не книги, а посты, записи, заметки, статьи и прочее – наряду с просмотром (зачастую параллельным) разнообразного визуального контента и прослушиванием аудиоконтента. Громадный объем чтения такого

¹ Данные Global WebIndex за 3 квартал 2019 г. См.: [3].

рода текстов, вероятно, влияет на изменение самой практики чтения, делая привычным прерывистое восприятие фрагментарных текстов, а также восприятие текста на слух. Очевидно, что последнее обстоятельство сыграло немалую роль в удивительно быстром росте продаж аудиокниг. На развитых рынках скорость этого роста уже снижается, но на молодых рынках, в частности российском, он пока продолжается прежними экспоненциальными темпами.

Что же касается фрагментаризации чтения, то его активно и довольно успешно эксплуатируют разнообразные сервисы пофрагментного чтения (или чтения нарезкой, *chunk reading*). Контент, производимый для фрагментарного восприятия, будь это треки в плейлисте, серии в сериале или посты / фотографии в ленте, предполагает не только ограниченность и обозримость данного фрагмента, но и формирование ожидания следующего фрагмента: продолжение обязано следовать, чтобы не разочаровать потребителя. На этом ожидании строилась и строится традиционная для издательской индустрии «сериальная» литература. Однако производство печатной книги – сравнительно длительный процесс, поэтому сервисы, предлагающие цифровой книжный художественный контент с поглавной публикацией, имеют перед традиционной индустрией явное преимущество. С такого рода контентом пытаются, хотя и не всегда успешно, экспериментировать и традиционные издатели (например, немецкое издательство Bastei Lübbe), но у нетрадиционных издателей организация его производства и дистрибуции получается заметно эффективнее, если судить по работе сервисов типа Litnet или Author.Today, а оборот работающей по такой модели китайской компании China Literature составляет более половины всего оборота российской книжной индустрии.

Очевидно, что внутри таких сервисов основной массив текстов представлен не вполне традиционной литературой, если таковой считать тексты, которые проходят издательский отбор и редакционную подготовку. Развитие компьютерных технологий и Интернета, помимо снятия барьера доступа к контенту, одновременно с этим снимает и значительное количество барьеров для его публикации. Первый шаг в сторону радикальной демократизации индустрии был сделан еще во время «второй технологической волны», когда производство макета перестало требовать существенных вложений в типографское оборудование, и это существенно повлияло на рост числа независимых из-

дателей. Массовое же распространение веба сняло еще один барьер – технологический: «опубликовать текст» уже много лет означает не традиционную издательскую практику, а всего лишь публикацию авторского текста в вебе. Произошло своего рода отделение практики производства книги от книжной индустрии: сделать книгу не слишком сложно без традиционного издателя. Снятие этого барьера открыло дорогу в буквальном смысле сотням миллионов текстов, которые публикуются авторами самостоятельно или на специализированных платформах.

Важно отметить, что издательский фильтр в условиях открытой публикации перестает работать в том числе и в юридическом плане, и его исчезновение привело, в частности, к появлению и бурному росту литературы фан-фикшн, которая находится в «серой» зоне авторского права. Количество текстов фан-фикшн уже на два порядка опережает количество публикуемых в мире книг, а популярность сайтов с этими текстами среди определенной группы читателей на порядок превышает популярность традиционных онлайн-овых книжных магазинов. Тем самым с традиционным издательским книжным контентом конкурирует не только контент других медиа (аудио, видео, социальных сетей), но и нетрадиционная («другая») литература. Как заметил по этому поводу Питер Свинкелс, вице-президент Rakuten Kobo, «люди никогда не читали так много, как сейчас. Они просто читают не то, что производит для них книжная индустрия. И это проблема, но только для тех, кто работает в книжной индустрии. Как индустрия, мы не можем создавать читателей для нашего контента... Мы позволяем другим отраслям пожирать время, которое могло быть посвящено книгам»¹, точнее – книгам традиционных издателей.

Нельзя сказать, что традиционные издатели не чувствуют перемен в читательском спросе, поскольку он проявляется отчасти и экономически: время книжных бестселлеров не то чтобы миновало безвозвратно, но количество книг, которые экономически целесообразно выпускать миллионными тиражами, неуклонно сокращается. Читательский спрос, очевидно, диверсифицируется. Если посмотреть на статистику производства книг в России с начала века, то легко увидеть, что

¹ Цит. по: [5]. Rakuten Kobo – один из крупнейших магазинов электронных книг, главный конкурент Amazon на международной арене.

общее сокращение производства в целом не слишком сказалось на ассортименте. Последние 10–15 лет в России ежегодно публикуется около 100–120 тыс. наименований, несмотря на то что общий тираж сократился за этот период в 1,5–2 раза. В результате сократился средний тираж, значительно увеличилось количество книг, которые выходят минимальными тиражами (тиражи до 1 000 экз. уже много лет составляют около половины всего книжного ассортимента), удовлетворяя спрос, который становится все более разнообразным и все менее массовым.

Распространение Интернета, конечно же, создает не только проблемы, но и возможности для издателей, в частности меняя коммуникацию с читателями. Значительную часть своей истории книжная индустрия, как и СМИ и широковещательные медиа, взаимодействовала с читателем, опираясь на длинную дугу экономической обратной связи, проходящей через систему книжной торговли. Интернет упростил обратную связь, сделав возможной не только прямую коммуникацию с читателем и читательскими сообществами, но и значительно более эффективное оперативное реагирование на запросы читателей, в том числе подкрепленное убедительными экономическими стимулами. За 12 лет своей истории сервис Kickstarter, одна из самых первых и успешных платформ для краудфандинга, позволил собрать 188 млн долларов почти на 19 тыс. издательских проектов [6]¹. Аналогичные успешные проекты есть и в российском Интернете, и издатели, как традиционные, так и любители, последние несколько лет активно осваивают такую форму финансирования публикации изданий, на которые есть прямой запрос читателей².

¹ Kickstarter отдельно учитывает компании по сбору средств на комиксы, так что к издательским проектам можно добавить еще примерно 11 тыс. проектов, связанных с комиксами, на которые сервис помог собрать 128 млн долларов.

² Два недавних российских примера: (1) в ходе первого сбора средств, организованного на платформе CrowdRepublic на возрождение печатного журнала «Мир фантастики» [7], редакция собрала в 50 раз больше, чем планировала – больше 5 млн руб., обеспечив цветную печать, работу редакции и гонорары авторам на весь 2019 г.; аналогичная кампания в прошлом году закончилась с тем же успехом; (2) русские переводчики книги Элизера Юджовского «Гарри Поттер и методы рационального мышления» получили разрешение Джоан Роулинг на некоммерческий печатный тираж популярного фанфика и собрали на краудфандинге Planeta [8]

Легко заметить, что само по себе прямое финансирование издательских проектов читателями не является чем-то новым для истории книжной индустрии, которая, собственно, и начиналась с прямого заказа и предоплаты тиражей печатавшихся типографами книг. Но Интернет, конечно, позволяет сделать это более эффективно и экономично, представляя издателю новые каналы дистрибуции и маркетинга. Однако это требует от издателя и серьезного обновления соответствующих практик, тем более необходимого, что расширение онлайн-овой книжной торговли приводит к сокращению продаж в привычных издателям каналах – книжных магазинах. Дистрибуция через книжные магазины весьма значительное время была для издателей одновременно и одним из основных каналов маркетинга, поскольку книга как товар на полке книжного магазина рекламирует сама себя. Цифровую книгу на виртуальной полке онлайн-ового магазина сложно полистать, поддержать в руках и принять решение о покупке. Отчасти это обстоятельство способствует росту популярности среди читателей электронных книг сервисов подписки на электронные книги и цифровых библиотечных абонементов, – они не требуют принимать никаких решений, книга «уже оплачена». Однако это не отменяет необходимости для издателя, во-первых, более тщательно готовить сопровождающий продажи контент, а во-вторых – самостоятельно заниматься рекламой и маркетингом своих книг.

Изменения, которые происходят в книжной индустрии на третьем этапе технологической трансформации, весьма неоднородно сказываются на издателях в разных в странах в зависимости от степени развитости рынка, проникновения Интернета, привычки читателей к цифровому контенту. Но главное, эти изменения очень по-разному происходят в разных видах книгоиздания. Очевидно, что «книга», какое бы ее определение мы ни давали, – всего лишь удобный собирательный формат для совершенно разных текстов, материализуемых или воплощаемых в цифровом виде разными способами. В сущности, нет почти ничего общего между учебником по истории, раскраской для детей, любовным романом и академической монографией по

почти 11,5 млн руб. для печати 21 тыс. экземпляров. Отличный тираж даже для большого издательства. Вот только традиционное издательство по умолчанию не могло бы себе позволить некоммерческий проект.

квантовой механике, кроме того что все они могут быть напечатаны на бумаге или существовать, например, в виде стандартной цифровой реплики. Функциональное назначение текста, способ обращения с ним читателя, – именно это определяет то, по какой траектории будет развиваться соответствующая этим видам изданий индустриальная ниша, в каком направлении она будет эволюционировать, если вообще будет развиваться, а не коллапсирует, как это произошло, например, с одним из самых респектабельных видов книгоиздания – изданием печатных энциклопедий, словарей и справочников, – который практически «схлопнулся» с массовым распространением Интернета. Те издатели, которые смогли вовремя перестроиться, теперь пытаются сохранить свой бизнес, занимаясь интернет-словарями. Примерно то же происходит с профессиональной и академической литературой, быстрыми темпами отказывающейся от печатных публикаций в пользу публикаций онлайн-овых и организации B2B-сервисов. Радикальная трансформация идет в сфере учебного книгоиздания, где печать учебников постепенно отходит на задний план, а на передний выходит производство онлайн-овых программных образовательных продуктов.

Переход в онлайн и «в цифру» самым неожиданным образом сказался в самой традиционной издательской сфере – художественной литературы. За минувшее десятилетие пространство литературного fiction значительно расширилось – за счет бурного роста самиздатовской литературы, появления платформ для публикации «книг с продолжением» и, конечно, фан-фикшн. Кроме того, некоторые жанры, более всего тяготеющие к удовлетворению потребности в развлечении (в частности, любовные романы, фантастика и т. п.), переходят на распространение по преимуществу в цифровом виде, а равно и на производство за пределами традиционной издательской индустрии.

Самая главная особенность всех технологических изменений в любой индустрии (и издательская индустрия не исключение), состоит в том, что они одновременно влияют на культурные привычки пользователей и зависят от них. Повсеместное распространение информационных технологий и Интернета, очевидно, повлияло на появление цифровых книг и способствовало достаточно быстрому привыканию к ним значительной доли читателей, но далеко не всех. Доля читателей, которые предпочитают исключительно электронные книги, даже в США с их наиболее развитым рынком цифрового контента

составляет только 7% взрослого населения. Больше трети (37%) продолжают читать только печатные книги, хотя 28% уже читают книги в любом виде [9]. Печатная книга, таким образом, до сих пор сохраняет свою притягательность и ценность для читателей, и третий этап технологической трансформации книжной индустрии еще далеко не завершен.

Литература

1. Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2014 // Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/11567>
2. Аудитория Интернета в России в 2020 году // Mediascope. URL: <https://mediascope.net/news/1250827/>
3. Digital 2020: 3.8 billion people use social media. Special report // We Are Social. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media>
4. Twenge J.M., Martin G.N., Spitzberg B.H. Trends in U.S. Adolescents' media use, 1976–2016: The rise of digital media, the decline of TV, and the (near) demise of print // *Psychology of Popular Media Culture*. 2019. Vol. 8 (4). P. 329–345. URL: <https://doi.org/10.1037/ppm0000203>.
5. Anderson P. At Frankfurt's 'The Markets' Conference: Pieter Swinkels of Rakuten Kobo // *Publishing Perspectives*. October. 2018. 8 Oct. URL: <https://publishingperspectives.com/2018/10/pieter-swinkels-rakuten-kobo-canada-frankfurt-book-fair-markets-conference-2018>
6. Stats // Kickstarter. URL: <https://www.kickstarter.com/help/stats>
7. «Мир фантастики»: подписка на возрожденный журнал // CrowdRepublic. URL: <https://crowdrepubliс.ru/project/1015237/Mir-fantastiki-podpiska-na-vozrozhdyonnyy-zhurnal>
8. Гарри Поттер и Методы Рационального Мышления // Planeta.ru. URL: <https://planeta.ru/campaigns/hpmor/about>
9. Perrin A. One-in-five Americans now listen to audiobooks // Pew Research Center. 2019. 25 Sep. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/09/25/one-in-five-americans-now-listen-to-audiobooks/>

Features of the Publishing Industry Transformation

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 117–128

DOI: 10.17223/23062061/26/7

Vladimir V. Kharitonov, Webpublishers Association (Moscow, Russian Federation).

E-mail: vharitonov@gmail.com

Keywords: publishing industry, digital book, digital book production, digital distribution.

There are three stages in the technological history of the modern book industry as a scalable and mass production of books. The main attention is paid to the history

of digital books, the beginning of which is associated not so much with the beginning of digital book production, but with the advent of digital distribution. On the technical side, this meant developing common industry standards for the digital book, building a distribution infrastructure based on the Internet, and gaining broadband access to it for the mass consumer. Equally significant were the cultural shifts that accompanied or resulted from this technical transformation. The digitalization of the book itself did not have a significant impact on the industry before the ubiquity of the Internet, since the sphere of existence of digital books was limited to a small number of qualified users. Everything changed in the first two decades of the 21st century, when the laws of the “attention economy” came into force and the mechanism of competition for the user’s time by content was activated. A digital book, on the one hand, is becoming more accessible; on the other hand, the time spent on reading books is being reduced. The development of computer technologies and the Internet, in addition to removing the barrier to access to content, removes a significant number of barriers to content publication. It is important to note that the publishing filter in the context of open publication also ceases to work in legal terms, and its disappearance led, in particular, to the emergence and rapid growth of fan fiction literature, which is in the “gray” zone of copyright. The spread of the Internet, of course, creates not only problems, but also opportunities for publishers, in particular, by changing communication with readers. The Internet has made possible not only direct communication with the reader and reader communities, but also a much more effective prompt response to readers’ requests, including those supported by compelling economic incentives. The changes that are taking place in the book industry at the third stage of technological transformation have a very heterogeneous effect on publishers in different countries, depending on the degree of market development, Internet penetration, and readers’ digital content habits. The main point is that these changes take place in very different ways in different types of book publishing. Obviously, “book”, whatever its definition one gives, is just a convenient collective format for completely different texts, materialized or embodied in digital form in different ways. At the same time, the functional purpose of the text and the way the reader treats it determine the trajectory along which the industrial niche corresponding to certain types of publications will develop, in which direction it will evolve.

References

1. Public Opinion Foundation. (2014) *Internet v Rossii: dinamika proniknoveniya. Vesna 2014* [Internet in Russia: the dynamics of penetration. Spring 2014]. [Online] Available from: <https://fom.ru/SMI-i-internet/11567>
2. Mediascope.net. (2021) *Auditoriya Interneta v Rossii v 2020 godu* [Internet audience in Russia in 2020]. [Online] Available from: <https://mediascope.net/news/1250827/>
3. Kemp, S. (2020) *Digital 2020: 3.8 billion people use social media*. Special report. [Online] Available from: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media>

4. Twenge, J.M., Martin, G.N. & Spitzberg, B.H. (2019) Trends in U.S. Adolescents' media use, 1976–2016: The rise of digital media, the decline of TV, and the (near) demise of print. *Psychology of Popular Media Culture*. 8(4). pp. 329–345. DOI: 10.1037/ppm0000203
5. Anderson, P. (2018) At Frankfurt's 'The Markets' Conference: Pieter Swinkels of Rakuten Kobo. *Publishing Perspectives*. 8th October. [Online] Available from: <https://publishingperspectives.com/2018/10/pieter-swinkels-rakuten-kobo-canada-frankfurt-book-fair-markets-conference-2018>
6. Kickstarter. (n.d.) *Stats*. [Online] Available from: <https://www.kickstarter.com/help/stats>
7. CrowdRepublic. (n.d.) "*Mir fantastiki*": *podpiska na vozrozhdeny zhurnal* ["The World of Fantasy": subscription to the revived magazine]. [Online] Available from: <https://crowdpublic.ru/project/1015237/Mir-fantastiki-podpiska-na-vozrozhdyonnyy-zhurnal>
8. Planeta.ru. (n.d.) *Garri Potter i Metody Ratsional'nogo Myshleniya* [Harry Potter and the Methods of Rational Thinking]. [Online] Available from: <https://planeta.ru/campaigns/hpmor/about>
9. Perrin, A. (2019) One-in-five Americans now listen to audiobooks. *Pew Research Center*. 25th September. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/09/25/one-in-five-americans-now-listen-to-audiobooks/>

А.В. Глазкова

ВОЗРАСТНОЙ РЕЙТИНГ КНИЖНОЙ ПРОДУКЦИИ И УРОВЕНЬ УДОБОЧИТАЕМОСТИ: О ВЗАИМОСВЯЗИ ДВУХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ¹

Аннотация. Рассмотрена взаимосвязь показателей, описывающих уровень сложности содержания книжной продукции, – возрастного рейтинга в соответствии с российской системой классификации контента и простоты понимания текста, рассчитанной на основе метрик удобочитаемости. Эксперименты по сравнению удобочитаемости текстов, имеющих разную возрастную маркировку, проводились на собранной автором коллекции фрагментов книг, имеющих издательскую метку возрастного рейтинга. Результаты говорят об адекватности подхода к оценке возрастного рейтинга книг с точки зрения определения возрастной группы предполагаемого читателя и о возможности использования значений метрик удобочитаемости в качестве признаков текста при решении задач компьютерной лингвистики.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, возрастная классификация информационной продукции, удобочитаемость, сложность текста, адресат художественного текста, русский язык, фактор адресата, корпус текстов, возрастные ограничения.

Одним из ключевых аспектов письменной коммуникации является фактор адресата, который предполагает учет автором текста аудитории, к которой он обращается в письменной речи. Адресатом может быть отдельный человек, группа лиц или общество в целом, и автор, ориентируясь на возможного читателя, осознанно или инстинктивно формирует текст, принимая во внимание особенности предполагаемой аудитории.

В данной работе рассматривается взаимосвязь двух аспектов, связанных с проблемой определения потенциального адресата книги: удобочитаемости текста, т.е. его сложности, определенной на основании лингвистических характеристик, и возрастной категории, присвоенной

¹ Результаты исследования были получены в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № МК-637.2020.9.

книге с точки зрения безопасности содержащейся в ней информации. Автором выдвинута гипотеза о взаимосвязи возрастного рейтинга книги и показателей ее удобочитаемости. Для проверки данной гипотезы была собрана коллекция текстов, имеющих различный возрастной рейтинг. Тексты собранной коллекции оценены с помощью нескольких метрик удобочитаемости, а полученные результаты проанализированы.

Выводы, сделанные в работе, представляют интерес с позиций обработки естественного языка, а конкретно ее раздела, занимающегося поиском неструктурированной информации в массивах данных, – информационного поиска. В настоящее время одной из малоизученных, но актуальных задач информационного поиска является классификация текстов на основе их вероятных адресатов. Инструменты решения данной задачи могут найти практическое применение в различных приложениях, в частности в рекомендательных системах и в электронных библиотеках. Существуют различные основания для классификации аудитории текста: по размеру, по гендеру, по профессиональному признаку и др. Особую важность имеет решение задачи возрастной классификации. Ее актуальность продиктована введением в Российской Федерации возрастных ограничений на книги и контент интернет-ресурсов, развитием систем электронного обучения и онлайн-библиотек. Кроме того, возможность классифицировать тексты по возрастным группам адресатов позитивно скажется на релевантности результатов информационного поиска, позволяя, в числе прочего, усовершенствовать механизмы исключения из найденной выборки нежелательных ресурсов (например, сайтов, содержание которых рассчитано на пользователя иной возрастной категории) [1].

Существует ряд работ, посвященных исследованию фактора адресата, в частности особенностей текстов, предназначенных читателям разных возрастов. В первую очередь это работы, выполненные учеными-лингвистами. Так, С. Nord подчеркивает, что автор с самого начала своей работы над текстом ориентируется на образ потенциального читателя и принимает во внимание черты предполагаемой целевой аудитории [2]. В работе И.А. Стернина [3] даны рекомендации по написанию текстов, предназначенных читателям, относящимся к определенным возрастным группам. Авторы статей [4–8] изучают степень влияния адресатов на различные типы текстов, например переводные тексты, детскую поэзию и другие. В работе [9] проведен подробный

эмпирический анализ характеристик читателей на примере образовательного дискурса.

Основываясь на упомянутых выше работах, можно сделать вывод о том, что любой текст содержит черты, определяющие образ его вероятного читателя. Таким образом, текст ориентируется на потенциальную аудиторию, в то время как читатель заинтересован в поиске текстов, релевантных его потребностям и уровню развития. Кроме того, содержание рассмотренных работ позволяет заключить, что на возрастную принадлежность текста влияют два основных фактора:

1) семантическое наполнение (тематика, лексика, средства художественной выразительности);

2) простота восприятия текста.

К сожалению, в настоящее время нет завершенных научных исследований, посвященных определению возраста целевой аудитории текста с точки зрения обоих указанных факторов. Однако существует ряд методик, оценивающих уровень текста с позиций его лингвистической или тематической сложности. В частности, такими подходами являются классификация информационной продукции исходя из уровня безопасности содержащегося в ней контента и оценка удобочитаемости на основе учета количественных характеристик текста. При этом первый подход нацелен на ограничение доступа детей к потенциально вредоносной информации, в то время как второй направлен скорее на уровень образованности вероятного читателя, чем на его возраст.

Поскольку исследования фактора адресата текста говорят об ориентации текста на определенную аудиторию, представляется логически обоснованным предположить, что разные подходы к определению уровня сложности текста порождают взаимосвязанные результаты. Исходя из этого предположения, далее будут рассмотрены особенности действующей на территории Российской Федерации системы возрастной классификации информационной продукции и нескольких распространенных метрик удобочитаемости. На примере коллекции книг, имеющих возрастной рейтинг издателя, будут оценены значения метрик удобочитаемости и проанализирована степень взаимосвязи результатов двух рассматриваемых подходов к оценке категорий аудитории текста.

Принятые в разных странах системы возрастной классификации текстов (в том числе и современная российская система) основаны в первую очередь на безопасности содержащейся в них информации,

т.е. на учете семантики текста. Присваивание возрастных категорий информационной продукции выполняется с помощью экспертной оценки, которая может быть весьма субъективной. Как правило, сопоставление метки возрастного рейтинга осуществляется издателем книги на основе ограничений, установленных Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ [10].

Согласно закону № 436-ФЗ, классификация информационной продукции осуществляется на основе оценки следующих показателей:

- 1) ее тематика, жанр и художественное оформление;
- 2) особенности восприятия содержащейся в ней информации детьми определенной возрастной категории;
- 3) вероятность причинения содержащейся в ней информацией вреда здоровью и (или) развитию детей.

При этом предусмотрены следующие метки возрастного рейтинга для информационной продукции:

- 1) разрешенная детям, не достигшим шести лет (0+);
- 2) разрешенная детям, достигшим шести лет (6+);
- 3) разрешенная детям, достигшим двенадцати лет (12+);
- 4) разрешенная детям, достигшим шестнадцати лет (16+);
- 5) запрещенная для детей (18+).

Известны случаи, когда один и тот же текст в разных издательствах был маркирован разными метками возрастного рейтинга. Это может быть связано с особенностями восприятия текста книги и толкования разными экспертами тех или иных формулировок в законе, а также с различиями в художественном оформлении книг, выпускаемых разными издательствами.

Несмотря на возможные разночтения, в целом система возрастного рейтинга информационной продукции весьма однозначно рекомендует текст определенной возрастной категории читателей.

Метрики удобочитаемости появились в первой половине XX в. как инструмент для оценки уровня сложности учебных текстов в образовательных учреждениях [11]. Как правило, данные метрики используют количественные характеристики текста, такие как средняя длина предложений, среднее количество слов в предложениях и им подобные. Существует достаточно большое количество метрик удобочитаемости, наиболее распространенных среди них являются:

– Индекс Флеша–Кинкейда [12], основная идея которого состоит в прямой зависимости между длиной предложений и слов в тексте и сложностью текста. Оригинальная метрика Флеша–Кинкейда выглядит следующим образом:

$$R_F = 206,835 - 1,015 \times ASL - 84,6 \times ASW, \quad (1)$$

где ASL – средняя длина предложений, ASW – среднее количество слогов в словах.

– Индекс Колмана–Лиану [13], использующий среднее количество букв в словах и среднее количество слов в предложениях:

$$R_C = 0,0588 \times L - 0,296 \times S - 15,8, \quad (2)$$

где L – среднее количество букв на 100 слов, S – среднее количество предложений на 100 слов.

– Автоматический индекс удобочитаемости (ARI -индекс) [14], основанный на подсчете количества символов, слов и предложений в тексте. Результатом применения данной метрики является число, характеризующее номер класса в американской системе образования, ученикам которого будет понятен текст:

$$R_A = 4,71 \times \frac{characters}{words} + 0,5 \times \frac{words}{sentences} - 21,43, \quad (3)$$

где $characters$ – количество буквенных символов и цифр, $words$ – количество слов, $sentences$ – количество предложений.

– Индекс $SMOG$ [15], идея которого заключается в том, что сложность текста в основном обусловлена сложностью используемых в нем слов. При этом «сложными» считаются слова, состоящие более чем из трех слогов:

$$R_S = 1,043 \times \sqrt{\frac{30 \times polysyllable}{sentences}} + 3,1291, \quad (4)$$

где $polysyllable$ – количество сложных слов, $sentences$ – количество предложений.

– Формула Дейла–Челла [16] использует словарь лексических минимумов, состоящий из наиболее употребительных слов. Если слово не является словарным, оно считается сложным для восприятия:

$$R_D = 0,1579 \times \frac{difficult}{words} \times 100 + 0,0496 \times \frac{words}{sentences}, \quad (5)$$

где $difficult$ – количество сложных для восприятия слов, $words$ – количество слов, $sentences$ – количество предложений.

Кроме упомянутых метрик, широко применяемыми подходами к определению удобочитаемости текста являются формулы Фарра–Дженкинса–Паттерсона, Фрая, Лоджа, индекс туманности (фог-индекс) и др. В зависимости от выбранной метрики результатом вычисления является рекомендуемый уровень образования читателя или количественное выражение степени сложности текста.

Особенностью перечисленных метрик удобочитаемости является их ориентированность на английский язык, что обусловлено специфическими количественными характеристиками английского языка, учитывавшимися при их создании. При этом тексты, написанные на других языках, могут иметь другие количественные показатели. Так, в частности, в русском языке предложения в среднем содержат меньше слов, чем в английском, но при этом средняя длина русских слов превышает длину английских. Исходя из этого, коэффициенты в формулах для расчета удобочитаемости нуждаются в коррекции при использовании для текстов на каждом конкретном языке.

Существует ряд работ российских ученых, посвященных адаптации метрик удобочитаемости для русского языка. Так, в работе И. Оборновой [17] предложены коэффициенты для формулы Флеша–Кинкейда, позволяющие более корректно использовать ее для оценки русскоязычных текстов. В рамках проекта [18] выполнена адаптация пяти распространенных формул удобочитаемости (индексов Флеша–Кинкейда, Колмана–Лиау, *SMOG*, *ARI*-индекса и формулы Дейла–Челла) и реализован программный интерфейс приложения для автоматического анализа сложности текстов. В работе М. Солнышкиной и соавт. [19] предложен подход к определению сложности русских текстов на основе ряда синтаксических, лексических и количественных показателей.

Эксперименты проводились на коллекции текстов, собранных в электронных библиотеках. В качестве материала для исследования послужили фрагменты текстов книг, имеющих маркировку в соответствии с российской системой возрастной классификации информационной продукции. Поскольку в соответствии с требованиями российского законодательства в сфере интеллектуальной собственности полные тексты книг в большинстве случаев не размещаются в свободном доступе в сети Интернет, в работе использовались ознакомительные фрагменты, которые публикуются в форме свободного контента. Как правило, размер ознакомительного фрагмента составляет 10% от пол-

ного текста книги, что делает возможным расчет показателей удобочитаемости для рассматриваемых текстов. В табл. 1 представлены основные характеристики текстовой коллекции, оцениваемой в данной работе. Суммарный объем коллекции составил 5 516 текстов.

Таблица 1

Параметры коллекции текстов

Категория	Количество текстов	Средняя длина текстов (среднее количество слов)	Среднее количество предложений
0+	50	1 878,32	150,05
6+	1 242	5 994,88	465,22
12+	1 544	15 035,41	1 146,89
16+	1 963	16 944,93	1 269,23
18+	717	17 529,81	1 353,3

Категория 0+ представлена в коллекции текстами жанров «Детская проза» и «Детская поэзия». Категория 6+ – жанрами «Детская проза», «Классическая проза», «Современная проза», а также различными фантастическими, детективными и приключенческими жанрами («Детская фантастика», «Историческая фантастика», «Детективная фантастика», «Детские приключения», «Приключения», «Классические детективы» и т.д.). Жанровое разнообразие текстов категорий 12+ и 16+ примерно соответствует списку жанров текстов категории 6+. Дополнительно стоит отметить появление жанров «Зарубежные любовные романы» (категория 12+) и «Остросюжетные любовные романы» (категория 16+). В число текстов категории 18+ попали ознакомительные фрагменты произведений жанров «Классическая проза», «Современная проза», фантастических, детективных и приключенческих жанров, различных жанров, включающих в себя любовные романы, в том числе жанра «Эротическая литература». Стоит отметить, что ряд произведений детской прозы также относится к категории 18+ (в частности, некоторые подростковые романы).

На материалах собранной коллекции текстов проведена оценка удобочитаемости книг, адресованных различным категориям читателей. Показатели удобочитаемости рассчитывались по пяти метрикам: индексу Флеша–Кинкейда, индексу Колмана–Лиау, ARI-индексу, индексу SMOG и формуле Дейла–Челла. В работе использовались адаптация данных метрик для русского языка и программный интерфейс приложения, представленные в рамках проекта [18], а также язык про-

граммирования Python 3.6. Результатом оценки текста является уровень образования, необходимый для его понимания, измеренный в годах обучения от 1 до бесконечности.

В табл. 2 представлены показатели оценки удобочитаемости. Как видно из данных таблицы, значения различных метрик удобочитаемости показывают высокую взаимную корреляцию (близкую к 1; рис. 1). Подобная статистическая взаимосвязь между значениями метрик объясняется использованием зависимых количественных признаков для их расчета (например, длины слова в символах и слогах).

Таблица 2

Оценка удобочитаемости текстов

Метрика	0+	6+	12+	16+	18+
Индекс Флеша–Кинкейда	4,81 (2,38)	6,53 (3,73)	11 (5,2)	10,99 (6,48)	7,15 (2,41)
Индекс Колмана–Лиау	5,12 (2,48)	6,37 (3,64)	10,65 (4,53)	10,7 (5,65)	7,29 (2,12)
ARI-индекс	5,14 (2,53)	6,6 (3,73)	11,24 (5,14)	11,29 (6,32)	7,3 (2,3)
Индекс SMOG	4,58 (1,47)	6,55 (2,5)	9,68 (3,42)	10,02 (4,75)	7,61 (1,81)
Формула Дейла–Челла	4,15 (1,16)	5,97 (2,62)	9,55 (3,98)	9,6 (5,25)	6,79 (1,62)

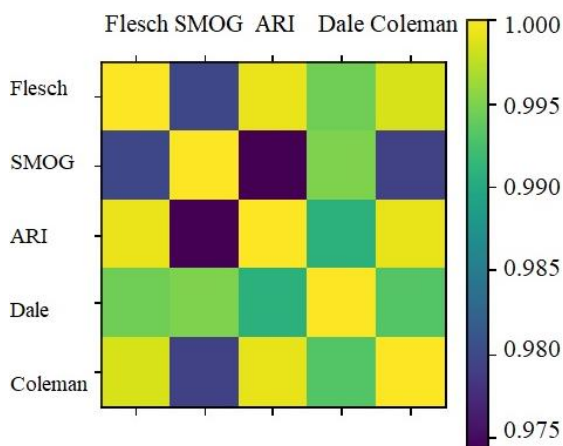

Рис. 1. Матрица корреляций между значениями разных индексов удобочитаемости

В каждой ячейке табл. 2 расположено среднее значение соответствующей метрики для текстов возрастной категории, указанной в названии столбца. В скобках после среднего значения метрики указано среднеквадратическое отклонение σ , характеризующее меру разброса данного показателя удобочитаемости для всех текстов категории относительно среднего значения:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - M)^2}{n - 1}}, \quad (6)$$

где x_i – значение метрики для i -го текста из возрастной категории, M – среднее значение метрики для возрастной категории, n – количество текстов, относящихся к возрастной категории.

Полученные оценки удобочитаемости демонстрируют постепенное увеличение сложности текстов, начиная от категории 0+ и заканчивая категорией 16+ (рис. 2). При этом значительное увеличение сложности заметно при переходе от категории 6+ к категории 12+, т.е. между книгами, относимыми экспертами к литературе, подходящей для детей, и произведениями, запрещенными для детей младше 12 лет и рекомендованными подросткам.

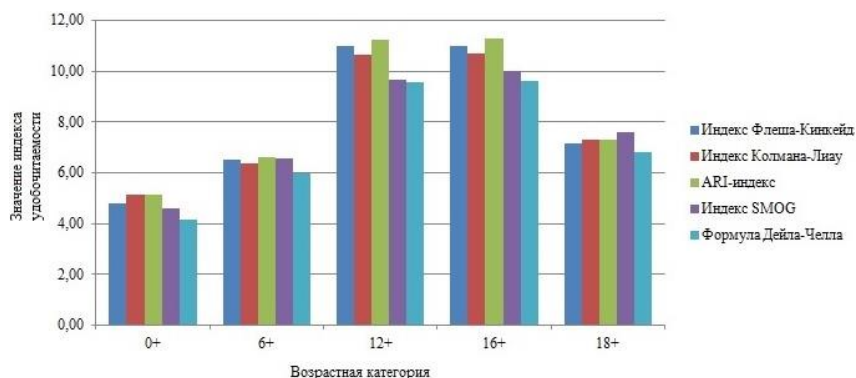

Рис. 2. Значения индексов удобочитаемости для текстов разных возрастных категорий

Интересно отметить, что тексты книг, относящихся к категории 18+, имеют довольно низкие показатели сложности в соответствии с оцениваемыми величинами. Это говорит о том, что данные тексты,

согласно значениям метрик удобочитаемости, требуют более низкого уровня образования читателя, чем тексты из категорий 12+ и 16+. Вероятно, это связано с жанровыми особенностями литературы, запрещенной для детей.

Основываясь на результатах экспериментов, в большинстве случаев можно говорить о прямой зависимости между необходимым для понимания текста уровнем образования читателя, определенным с помощью метрик удобочитаемости, и возрастным рейтингом, присвоенным книге в соответствии с экспертной оценкой безопасности содержащейся в ней информации. Тексты, отнесенные экспертами к категории 18+, в среднем имеют более низкие оценки, что говорит о их более высокой удобочитаемости в сравнении с категориями 12+ и 16+.

Полученные результаты в целом подтверждают гипотезу о взаимосвязи возрастного рейтинга текста и показателей его удобочитаемости. Кроме того, полученные величины показывают, что ориентация книги на определенную возрастную категорию читателей одновременно отображается в различных аспектах оценки сложности текста. Таким образом, можно сделать вывод о том, что экспертные метки книги в соответствии с системой возрастной классификации текстовой информационной продукции в основном отражают целевую возрастную аудиторию данной книги. Также результаты, полученные в работе, позволяют предположить, что значения метрик удобочитаемости могут быть использованы в качестве признаков в задаче автоматической классификации текстов по их возрастной аудитории и других сходных задачах информационного поиска.

Литература

1. Глазкова А.В. Подход к проведению классификации текстов на основании возрастных групп их адресатов // Труды СПИИРАН. 2017. № 3 (52). С. 51–69.
2. Nord C. What do We Know About the Target-Text Receiver? // Investigating Translation: Selected papers from the 4th International Congress on Translation. Barcelona : Benjamins Translation Library, 2000. P. 195–212.
3. Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 171–178.
4. Apfelthaler M. Stepping into others' shoes: a cognitive perspective on target audience orientation in written translation // Monografias de Traducción e Interpretación. Valencia, 2014. P. 303–330.

5. Сабурова Н.А., Кириченко А.В. Фактор адресата в детской дидактической поэзии // *Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе : материалы науч.-практ. конф.* Хабаровск : Тихоокеанский гос. ун-т, 2015. С. 261–270.

6. Ефремова Н.В. Фактор адресата – обязательный вектор дискурсивной деятельности адресанта медицинского текста // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 5-2 (47). С. 56–58.

7. Потапова Н.В., Каменева В.А. Возраст адресата – фактор, определяющий структурные, языковые и темпоральные особенности организации новостных гипотекстов // *Политическая лингвистика.* 2018. № 4 (70). С. 130–136.

8. Шабанова В.В. Концептуальная организация медиатекста и фактор адресата (на материале текстов национальной тематики) // *Политический дискурс в парадигме научных исследований: материалы международной научно-практической конференции.* Тюмень : ВекторБук, 2016. С. 92–98.

9. Щепилова А.В., Сулейманова О.А., Фомина М.А., Водяницкая А.А. Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе // *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2017. № 3 (27). С. 68–82.

10. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон № 436-ФЗ : [принят Гос. Думой 21.12.2010; одобрен Советом Федерации 24.12.2010]. URL: <https://base.garant.ru/12181695/>

11. Collins-Thompson K. Computational assessment of text readability: a survey of current and future research // *ITL-International Journal of Applied Linguistics.* 2014. T. 165, № 2. P. 97–135.

12. Kincaid J.P. et al. Derivation of new readability formulas (automated readability index, fog count and Flesch reading ease formula) for navy enlisted personnel // *Naval Technical Training Command Millington TN Research Branch.* 1975. 49 p.

13. Coleman M., Liao T.L. A computer readability formula designed for machine scoring // *Journal of Applied Psychology.* 1975. № 2. P. 283.

14. Senter R.J., Smith E.A. Automated readability index. AMRL TR. 1967. 14 p.

15. McLaughlin G.H. SMOG grading-a new readability formula // *Journal of reading.* 1969. № 8. P. 639–646.

16. Dale E., Chall J.S. A formula for predicting readability: Instructions // *Educational Research Bulletin.* 1948. Vol. 27. P. 37–54.

17. Оборнева И.В. Математическое моделирование классификации объектов (на примере определения категории потенциальных адресатов текста) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 18 с.

18. Оценка читабельности текста. URL: <http://readability.io/> (дата обращения: 18.09.2020).

19. Solnyshkina M., Ivanov V., Solovyev V. Readability Formula for Russian Texts: a Modified Version // *Mexican International Conference on Artificial Intelligence.* Cham : Springer, 2018. С. 132–145.

Age Rating of Books and Readability: On the Correlation of Two Indices

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 129–142

DOI: 10.17223/23062061/26/8

Anna V. Glazkova, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: anna_glazkova@yahoo.com

Keywords: computational linguistics, age content classification, readability, text difficulty, addressee of literary text, Russian language, addressee factor, text corpus, age restrictions.

The article examines the correlation of two indices characterizing the level of linguistic or semantic complexity of the book content. The first index is the age rating in accordance with the Russian Age Rating System for information products. The second index is the ease of understanding of the text, calculated based on the common readability metrics. The author compares the values of readability metrics for texts with different age rating scores. The experiments were carried out on the collection of 5,516 book previews collected by the author of the article. The previews used are freely available in electronic libraries, and they have age rating scores obtained from their publishers. In accordance with the system adopted in the Russian Federation, age rating scores characterize the book's targeting to the following age categories: 0+, 6+, 12+, 16+, and 18+. In most cases, the size of the book preview is 10% of the full text, which makes it possible to calculate readability indices. The collected texts were scored according to five commonly used readability metrics: Flash-Kincaid Index, Coleman-Liau Index, ARI Index, SMOG Index, and Dale-Chell Formula. As a result of the readability assessment for the texts of each age category, the author obtained recommended levels of education necessary for their understanding. The obtained values were averaged within the age category and analyzed. The results of the experiments allow asserting that in most cases there is a direct relationship between the age rating score of the book and the expected level of education required to understand it. Moreover, readability scores in accordance with all the considered metrics are directly proportional to age rating scores for age categories from 0+ to 16+. The readability scores of books in the 18+ category roughly correspond to children's literature, which is apparently explained by the genre characteristics of the books marked by the 18+ label. First of all, the results obtained indicate the adequacy of the existing approach to assessing the book age rating in terms of attributing the text to the target audience by age. Secondly, the relationship between readability indices and age rating scores allow using the values of readability metrics as text features in various computational linguistics tasks aimed at text addressee prediction.

References

1. Glazkova, A.V. (2017) An Approach to Text Classification based on Age Groups of Addressees. *Trudy SPIIRAN – SPIIRAS Proceedings*. 3(52). pp. 51–69. (In Russian).
2. Nord, C. (2000) What do We Know About the Target-Text Receiver? In: Beeby, A., Ensinger & Presas, M. (eds) *Investigating Translation: Selected papers from the*

4th International Congress on Translation. Barcelona: Benjamins Translation Library. pp. 195–212.

3. Sternin, I.A. (2004) Faktor adresata v rechevom vozdeystvii [The addressee factor in speech impact]. *Vestnik Voronezh-skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism.* 1. pp. 171–178.

4. Apfelthaler, M. (2014) Stepping into others' shoes: a cognitive perspective on target audience orientation in written translation. In: *Monografias de Traducci on e Interpretacio*. Valencia: [s.n.]. pp. 303–330.

5. Saburova, N.A. & Kirichenko, A.V. (2015) Faktor adresata v detskoj didakticheskoy poezii [The addressee factor in children's didactic poetry]. *Yazyk i kul'tura: voprosy sovremennoy filologii i metodiki obucheniya yazykam v vuze* [Language and culture: questions of modern philology and methods of teaching languages at a university]. Proc. of the Conference. Khabarovsk: Pacific State University. pp. 261–270.

6. Efremova, N.V. (2015) The factor of an addressee – the obligatory vector of the discourse activity of the addresser of a medical text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice.* 5-2 (47). pp. 56–58. (In Russian).

7. Potapova, N.V. & Kameneva, V.A. (2018) Age of addressee as a factor determining structural, linguistic and temporal features of news hypotexts. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics.* 4(70). pp. 130–136. (In Russian).

8. Shabanova, V.V. (2016) Kontseptual'naya organizatsiya mediateksta i faktor adresata (na materiale tekstov natsional'noy tematiki) [Conceptual organization of the media text and the addressee's factor (based on the texts of national themes)]. *Politicheskii diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy* [Political discourse in the paradigm of academic research]. Proc. of the Conference. Tyumen: VektorBuk. pp. 92–98.

9. Shchepilova, A.V., Suleymanova, O.A., Fomina, M.A. & Vodyanitskaya, A.A. (2017) Uchet faktora adresata v sovremennom obrazovatel'nom diskurse [The addressee factor in modern educational discourse]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie.* 3(27). pp. 68–82.

10. Russian Federation. (2010) *O zashchite detey ot informatsii, prichinyayushchey vred ikh zdorov'yu i razvi-tiyu: federal'nyy zakon № 436-FZ: [prinyat Gos. Dumoy 21.12.2010; odobren Sovetom Federatsii 24.12.2010]* [On protection of children from information harmful to their health and development: Federal Law No. 436-FZ: [adopted by the State. Duma on December 21, 2010; approved by the Federation Council on December 24, 2010]]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/12181695/>

11. Collins-Thompson, K. (2014) Computational assessment of text readability: a survey of current and future research. *ITL-International Journal of Applied Linguistics.* 165(2). pp. 97–135. DOI:10.1075/itl.165.2.01col

12. Kincaid, J.P. et al. (1975) *Derivation of new readability formulas (automated readability index, fog count and Flesch reading ease formula) for navy enlisted personnel.* Naval Technical Training Command Millington TN Research Branch.

13. Coleman, M. & Liau, T.L. (1975) A computer readability formula designed for machine scoring. *Journal of Applied Psychology.* 2. p. 283. DOI: 10.1037/h0076540

14. Senter, R.J. & Smith, E.A. (1967) *Automated readability index.* AMRL TR.

15. McLaughlin, G.H. (1969) SMOG grading-a new readability formula. *Journal of Reading*. 8. pp. 639–646.
16. Dale, E. & Chall, J.S. (1948) A formula for predicting readability: Instructions. *Educational Research Bulletin*. 27. pp. 37–54.
17. Osborneva, I.V. (2006) *Matematicheskoe modelirovanie klassifikatsii ob"ektov (na primere opredeleniya kategorii potentsial'nykh adresatov teksta)* [Mathematical modeling of the classification of objects (a case study of determining the category of potential addressees of the text)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
18. Readability.io. (n.d.) *Otsenka chitabel'nosti teksta* [Text Readability Assessment]. [Online] Available from: <http://readability.io/> (Accessed: 18th September 2020).
19. Solnyshkina, M., Ivanov, V. & Solovyev, V. (2018) Readability Formula for Russian Texts: a Modified Version. *Mexican International Conference on Artificial Intelligence*. Cham: Springer. pp. 132–145. DOI: 10.1007/978-3-030-04497-8_11

Д.П. Зылевич

АВТОРСКАЯ КНИГА В СОВРЕМЕННОМ РЕПЕРТУАРЕ БЕЛОРУССКИХ ИЗДАНИЙ

Аннотация. *Предлагается обзор авторских книг, представленных в репертуаре современных белорусских издательств в 2014–2019 гг. Под авторской книгой принято понимать издание, в котором текст и оформление созданы одним человеком. С точки зрения взаимодействия текста и иллюстраций проанализировано 20 современных авторских изданий, выпущенных белорусскими авторами: С. Стельмашонком, Э. Поповой, Л. Сперанской, В. Стариковым, С. Волковым, К. Пашкевич, А. Бальжак и др. В большинстве изданий текст доминирует над иллюстрацией и по объему занимаемой площади, и по смысловой нагрузке.*

Ключевые слова: *авторская книга, художественное оформление издания, концепция издания, художественно-графический жанр, иллюстрация.*

Среди литературно-художественных изданий особую нишу занимает авторская книга. Это издание, где текст и оформление выполнено одним человеком. Искусствовед и художник Дарья Герасимова называет такие книги «идеальным вариантом»: «Я считаю, что совсем адекватно проиллюстрировать художественное произведение невозможно, потому что все равно художник пропускает через себя образы писателя и видит их по-своему. Идеальный вариант, это когда человек и пишет, и рисует сам, – это так называемая авторская книга. Она становится сейчас в мире очень популярной» [1. С. 57].

Нередко исследователи используют определение «авторская книга художника», однако в таком случае речь идет о книге, являющейся в первую очередь предметом искусства, имеющей необычную форму или изготовленной из необычных материалов [2. С. 232]. Действительно, подобные издания часто являются продуктом художников. В рамках данной статьи мы говорим о традиционной книге, изготовленной из бумаги полиграфическим способом. Авторами таких книг выступают как художники, так и «рисующие писатели» или «рисующие поэты». Адресованы подобные издания чаще всего детям.

Термин «авторская книга» стал активно использоваться филологами, искусствоведами, издателями благодаря диссертационному исследова-

нию Дарьи Герасимовой «Творческие проблемы и специфика художественно-графического жанра детской “авторской” книги» (2002) [3], хотя само явление авторской книги существует давно; есть, например, Музей авторской книги в г. Лодзь (Польша), коллекция авторской книги в Моравской галерее г. Брно (Чехия). «Классиками» авторской книги можно назвать Л. Кэрролла, Р. Кипплинга, Т. Янсон, А. Сент-Экзюпери, Э. Сетон-Томпсона, Т. Маврину, В. Лебедева, В. Сутеева, Е. Чарушина, С. Нурдквиста и др.

Советские и – позднее – российские исследователи феномену авторской книги (зарубежной, советской, российской) посвятили ряд интересных работ. Некоторыми исследователями советских лет, например Э. Ганкиной [4], авторская книга не вычленялась в отдельную группу и анализировалась с точки зрения оформления в ряду других изданий. Еще в 1983 г. вышла статья Л. Звонаревой «Пишущий художник», где с небольшим экскурсом в историю дан обзор авторских книг 70–80-х гг. XX в. [5]. О вариантах авторских книг от эпохи Серебряного века до наших дней говорится в статье профессора А.Н. Лаврентьева «Феномен “книги художника” как единство слова, графики и личности художника» [6]. Развитию жанра авторской книги посвящена статья А.Б. Парыгина «Генезис книги художника» [7]. Нюансы термина «детская авторская книга» (с разграничением на поджанры – авторская книга художника и авторская книга писателя), основные этапы ее развития в СССР, а также творчество наиболее ярких ее представителей стали объектом исследования в выпускной квалификационной работе Е.В. Больдта «Авторская детская книга в СССР» [8]. Некоторые исследователи анализируют синкретичное творчество отдельных авторов (В.А. Ионин «Художественное оформление авторской детской книги В. Тамби» [9]). Пожалуй, наиболее полной, комплексной работой по теме детской авторской книги выступает уже упоминаемая диссертация Д. Герасимовой [3].

Все названные исследования принадлежат искусствоведам, и в центре внимания находится скорее иллюстрация либо творческий процесс создания авторской книги, нежели текст.

К сожалению, в истории белорусского книгоиздания нет авторов мирового уровня, которые бы оставили нам книги, являющие собой синкретичный продукт литературного и иллюстративного искусства. Однако XXI век с его свободой творчества и вниманием к форме лю-

бого произведения привел в литературу и «пишущих художников», и «рисующих авторов».

Современная белорусская авторская книга пока редко привлекает внимание исследователей [10]. Цель данной статьи – дать обзор современных белорусских авторских книг, охарактеризовать их с точки зрения «взаимодействия» текста и иллюстраций.

В статье использовался метод редакторского анализа. Мы обращаем внимание на соответствие произведения (и издания, в котором оно представлено) заявленному читательскому адресу, а также отмечаем особенности концепции издания, поскольку в авторской книге такие, казалось бы, «издательские» аспекты, как формат, качество бумаги, обложка и другие, тщательно продумываются автором и тесно связаны с произведением.

В результате анализа каталога Национальной библиотеки Беларуси было выявлено 20 непереводаемых изданий, выпущенных белорусскими издательствами в 2014–2019 гг., где автором текста и иллюстраций выступает один человек. Семь изданий ориентировано на взрослого читателя (или на широкий читательский адрес), 13 – на детей. Охарактеризуем их.

В белорусскую детскую литературу пришли пишущие художники. В 2019 г. издательство «Регистр» представило книгу Сергея Стельмашонка «Сказки старенького смартфона». Автор – профессиональный художник, иллюстратор, особенно известны белорусам его многочисленные «портреты» кошек. Свой сборник сказок он адресовал детям и взрослым, и в нем действительно представлены разноплановые произведения. Детям дошкольного и младшего школьного возраста, например, будет близка история про Дракошу, которая живет в ванне; их старшие сестры и братья, а также родители найдут в книге аллегорические, философские произведения.

В книге интересно оформлены форзацы: на них рукописным шрифтом представлены «высказывания» сказочных персонажей (Царевны Несмеяны, Колобка, Карабаса-Барабаса, Золотой рыбки, Гулливера и др.), которые дают оценку сборнику. Иллюстрации предлагают портреты героев, дополняют деталями сюжет, создают общее настроение. Хорошим заключением книги является четвертая страница обложки, где собран коллаж из иллюстраций сборника. Издание выглядит гармоничным, законченным.

Молодая белорусская художница Эльга Попова за последнее пятилетие выпустила два поэтических сборника для детей, где тексты буквально вплетены в содержание картин. В издательстве «Беларусь» вышла книга «Мои сказки», издательство «Зміцер Колас» подготовило сборник «Волшебство – оно повсюду». Это большеформатные издания, развороты представляют авторские картины, на которых красивым декоративным шрифтом даны стихи. Содержательно иллюстрация и текст говорят об одном и том же, только на языках разных видов искусства. Доминирует иллюстрация, но стихи явно обогащают ее. Особенно удачным нам видится сборник «Волшебство – оно повсюду» (рис. 1).

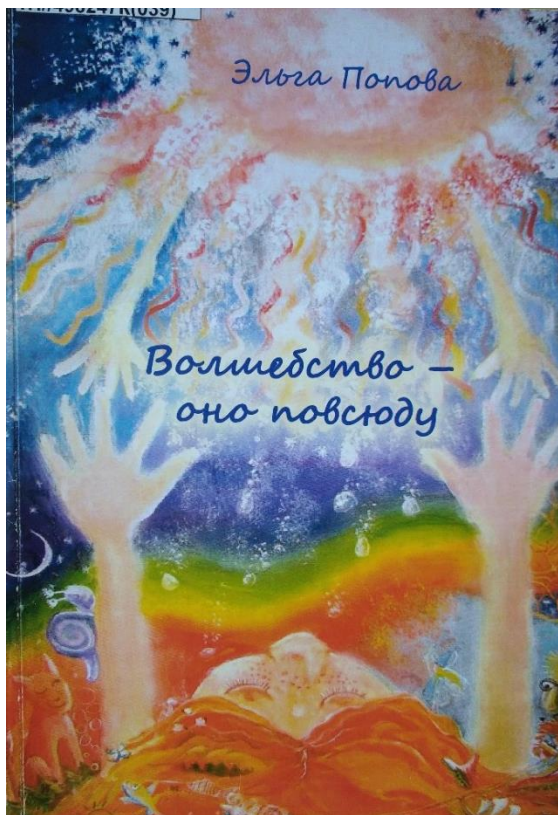

Рис. 1. Обложка книги Эльги Поповой «Волшебство – оно повсюду»

Качественное полиграфическое исполнение, мелованная бумага, полностью заполненные автором страницы сборника способствуют передаче общей идеи книги, когда душа лирической героини «виляет хвостиком» от радости бытия. Автор спрашивает своего читателя: «Ты солнце когда-нибудь пробовал – какое оно на вкус?», «А чем луна пахнет, знаешь?», «А небо когда-нибудь трогал?», «А землю случалось слышать?», «А пробовал ли прикинуть счастье в ладошке на вес?».

Хотя автор выходит на философские темы, однако в стихах много конкретных образов, воспринимаемых органами чувств, что будет близко детям. Даже названия стихов отражают эту чувственную конкретность: «Ночь-мурлыка», «Снежный кот», «Снежный конь», «Музыка луны», «Предночная пушистость», «Обниму рассвет».

Художник, дизайнер, поэт, автор детских сказок Лариса Сперанская издает свои произведения в Москве и Минске. В 2014 г. издательство «Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі» выпустило книгу Ларисы Сперанской «Брусничный пирог», в 2017 г. – «Тайна огуречной грядки», они адресованы детям дошкольного и младшего школьного возраста.

Рис. 2. Разворот книги Л. Сперанской «Тайна огуречной грядки»

В изданиях продумана каждая деталь содержания и оформления. Например, на форзацах сборника «Тайна огуречной грядки» изображены овощи, которые живут в чудесной стране Огород, куда попадают маленькие герои сказки – цыпленок Солнышко, утенок Кряк, индюшонок Помпонуфий. В Огороде они знакомятся с Мышью и ее семьей, Жуком, Старым Кротом, Шмелем и попадают в настоящие приключения. Динамичные, с обилием деталей, выполненные в приглушенных тонах акварельные иллюстрации представлены на каждом развороте книги и находятся в тесном взаимодействии с сюжетом (рис. 2).

Художник и писатель Виктор Стариков адресовал детям младшего школьного возраста сборник сказок «Агата и ее волшебные вещи» (издательство «Харвест», 2019).

Сказки словно созданы детской фантазией, в них переплетены чуждое и реальность, даже главная героиня, последовавшая за рыбой-мечтой, не всегда может их разграничить. Издание содержит цветные иллюстрации, как правило, крупные, занимающее все поле страницы или его половину, что соответствует читательскому адресу. На рисунках мы видим в основном главных героев, представленных в активном действии. Мелованная бумага, большой формат, интересные (не реалистичные, а несколько упрощенные) иллюстрации привлекают читателя.

Известный художник-иллюстратор Сергей Волков выступил как автор поэтического сборника «Огорошки» для чтения взрослыми детям (издательство «Звезда», 2019). Каждая страница книги представляет собой иллюстрацию и короткое стихотворение, дополняющее иллюстрацию скорее эмоциями, чем деталями: «Дедову машину / Вымыли мы дружно! / Кто с ведром, кто с тряпкой – / По колено в луже!»

Спокойные цвета, элементы традиционного белорусского дизайна (васильки, колосья, «вышиванки») – вот что характерно для творческой манеры С. Волкова и для его авторской книги (рис. 3).

К сожалению, нам не удалось найти информацию о том, есть ли художественное образование у следующих авторов. Однако авторские книги бабушки Иры (под таким псевдонимом выступает Ирина Чурсина-Беднарская) производят очень хорошее впечатление. Сборник стихов «Купите меня» адресован читателям от 1 до 100 лет, вышел в серии «Семейная книжка» (издательство «Колорград», 2018). Добрые, динамичные стихотворения идеально подходят для чтения

взрослыми детям, а забавные иллюстрации наверняка понравятся ребенку-слушателю.

Рис. 3. Обложка книги С. Волкова «Огородшки»

Издательство «Колорград» в 2019 г. выпустило еще одну книгу бабушки Иры, адресованную в первую очередь подросткам. Это повесть «Виртуальный мозгоед» с «говорящим» подзаголовком «Правдивая история одного мальчика». В произведении рассказана история мальчика, попавшего в компьютерную зависимость, потерявшего связь с реальностью, с родными, однако нашедшего в себе силы вырваться из виртуального плена. Идейное содержание книги очевидно.

Иллюстрации автора направлены в первую очередь на передачу обратительного облика «виртуального червя», а главный герой всегда изображен со спины, он обезличен (рис. 4). Став пленниками виртуального мира, мы теряем свою личность, – словно бы говорит автор. С другой стороны, каждый читатель может в силуэте главного героя увидеть себя.

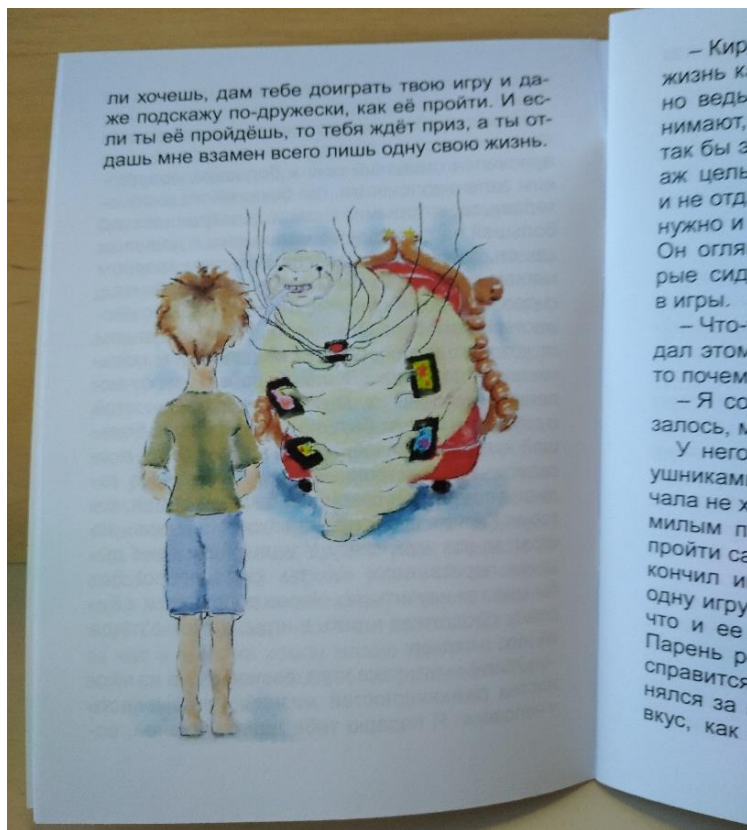

Рис. 4. Разворот книги бабушки Иры «Виртуальный мозгоед»

Член Минского областного народного клуба поэтов и композиторов «Живица» Лидия Жидко-Зенькова выпустила четыре авторских стихотворных сборника, нам удалось ознакомиться с одним из них –

«Калейдоскоп» (издательство «Ковчег», 2019). Скромное издание тиражом всего в 20 экземпляров оставило очень хорошее впечатление благодаря и отличному качеству стихов, и удачному макету. Стихотворения скомпонованы в два раздела: «Стихи для детей 5–10 лет» и «Для самых маленьких». Игрушки, детский садик, досуг ребенка, явления природы – вот что в центре внимания автора. По содержанию и форме стихотворения соответствуют читательскому адресу, каждое расположено на отдельной странице с иллюстрацией-заставкой: небольшая картинка, выполненная цветными карандашами, помогает представить основные образы и создает нужное настроение.

Поэт, музыкант, исполнитель песен Виталий Ткач выступил в роли автора книги «Стихи для детей, которые учат» (издательство «Альтиора – Живые краски», 2014). Основная тематика сборника – роль отца в жизни ребенка («Про бабулю с мамочкой / Мы стихи читаем... / А кормильца папочку / Часто забываем»), правила безопасности (учимся переходить проезжую часть, не приближаться к зданиям, на которых висят сосульки зимой), детские игры, развлечения, спорт в жизни ребенка и др. Однако иногда автор то ли забывает про свой читательский адрес, то ли сознательно включает в сборник стихи для взрослых («Мама добрая моя, ты сегодня спишь одна / Потому что к моему папе снова муза не пришла. / Я с мамулей лягу спать, буду сказки ей читать, / И тогда мой папа маме будет глазки целовать»). Подобные стихи вызывают недоумение.

Интересен формат издания: оно выглядит как детский альбом для рисования. И действительно, складывается впечатление, что рисунки в нем цветными мелками нарисовал ребенок. На четвертой странице обложки представлена информация об авторе, однако стилистические неточности в тексте снижают качество издания.

Неоднозначное впечатление складывается и о книге Карины Пашкевич «Новый год у тети Елки» (издательство «Беларусь», 2014), адресованной детям младшего школьного возраста. Персонажи удачно охарактеризованы в аннотации к сборнику: «веселый пчеленок Май, добросовестный кузнечик Гордей, вредный маленький Мух, испанский дракончик Пако, шаловливый броненосец Бронька, умный и рассудительный дед Гамак, душевная тетя Елка». Выбор персонажей действительно соответствует читательскому адресу, однако некоторые их рассуждения, редкие иллюстрации при большом формате книги

с широкой полосой набора делают издание ориентированным, скорее, на подростка. Кроме того, некоторые сказки перегружены именами собственными (географические названия, названия соборов), а иллюстрации – это в основном «портреты» персонажей, а не отражение сюжетной линии.

Детям адресован и сборник Александры Бальжак «Серьезно и весело: стихи для мальчиков и девочек» (издательство «А.Н. Вараксин», 2017). Стихи на традиционные для детей темы (явления природы, детские развлечения, домашние животные) выглядят несколько примитивными, однако призваны развивать в читателях дифференцированное мышление.

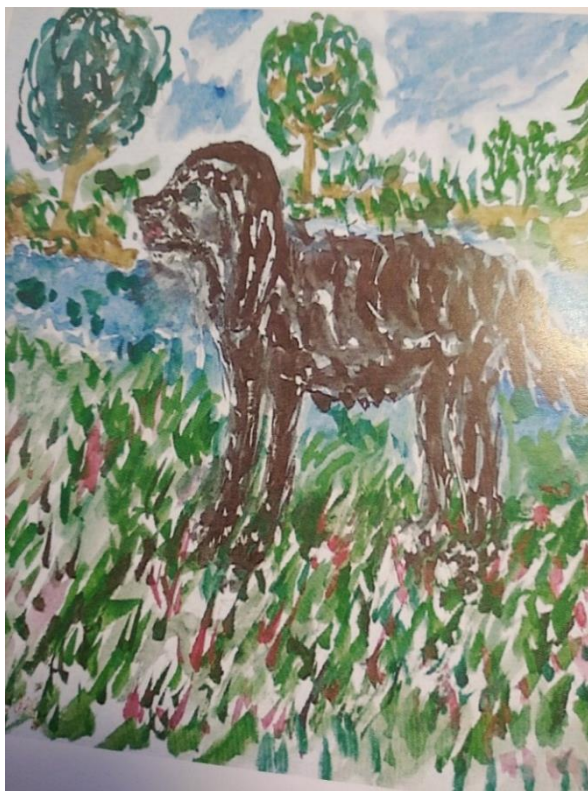

Рис. 5. Страница из книги А. Бальжак
«Серьезно и весело: стихи для мальчиков и девочек»

Во всяком случае именно так охарактеризован сборник в аннотации: «Издание предлагает стихи и песни для детей разного возраста, что способствует развитию предпосылок к дифференцированному мышлению». Акварельные иллюстрации, выполненные мазками, в некоторых случаях перегружают развороты, выглядят непрофессионально (рис. 5).

Ксения Шталенкова презентовала первую часть своего романа-фэнтези «Адвартны бок люстра» еще в 2012 г. В 2016 г. издательство «Мастацкая літаратура» выпустило трилогию Ксении под таким же общим названием. Произведение интересно в первую очередь старшеклассникам. Главная героиня Варвара Станкевич, 15-летняя школьница из Вильнюса, благодаря антикварному зеркалу попадает в Вильнюс XVI в., где знакомится с юным шляхтичем Михалом Соколичем. Вместе с героями читатели попадают в интриги и сговоры, характерные для королевского двора того времени.

Роман Ксении Шталенковой не требует обязательного наличия иллюстраций, однако художественное оформление издания выполнено на высоком уровне.

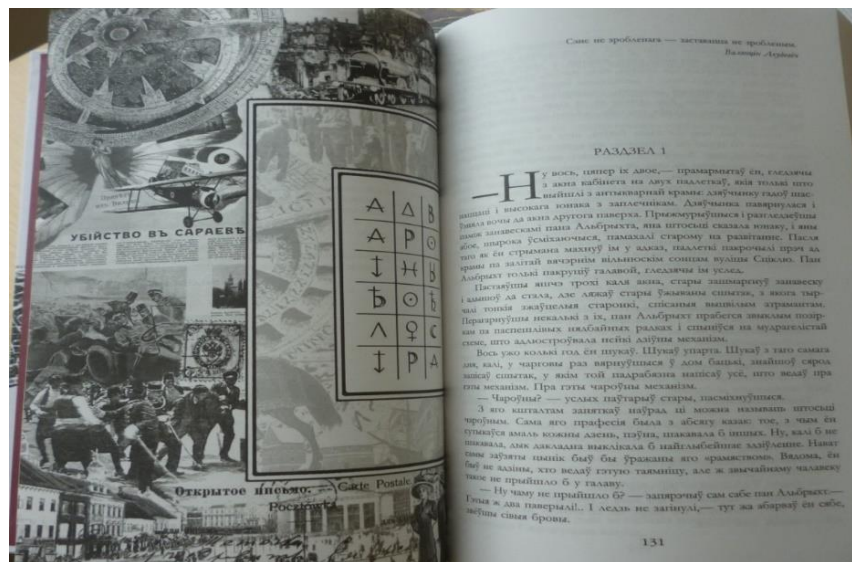

Рис. 6. Разворот книги К. Шталенковой «Адвартны бок люстра»

Ксения Шталенкова получила степень бакалавра дизайна в Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе, и в качестве дипломного проекта она разрабатывала оформление собственной трилогии. Дизайн-проект вошел в пятерку лучших работ в номинации «графический дизайн» на международном конкурсе Британской школы дизайна «Дизайн-Дебют 2015» в Москве.

Работа Ксении Шталенковой – это полностью авторское издание, которое читатели увидели благодаря издательству «Мастацкая літаратура». Иллюстрации в книге немногочисленные, только на обложке и шмуцтитулах, черно-белые, графические, с большим количеством деталей, символические (рис. 6). В целом издание выглядит очень гармоничным и в полной мере реализует эстетическую функцию литературы.

Исследователи считают, что авторская книга, особенно детская, зачастую возникает как «форма протеста против существующей литературы», а в отдельных случаях «развивается в духе сложившейся традиции» [3. С. 52–53]. На наш взгляд, есть еще одна причина обращения творческих личностей к жанру авторской книги: если автор хочет привлечь внимание к чему-либо и ищет для этого форму и содержание, способные заинтересовать читателя. Так, с целью привлечения внимания к проблеме недостаточного знания многими белорусами родного языка создал авторскую книгу основатель бесплатных курсов белорусского языка «Мова нанова» и организатор многих культурных проектов Глеб Лободенко.

Книга «Дзіцячая заМова» (первая часть вышла в 2013 г., вторая – в 2015 г.) адресована детям и взрослым. В книге представлено не художественное произведение, однако учебной или научно-популярной книгу тоже нельзя назвать. Получилось синкретичное издание, где автор в оригинальной графической форме объясняет сложные, на его взгляд, аспекты белорусской лексики. Объясняется разница между похожими, но не идентичными по значению словами: «цяпер» и «зараз», «сабе» и «сябе», «табе» и «цябе», «стул», «крэсла» и «фатэль», «дыван» и «канапа», «гаспадарка» и «гаспадыня», «елка», «ёлка» и «ялінка», «нядзеля» и «тыдзень», «мытня» и «лазня»... Всего 112 пар слов или отдельных слов в первой части книги и 120 – во второй. На авторских иллюстрациях представлены фигурки девочки и мальчика в виде треугольников вершинами вверх и вниз соответ-

ственно; на каждом рисунке персонажи ведут диалог. В рукописных подписях к рисункам в юмористической форме объясняется значение слов. В такой же юмористической форме Г. Лабоденко признается читателям: «Простота рисунков – не особый стиль, а вершина художественных возможностей автора» (здесь и далее перевод с белорусского языка наш. – Д.З.).

Книга издана в виде малоформатного блокнота на пружине, картонная обложка, грубая «завязочка» (рис. 7). Как пояснил сам автор в «Кратком предисловии», «чтобы можно было легко вырвать из него лист с тем, что все время путаете – и повесить на стенку, чтобы запоминать. Или отправить почтой другу. Или презентовать подруге». Это авторское издание ориентировано на тех людей (детей и взрослых), которые хотят усовершенствовать свое знание белорусского языка, причем хотят это сделать легко и непринужденно.

Рис. 7. Обложка книги Г. Лабоденко «Дзіцячая заМова»

Очень хорошее впечатление производит сборник Тамары Лисицкой «Богиня, или Плач домохозяйки» (издательство «Регистр, 2015). Автор этой книги известна белорусам как теле- и радиоведущая, жур-

налист, блогер, поэтому ее стихи интересны с точки зрения понимания мироощущения творческой личности. Сквозной темой сборника является тема усталости, предчувствия приближающейся старости. Лирическая героиня – умная, иногда иронизирующая, иногда страдающая женщина – делится своими мыслями и переживаниями. Стихи Тамары Лисицкой близки и понятны многим женщинам.

Книгу обогащают цветные вклейки с иллюстрациями автора, демонстрирующего еще одну грань своего таланта. На рисунках преобладают дети и женщины. Дети – безмятежные и счастливые (рис. 8). Женщины зачастую выступают в символическом плане: вот перед нами русалка, которая то ли вешает, то ли снимает рыболовную сеть; это намек на то, что многие из нас сами создают для себя в жизни «сети». Вот напоминающая греческую богиню женщина без рук перед развешанным бельем, и в этом виден намек на то, что быт словно лишает нас рук, поглощая всю жизнь целиком.

Рис. 8. Страница из книги Т. Лисицкой «Плач домохозяйки»

Текст и иллюстрации в этом сборнике очень взаимосвязаны и по содержанию, и по стилю, и по настроению. Жаль, что обложка издания скорее противоречит ему, чем соответствует. Дизайн обложки (черно-белый силуэт дамочки на шпильках, глядящей белье) разработан специалистами издательства и соответствует его фирменному стилю, однако вводит в заблуждение читателей, придавая книге некий игривый тон.

Издательство «Альтиора-Форте» в 2017 г. выпустило книгу Владимира Комарова «Надежда и действительность». Автор – академик, крупный специалист в области химии. В стихотворениях изложены переживания автора за судьбу страны и за судьбу науки («трудно жить в густом тумане», «сижу один, мне одиноко», «в тупик загнали всю науку», «куда ни глянь – тупик в науке»). Кроме того, в издании на вклейках представлены графические и живописные произведения автора. Это пейзажи, а также карандашные рисунки женщин и детей (как и у Т. Лисицкой). Красивые обнаженные женщины словно выточенные скульптуры, а дети всегда показаны автором в необычных, нестатичных позах, с яркими эмоциями на лицах.

Тексты и иллюстрации в анализируемом сборнике не взаимосвязаны, а, скорее, призваны отражать разные грани таланта автора.

Еще одна книга с интересным названием «Шаг в сторону: симптоматика творчества» была выпущена издательством «Альтиора – Живые краски» в 2015 г. Автор – художник, ведущий и сценарист телепередач для детей об искусстве Константин Мизин. Книга представляет собой сборник афоризмов и размышлений автора о людях («Истощает не работа. Истощает жалость к себе», «Хорошо быть щедрым, ничего не имея», «Умеющий рисовать – еще не художник. Не каждый пишущий – писатель. Кроме как уметь, надо иметь, что сказать»). Хорошо продуман дизайн книги: каждый афоризм расположен на отдельной странице, по центру, без иллюстраций и декоративных элементов оформления, которые бы явно отвлекали от содержания высказываний автора. Книга украшена восемью цветными вклейками с акварельными картинами Константина Мизина. Пейзажные иллюстрации напрямую не связаны с текстом, однако дают представление об авторе, его видении мира. И все же замысел книги – показать «симптоматику творчества», т.е. то состояние души и мыслей, с которыми человек творит.

Еще одна белорусская художница – Любовь Миклашевич – предложила читателям свою книгу «Два мира». В ней представлены стихи, рассказы и творческие работы, которые находятся в неразрывном единстве. Акварельные и карандашные рисунки «поддерживают» друг друга не только по настроению, но и по образам, нередко автор даже подписывает свои картины строками из стихотворений или дает им общие названия, указывающие на взаимосвязь. Л. Миклашевич показывает два мира – мир поэта и мир художника – в их взаимодействии. Изображение парящей птицы на обложке издания подчеркивает эту творческую идею.

И в завершение обзора авторских книг охарактеризуем еще одно издание, которое не является в полной мере «авторским», поскольку автор в его подготовке не участвовал, однако текст и иллюстрации в книге принадлежат одному человеку. Это книга Ларисы Гениуш «...унукам. Вершы і лісты. Без цензуры», выпущенная в результате краудфандингового проекта издательством «Медыял» в 2018 г. (рис. 9).

Рис. 9. Обложка книги Л. Гениуш «...унукам. Вершы і лісты. Без цензуры»

Составителем выступил Глеб Лабоденко. Лариса Гениуш – белорусский поэт, подвергшийся сталинским репрессиям, разлученный со своей семьей. Все знают ее именно как поэта, создавшего замечательные гражданственные, патриотические, лирические стихи. Творчество, адресованное детям, практически не известно широкой публике. В сборнике представлены стихи Л. Гениуш, написанные специально для детей; причем часто дается несколько вариантов одного произведения (в авторском варианте и отредактированном). Приведены оцифрованные письма автора к своим внукам, мы можем увидеть почерк бабушки Ларисы, строки словно излучают доброту автора и тревогу за судьбу детей и внуков.

Совершенно неожиданным открытием для многих читателей стали иллюстрации Л. Гениуш, которыми она сопровождала свои письма со стихами, направляя их любимым внукам. Сюжетные рисунки, выполненные цветными карандашами, оживляют стихи и, безусловно, всю книгу. Замечательные стихи и рисунки, текстологическая работа создателей книги, хороший справочный аппарат, высокое качество печати и бумаги – все это делает сборник «...унукам. Вершы і лісты. Без цензуры», на наш взгляд, одним из самых интересных и значимых изданий прошлого года.

Анализ современного репертуара изданий в Беларуси показывает, что авторская книга занимает в нем сегодня заметную нишу, авторы XXI в. более креативные и смелые в творческом эксперименте, чем их предшественники. «Современное развитие коммуникативных процессов во всем мире постепенно приводит к сближению вербальных и визуальных методов передачи информации. Возникают новые направления искусства, создаются произведения, где авторами (писателем и художником или режиссером, актером и сценаристом) является один человек», – пишет Д. Герасимова [3. С. 3].

Авторская книга, как правило, имеет гармоничную форму, потому что ее создатели изначально продумывают формат, элементы издания, соотношение и расположение текста и иллюстраций. В авторской книге «не возникает основного противостояния иллюстрируемого издания – противостояния писателя и художника» [Там же. С. 164]. Как правило, мастера авторской книги – либо художники по профессии, либо имеют некое художественное образование. Анализ современных белорусских изданий подтверждает это наблюдение: из проанализированных книг наиболее интересными выглядят издания

Эльги Поповой, Ларисы Сперанской, Сергея Стельмашонка, Сергея Волкова, Ксении Шталенковой, Любови Миклашевич. Содержание и оформление их изданий примерно равнозначны.

Среди авторских книг внимание привлекают и те, которые созданы поэтами и писателями, известными своей активной жизненной позицией, многогранной деятельностью в области культуры и искусства. Яркий пример – книги Тамары Лисицкой, Глеба Лабоденко, Константина Мизина. Такие издания демонстрируют читателям еще одну грань таланта авторов, подтверждая известную фразу о том, что талантливый человек талантлив во всем.

К сожалению, в истории бывают времена, когда человек не может в полной мере реализоваться, и задача потомков – в максимальном объеме донести до читателей наследие талантливых предшественников. Такую задачу решила книга стихов и писем Л. Гениюш.

Следует признать, что в репертуаре изданий сегодня представлены авторские книги разного качества. Наиболее интересные вышли в издательствах «Регистр», «Медыял», «Энцыклапедыя імя П. Броўкі», «Зміцер Колас», «Колорград». Высокую планку белорусским авторам задают переводные издания, особенно современных шведских писателей Свэна Нурдквиста и Сары Лундберг, активно выпускаемые сегодня в нашей стране на белорусском языке. Книги шведских авторов в первую очередь обращают на себя внимание оформлением, сложным соотношением текста и иллюстраций, доскональной продуманностью формата, шрифтового оформления.

Таким образом, в современном репертуаре белорусских изданий авторская книга занимает отдельную нишу и зачастую действительно претендует на то, чтобы называться «идеальным вариантом».

Литература

1. Герасимова Д.С. Авторская книга – лучший вариант // Библиотека в школе. 2003. № 11. С. 54–58.

2. Гулай Н.А. «Книга художника» как жанр и направление в искусстве XX века. Вопросы терминологии // Теория искусства, традиционная культура и творческий процесс : материалы междунар. науч. конф. / под ред. А.Н. Лаврентьева. М. : МГХПА им. С.Г. Строганова, 2015. С. 231–234.

3. Герасимова Д.С. Творческие проблемы и специфика художественно-графического жанра детской «авторской» книги : дис. ...канд. искусствоведения. М. : МГУП, 2002. 194 с.

4. Ганкина Э. Художник в современной детской книге. М. : Сов. художник, 1977. 216 с.
5. Звонарева Л. Пишущий художник // Детская литература. 1983. № 12. С. 52–58.
6. Лаврентьев А. Феномен книги художника как единство слова, графики и личности // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2011. № 2. С. 84–92.
7. Парыгин А.Б. Генезис книги художника // Дизайн. Материалы. Технологии. 2015. № 4. С. 89–97.
8. Больдт Е.В. Авторская детская книга в СССР : выпускная квалификационная работа / С.-Петерб. гос. худож.-пром. акад. им. А.Л. Штиглица, Каф. искусствования. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459245> (дата обращения: 09.03.2020).
9. Ионин В.А. Художественное оформление авторской детской книги В.А. Тамби 1920–1930-х гг. // Научные труды. 2012. № 20. С. 187–203.
10. Зылевiч Д.П. Аўтарская кнiга ў сучаснай беларускай лiтаратуры // Дзясятыя Танкаўскія чытаннi (да Года культуры ў Беларусi) : зб. навук. артыкулаў. Мiнск : БДПУ, 2017. С. 38–41.

The Author's Book in the Modern Repertoire of Belarusian Publications

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 143–163

DOI: 10.17223/23062061/26/9

Dina P. Zylevich, Belarusian State Technological University (Minsk, Belarus). E-mail: din-a@tut.by

Keywords: author's book, artistic design of publication, concept of publication, artistic and graphic genre, illustration.

The modern Belarusian author's book still rarely attracts researchers' attention. At the same time, the 21st century, with its attention to the form of any work, brought both "writing artists" and "drawing authors" into literature. The article aims to review author's books presented in the repertoire of modern Belarusian publishing houses in 2014–2019. The author's book is usually understood as an edition in which the text and design are created by one person. From the point of view of the interaction of text and illustrations, the article analyzes 20 modern author's books issued by Belarusian authors: S. Stelmashonk, E. Popova, L. Speranskaya, V. Starikov, S. Volkov, Babushka Ira (Irina Chursina-Bednarska), V. Tkach, K. Pashkevich, A. Balzhak, K. Shtalenkova, G. Labodenko, V. Komarov, K. Mizin, T. Lisitskaya, L. Miklashevich, and others. Author's books are included in the repertoire of the publishing houses Registr, Medyyal, Kolograd, Zvyazda, Entsyklopedyya imya P. Broyki, Zmitser Kolas, and Altiora – Zhivye kraski. Most of the author's books are addressed to children of pre-school and primary school age; Babushka Ira wrote her story "Virtual Brain Eater" for readers of secondary school age; K. Shtalenkova's fantasy novel *The Other Side of the Mirror* is for high school students; G. Labodenko and S. Stelmashonok offer their collections to children and adults; V. Komarov, K. Mizin, L. Miklashevich, T. Lisitskaya

count on an adult reader. Separately, the author discusses the book of the repressed Belarusian poet Larysa Hienijuš ... *To Grandchildren. Poems and Letters. Uncensored*, which is decorated with illustrations by the author and released 35 years after her death. The book has an original conception, a rich reference apparatus and a high-quality printing performance. The author notes that some of the modern Belarusian author's books represent a creative experiment; however, in most publications, the text dominates the illustration both in terms of space and semantic load. The analysis of the repertoire of publications shows that the most interesting author's books belong to the pen of those people who have an art education degree (L. Speranskaya, E. Popova, S. Stelmashonok), or are active in the field of culture and art (T. Lisitskaya, G. Labodenko). The material presented in the article suggests that the artistic and graphic genre of the author's book is actively developing in Belarus today and is waiting for further research by art historians, philologists and publishing specialists.

References

1. Gerasimova, D.S. (2003) Avtorskaya kniga – luchshiy variant [An author's book is the best option]. *Biblioteka v shkole*. 11. pp. 54–58.
2. Gulay, N.A. (2015) “Kniga khudozhnika” kak zhanr i napravlenie v iskusstve XX veka. Voprosy terminologii [“Artist's Book” as a genre and direction in the art of the 20th century. Questions of terminology]. In: Lavrentiev, A.N. (ed.) *Teoriya iskusstva, traditsionnaya kul'tura i tvorcheskij protsess* [Theory of Art, Traditional Culture and Creative Process]. Moscow: Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts (Stroganov Academy). pp. 231–234.
3. Gerasimova, D.S. (2002) *Tvorcheskije problemy i spetsifika khudozhestvenno-graficheskogo zhanra detskoy “avtorskoy” knigi* [Creative problems and specificity of artistic and graphic genre of children's “author's” book]. Art History Cand. Diss. Moscow: MSUP.
4. Gankina, E. (1977) *Khudozhnik v sovremennoy detskoy knige* [Artist in a modern children's book]. Moscow: Sov. Khudozhnik.
5. Zvonareva, L. (1983) Pishushchiy khudozhnik [A writing artist]. *Detskaya literatura*. 12. pp. 52–58.
6. Lavrentiev, A. (2011) Fenomen knigi khudozhnika kak edinstvo slova, grafiki i lichnosti [The phenomenon of the artist's book as a unity of words, graphics and personality]. *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury – The Burganov House. The Space of Culture*. 2. pp. 84–92.
7. Parygin, A.B. (2015) Artist's book genesis. *Dizayn. Materialy. Tekhnologii – Design. Materials. Technology*. 4. pp. 89–97.
8. Boldt, E.V. (n.d.) *Avtorskaya detskaya kniga v SSSR: vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota* [Author's children's book in the USSR]. Final Qualifying Work. St. Petersburg. [Online] Available from: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459245> (Accessed: 9th March 2020).

9. Ionin, V.A. (2012) Khudozhestvennoe oformlenie avtorskoy detskoy knigi V.A. Tambi 1920–1930-kh gg. [Decoration of V.A. Tambi's children's book on the 1920–1930s]. *Nauchnye trudy*. 20. pp. 187–203.

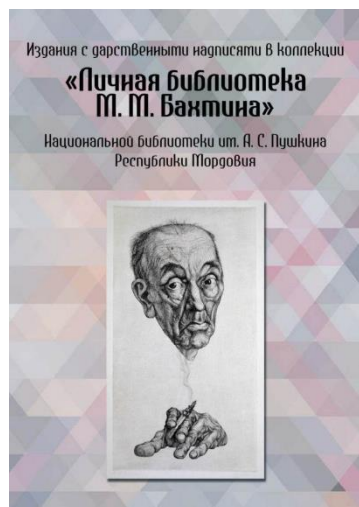
10. Zylevich, D.P. (2017) Aŭtarskaya kniga ŭ suchasnay belaruskay litaratury. *Dzyasyatyya Tankaŭskiya chytanni (da Goda kul'tury ŭ Belarusi)*. Minsk: BSPU. pp. 38–41.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 82 (049.32) Бахтин
DOI: 10.17223/23062061/26/10

Е.Г. Маслова, С.А. Дубровская

«ГЕНИАЛЬНОМУ МИХАИЛУ МИХАЙЛОВИЧУ БАХТИНУ...»: КАТАЛОГ ИНСКРИПТОВ НА КНИГАХ, ПОДАРЕННЫХ М.М. БАХТИНУ, КАК ИСТОЧНИК К ЕГО НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ИЗДАНИЯ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ В КОЛЛЕКЦИИ “ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА М.М. БАХТИНА” НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. А.С. ПУШКИНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ»: КАТАЛОГ / СОСТ. Н.Н. ЗЕМКОВА; РЕД. О.А. ПАЛЬТИНА. САРАНСК, 2018. 264 с.

Аннотация. *Высоко оценивается новое издание, раскрывающее потенциал библиотечного собрания М.М. Бахтина и особенно книг с дарственными надписями как историко-биографического источника. Полная биография Бахтина пока не создана, и каталог позволяет не только уточнить отдельные факты личной биографии Бахтина и его окружения, но и пролить свет на те или иные аспекты его повседневной жизни, описать отдельные «сюжеты» его взаимоотношений с формалистами, учеными московско-тартуской семиотической школы, представителями официального советского литературоведения.*

Ключевые слова: *М.М. Бахтин, биография, личная библиотека, дарственные надписи, каталог.*

125-летие со дня рождения М.М. Бахтина заставляет с особым вниманием вглядываться в посвященные ему издания. За прошедшее

десятилетие в бахтиноведении было сделано немало. Прежде всего – подготовлено академическое собрание сочинений ученого [1], в ряде статей и монографий отечественных и зарубежных авторов предложено более или менее полное описание его основных теоретических концепций, представлены этапы рецепции его идей и трудов, намечены перспективы их дальнейшего изучения [2–8].

Особое место в этом ряду занимают биографические разыскания. Можно утверждать, что к настоящему времени усилиями К. Кларк и М. Холквиста [9], С.Г. Бочарова [10, 11], В.В. Кожина [12], Н.И. Николаева [13, 14], С.С. и Л.С. Конкиных [15], В.И. Лапуна [16, 17], Л.М. Максимовской [18], Н.А. Панькова [19] опубликован значительный пласт документов и иных архивных материалов, обозначены основные вехи жизненного и творческого пути М.М. Бахтина. В то же время задача создания полной научной биографии мыслителя по-прежнему далека от своего решения. Остаются актуальными поиск документов, связанных с пребыванием Бахтина не только в таких местах как Невель, Кустанай или Савёлово, но и Витебск и Ленинград, изучение перипетий его скитаний между Москвой и Ленинградом в 1936–1937 гг., деталей жизни конца 1960-х – начала 1970-х гг. и др.

На этом фоне особую ценность приобретают любые факты, проливающие свет на повседневную жизнь Бахтина, его отношения с официальной наукой и научными институциями, степень реальной известности в академических кругах, воздействие его идей на современников и младшие поколения ученых. Следует отметить, что особенности биографии Бахтина, испытания, выпавшие на его долю, переезды из Петрограда в Невель, из Невеля в Витебск, скитания по съемным комнатам в Ленинграде, ссылка в Кустанай и полная жизненная неопределенность в первый саранский и савёловский периоды, конечно же, не способствовали ни собиранию, ни сохранению Бахтиным имевшихся у него книг. Из свидетельств савёловского периода известно, что перед отъездом Бахтин раздал практически все свои книги коллегам по школе [20]. Совершенно точно от пребывания в Савёлове у Бахтина остались подаренный ему директором школы № 39 «Немецко-русский словарь»¹ и популярный очерк Леонида Тимофее-

¹ В настоящее время словарь хранится в Центре М.М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (Саранск).

ва «Стих и проза» с дарственной надписью Давида Чернова, как можно предположить, коллеги Бахтина по одной из школ: «На вечную память человеку большой души и доброго сердца Михаилу Михайловичу Бахтину от бесконечно уважающего и всегда преданного Вам Давида Чернова. В минуты раздумий, тягостных невзгод вспоминайте человека, который делил с Вами часы мучительных испытаний Отечественной войны, с пером и книгой. Всегда Ваш Давид. 24/VI–43 г.» [21. С. 193].

Таким образом, реальную возможность собирать полноценную библиотеку Бахтин получил только в Саранске, где в его квартире появился кабинет, в котором могли разместиться и книги. Очевидцы, бывавшие у Бахтиных в гостях в 1950–1960-е гг., навсегда запомнили и книжный шкаф, и заполненную книгами этажерку, и стопки книг и журналов на письменном столе: «Домашняя библиотека у них была небогатой, – вспоминает младший коллега Бахтина Леонид Георгиевич Васильев. – Но в Саранске она стала постепенно увеличиваться. Приносили книги с дарственными надписями местные авторы. Шли бандероли из Москвы, других наших городов, позже – и из-за рубежа...» [22. С. 111].

В этом контексте очевидна значительная ценность составленного Н.Н. Земковой, сотрудником Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Мордовия, каталога книг с дарственными надписями из личной библиотеки М.М. Бахтина: «Настоящий каталог является первым печатным изданием, описывающим книги с дарственными надписями из личной библиотеки М.М. Бахтина, которые хранятся в фонде отдела редких книг и работы с книжными памятниками НБ им. А.С. Пушкина», – отмечается в предисловии [21. С. 6].

Разнообразие представленных в личной библиотеке Бахтина изданий делает необходимым дать характеристику книжному собранию мыслителя в целом. Возвращение М.М. Бахтина в Саранск имело свою историю, лаконично представленную во вступительной статье. После смерти Бахтина библиотека, в соответствии с его завещанием, поступила в распоряжение Леонтины Сергеевны Мелиховой, которая в начале 2000-х гг. приняла решение передать большую ее часть в Саранск. Как указывают составители каталога, «в ноябре 2008 г. Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Мордовия приняла из фонда Госкомитета РМ по делам молодежи на хранение

дар – коллекцию книг и журналов Михаила Михайловича Бахтина» [21. С. 6].

Добавим, что в 2015 г., к 120-летию со дня рождения М.М. Бахтина, Л.С. Мелихова передала ряд оставшихся у нее изданий в дар Мордовскому государственному университету им. Н.П. Огарёва, в стенах которого Бахтин проработал более двадцати лет. В настоящий момент эти книги также обработаны, и совместными усилиями Центра М.М. Бахтина и Национальной библиотеки осуществляется проект по комплексному описанию обеих коллекций. Так, например, в Центре хранится книга Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» с дарственной надписью переводчика: «Михаилу Михайловичу Бахтину – в знак глубочайшего уважения Н. Любимов. Москва. Июль 1962». Известно, что Бахтин сразу откликнулся на «прекрасный дар». В письме от 24 июля 1962 г. он не только писал о своем восхищении творческой удачей переводчика, но и благодарил Любимова за «неоценимую помощь в деле продвижения» [23. С. 639–640].

Издавания с дарственными надписями составляют немалую часть книжной коллекции Бахтина, состав дарителей чрезвычайно разнообразен и очень точно отображает весь спектр бахтинского общения: от студентов, младших коллег и слушателей его публичных лекций до маститых ученых, в частности признанных специалистов по Достоевскому, старых друзей по Неделю и Ленинграду и, конечно, переводчиков книг Бахтина на самые разные языки. Первая в списке подаренных Бахтину книг датирована 1943 г. [21. С. 193], а самая последняя была вручена ему незадолго до смерти – 1 февраля 1975 г. [Там же. С. 161]. История дарственных надписей в значительной степени становится историей рецепции идей Бахтина, отношения к трудам и личности ученого на протяжении нескольких десятилетий, а это, в свою очередь, позволяет исследователю не только уточнить конкретный факт биографии Бахтина, но и понять некоторые особенности того или иного периода его жизни.

В каталоге – 234 дарственные надписи на 227 книгах и 5 журналах, каждая из которых представляет серьезную ценность для исследователей. Еще большую ценность изданию придают помещенные в нем иллюстрации, фотографии самих книг и журналов и сделанных на них надписей. Так что при желании читатель может сам сопоставить имеющийся инскрипт и предлагаемую расшифровку. В этом смысле

примечательна надпись А.Л. Дымшица, литературоведа, литературно-го критика, инициатора первого идеологического обсуждения «Проблем поэтики Достоевского» [23. С. 499–500]: «Победителю учителю от побежденного ученика; М.М. Бахтину от А.Л. Дымшица». Фотография инскрипта позволяет увидеть первоначальное написание фразы (повторение слов В.А. Жуковского в адрес А.С. Пушкина) и внесенные дарителем исправления [21. С. 65].

Подчеркнем, что публикация данного издания имеет серьезное значение для изучения многих аспектов личности, биографии и научного творчества М.М. Бахтина. С выходом каталога появляется возможность погрузиться в окружающий Бахтина мир, увидеть за подаренными ему книгами множество конкретных людей, каждого из которых с мыслителем связывает своя история отношений. Люди эти порой оказываются неизвестными или скрываются за подписью круга неопределенных лиц: «от благодарного читателя» [Там же. С. 240], «Мордовское отделение ВТО» [Там же. С. 249]. Иногда, напротив, это фигуры масштабные, хорошо известные, а их появление в значительной степени меняет сложившееся представление о симпатиях и антипатиях относительно самого Бахтина. И самый наглядный пример – присутствие в библиотеке Бахтина книг с дарственными надписями опоязовца и формалиста Виктора Шкловского [Там же. С. 208], а также одного из активных участников пражского лингвистического кружка, друга Романа Якобсона Петра Богатырева [Там же. С. 31] и самой яркой из «младших формалистов» Лидии Гинзбург [Там же. С. 55]. Нетрудно понять, что сам факт дарения книг этими людьми Бахтину в 1960-е – начале 1970-х гг. требует по-новому отнестись к тому, что можно условно назвать последней страницей в истории отношений Бахтина и русского формализма. Таким образом, рецензируемое издание действительно предоставляет новые возможности для уточнения и даже пересмотра отдельных фактов бахтинской биографии.

Отметим, что потенциал библиотечного собрания Бахтина, и особенно книг с дарственными надписями, как историко-биографического источника обозначили уже комментаторы собрания сочинений мыслителя, по мере возможностей ссылавшиеся на необходимые издания. Так, Сергей Бочаров, прослеживая историю отношения ленинградских академических кругов к «Проблемам творчества Достоевского» ссылается на пример Наума Берковского. Публикуя письмо Берков-

ского Бахтину от 18 января 1956 г., Бочаров делает следующие пояснения: «ПТД в письме не упоминается, но оно решительно корректирует эту рецензию. Письмо говорит о том, сколь исключительной сохранялась неофициальная репутация М.М.Б. и его книги по “гамбургскому счету” <...> в кругах филологов <...> в пору самой большой как будто забытости и безвестности автора, за семь лет еще до второго издания книги» [23. С. 513].

В начале апреля 1955 г. в Ленинград приезжала младшая коллега Бахтина Валентина Борисовна Естифеева, с которой Бахтину был отправлен том «Ученых записок Ленинградского государственного педагогического института» с дарственными надписями Наума Берковского и других авторов. Историю сбора этих подписей отчасти раскрывает публикуемое письмо: «Спасибо, что откликнулись на посланную Вам книгу. Были еще и другие, желавшие сделать Вам надпись, но книга не ждала, нужно было ее услать. Особенно огорчился, что не надписал Вам – А.С. Долинин» [Там же]. Сам Бочаров ссылаясь на книгу, в тот момент еще находившуюся в архиве Бахтина. Сегодня исследователь, благодаря рецензируемому изданию, может прочитать сделанные на ней надписи. Так, надпись Берковского вполне традиционна: «Михаилу Михайловичу Бахтину с глубочайшим уважением. 4 апр. 1955» [21. С. 28]. Дмитрий Максимов, специалист по творчеству Александра Блока и русской литературе Серебряного века, также многословен: «Михаилу Михайловичу Бахтину с глубоким уважением к его блестящему таланту» [Там же. С. 131]. Достаточно лаконична и надпись Анны Ромм, историка англо-американской литературы и театра: «Михаилу Михайловичу в знак глубокого уважения» [Там же. С. 158].

Еще одну возможность для биографических уточнений представляют дарственные надписи ближнего круга Бахтиных и их знакомых. Драматическая история бахтинской защиты 15 ноября 1946 г. получает свое продолжение на следующий день, когда Бахтин вместе с Марией Юдиной отправляется в гости к известному искусствоведу Михаилу Алпатову. Об этом свидетельствует дата на альбоме Питера Брейгеля Старшего, подаренном хозяином Бахтину в тот день: «Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину с наилучшими пожеланиями. М.А. 16.XI.46» [Там же. С. 16]. Не менее примечательна надпись Юдифь Каган, дочери близких друзей Бахтиных: «Михаилу Михай-

ловичу и Елене Александровне в стародавние годы друзьям моего отца...» [21. С. 73].

Дарственные надписи на книгах, в обсуждении которых Бахтин принимал живое участие, являются свидетельством того, что старые связи сохраняются на протяжении десятилетий не только в переписке. Так, в библиотеке сохранились подаренные Бахтину книги Ивана Ивановича Канаева: «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину с благодарностью и приветом от автора» [21. С. 75], «Дорогому Михаилу Михайловичу с новогодним поздравлением от автора» [Там же. С. 76].

Еще один момент связан с вопросом специфики инскрипта и его места в процессе общения дарителя и того, кому адресована книга. Дарственная надпись проясняет очень многое в отношении дарителя и тех чувств, которые он испытывает к Бахтину. Иногда это своеобразный акт саморефлексии, крайне важный для выявления подробностей процесса восприятия идей и личности Бахтина как в 1960-х – начале 1970-х гг., так и в предшествующий период, когда память о «Проблемах творчества Достоевского» сохраняется далеко не у одного Наума Берковского. В этом смысле показательна надпись, сделанная в августе 1972 г. молодым историком театра Татьяной Бачелис, которая очень точно охарактеризовала освежающее воздействие идей Бахтина на поколение 1960-х: «Гениальному Михаилу Михайловичу Бахтину, – с глубочайшей благодарностью за тот великолепный сквозняк, который он устроил в сознании людей моего поколения. Не утомляйтесь чтением этой книжки, – пусть она просто побудет подле Вас» [Там же. С. 26].

Иногда дарственная надпись превращается в начало письма или даже становится своего рода письмом, попыткой разговора с Бахтиным. И здесь нельзя не обратить внимание на слова одного из крупнейших достоевсковедов Аркадия Долинина, посылающего Бахтину свою новую книгу: «Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину с искренним пожеланием здоровья и успехов в работе. Хотелось бы лично когда-нибудь встретиться. А. Долинин. 16/III 64. P.S. Перечитал недавно Ваши “Проблемы” (2-е издание). Какая это у Вас умная оригинальная работа!» [Там же. С. 163].

Именно дарственные надписи становятся свидетельством того, что признанные классики советской науки о Достоевском не просто приняли идеи Бахтина, но фактически признали его «первым среди рав-

ных». Примечательна надпись, которую сделал на своей книге биографии Федора Достоевского в серии «Жизнь замечательных людей» Леонид Гроссман 8 октября 1963 г. : «Автору лучшей книги о Достоевском Михаилу Михайловичу Бахтину в знак глубокой любви к его творчеству» [21. С. 57].

Иногда инскрипт становится отголоском «скрещения судеб». Так, Алиса Акимовна пишет в ноябре 1969 г. на составленной ею книге покойного мужа Адриана Пиотровского, филолога-античника и переводчика: «Дорогим Елене Александровне и Михаилу Михайловичу очень дорогую для меня книгу человека и о человеке, которого Михаил Михайлович знал раньше меня с наилучшими пожеланиями и любовью Алиса Акимовна» [Там же. С. 15]. О том, как развиваются отношения Бахтиных и дарительницы, дает основание судить надпись уже на собственной книге автора: «Дорогим высоко мной ценимым Елене Александровне и Михаилу Михайловичу Бахтиным. Пока сама болею и не могу к Вам приехать, посылаю как представителя своего Вольтера. Прошу простить уродующие его царапины опечаток и мелких ошибок, неловко выправленных чернилами. Боюсь, что и крупных недостатков хватает, но рискую все же послать книгу. Буду очень благодарна, если найдете время ее прочесть и выскажете мне свое мнение. А. Акимовна. 2/III/1971 г.» [Там же. С. 14].

Обращает на себя внимание разнообразие представленных надписей: от сугубо формальных, сочетающих уважение к Бахтину исключительно с желанием подарить ему собственное творение до почти исповедальных: «Михаилу Михайловичу Бахтину с глубочайшим уважением. Примите эту книгу в знак восхищения Вашим исследованием Творчества Рабле, влияние которого Вы, как я надеюсь, признаете и в этой работе [Прокофьев]» [Там же. С. 150]. Иногда присутствует и высокая степень критичности по отношению к себе, как у Сергея Бочарова: «Дорогим Елене Александровне и Михаилу Михайловичу, с любовью и с трепетом решаюсь послать это легковесное сочинение. 7.12.63» [Там же. С. 34]. Особо экзотическая дарственная надпись принадлежит Сергею Аверинцеву: «*Domina clarissimo, omnis juventutis doctae ingeniosissimo Magistro MICHAELLI MICHAELIS F. BACHTINIO d.d.d. devotus S.A.*» [Там же. С. 12].

Складываются в отдельный сюжет, раскрывающий отношения Бахтина с московско-тартуским семиотическим кругом, дарственные

надписи на нескольких сборниках «Трудов по знаковым системам» и бахтинская оценка материалов сборников в «Ответе на вопрос редакции “Нового мира”»¹. Процитируем надпись на IV выпуске, посвященном 75-летию со дня рождения М.М. Бахтина: «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину в знак любви и уважения от авторов этого тома. Ю. Лотман, А.М. Пятигорский, Б. Успенский, З. Минц, Б. Гаспаров, О.В. Ревзина» [21. С. 259].

Среди дарителей немало людей, не имеющих отношения к гуманитарной науке, видящих в Бахтине собрата по творчеству. Это прозаики и поэты, в том числе и те, чья популярность приходится на 1960-е гг. (Павел Антокольский, Борис Слуцкий и Давид Самойлов). Интерес представляют инскрипты бывших студентов Бахтина, избравших творческую стезю и дарящих учителю свои литературные опыты: «Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину от ученика. Вы научили меня чувствовать и понимать живую душу литературы и своим примером преподали неповторимый урок поведения в жизни. Эта книга – робкая дань моего уважения к Вам», – писал Геннадий Балабаев [Там же. С. 20].

Некоторые вопросы вызывает лаконизм дарственных надписей Сергея Бочарова, Вадима Кожинова, Георгия Гачева и других участников «младшего круга Бахтина». Можно предположить, что краткость надписей объясняется не только глубочайшим уважением и почтением, которые молодые литературоведы испытывали по отношению к Бахтину, но и той возможностью постоянного личного общения и переписки, которые избавляли от поиска дополнительного источника коммуникации. Так, Кожинов писал: «Бесконечно дорогим Елене Александровне и Михаилу Михайловичу Бахтиным с великой любовью» [Там же. С. 95]. Иногда инскрипт становится и формой легкой словесной игры. Бочаров, посылая статью о «Войне и мире», писал: «Елене Александровне и Михаилу Михайловичу о мире» [Там же. С. 36].

Еще одним, не менее важным сюжетом является сюжет об отношении с Бахтиным, точнее отношении к Бахтину, крупнейших предста-

¹ «Я имею в виду <...> “Труды по знаковым системам”, 4 выпуска (направление молодых исследователей, возглавляемых Ю. М. Лотманом). Это – в высшей степени отрадные явления последних лет» [24. С. 452].

вителей сталинской теоретико-литературной ортодоксии – Григория Абрамовича, Александра Ревякина, Леонида Тимофеева и Михаила Храпченко. Если о добрых личных отношениях Тимофеева с Бахтиным давно было известно, и инскрипт Тимофеева только подтверждает это («Дорогому Михаилу Михайловичу Бахтину от прелагателя – с самыми сердечными чувствами. Л. Тимофеев. 21.3.66» [21. С.137]), то симпатии к Бахтину Ревякина заслуживают специального упоминания, тем более что свои книги он дарит автору «Проблем творчества Достоевского» задолго до выхода ее второго издания: «Привет дорогому М.М. Бахтину от его поклонника. А. Ревякина. 28.VIII–60» [Там же. С. 153]. О симпатиях к Бахтину свидетельствует и дарственная надпись Храпченко, некогда сталинского министра по делам искусств, одного из официальных руководителей советской академической филологии, что не мешало ему подписывать коллективные письма в поддержку изданий книг Бахтина. Так что академик Храпченко был вполне искренен, когда писал: «Михаилу Михайловичу Бахтину в знак глубокого уважения М. Храпченко. 30 /III–66 [Там же. С. 191]. Примечателен и инскрипт теоретика и историка литературы, автора учебников Г.Н. Поспелова, который в марте 1972 г. передал Бахтину книгу с надписью, подчеркивающей отношение дарителя: «Глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Бахтину – на строгий суд!»¹.

Значительный интерес представляют и надписи на книгах английских, американских и других зарубежных исследователей, активно посещавших Бахтина в конце 1960-х – 1970-е гг. В этой части собрания примечателен перевод книги Бахтина о Рабле, выполненный Еленой Извольской и переданный ею автору. Надпись гласит: «With the compliments to the author from the editor – Cambridge, Novem 2, 71» [Там же. С. 222]. Издание выиграло бы, если бы составитель дал более подробные указания на то, какие отношения связывали дарителя с Бахтиным.

В целом каждый из инскриптов, приведенных в книге, заслуживает внимания, изучения и осмысления в контексте биографии и научного творчества Михаила Бахтина. И в том, что такая возможность

¹ В настоящее время книга хранится в Центре М.М. Бахтина Мордовского государственного университета (Саранск).

теперь предоставлена широкому кругу исследователей, – главная заслуга составителей каталога¹.

Литература

1. Осовский О.Е. [Рец.] Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012 // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74, № 2. С. 66–67.

2. Попова И.Л. Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.

3. Попова И.Л. Историческая поэтика в теоретическом освещении. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 262 с.

4. Попова И.Л. Бахтин и формалисты: об одном незамеченном случае сближения // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 392–403.

5. Тамарченко Н.Д. Бахтинский тезаурус: проект // Бахтинский тезаурус: материалы и исследования. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. С. 9–14.

6. Тамарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с.

7. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: creation of a prosaics. Stanford: Stanford University Press, 1990. 530 p.

8. Emerson C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Princeton: Princeton University Press, 1997. 296 p.

9. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1984. 398 p.

10. Бочаров С.Г. События бытия: о М.М. Бахтине // М.М. Бахтин: pro et contra: личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли: антология. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2001. Т. 2: Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры. С. 277–294.

11. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.

12. Кожин В.В. «Как пишут труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа» (Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М.М. Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 109–122.

13. Николаев Н.И. Энциклопедия гипотез (вступительная статья) // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 7–29.

14. Николаев Н.И. Тепелкин и другие в романе Конст. Вагинова «Козлиная песнь» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 233–267.

¹ И еще одна примечательная деталь цифровой эпохи, вызывающая чувство особой благодарности – в начале 2020 г. электронная версия издания размещена на сайте библиотеки. См.: [25].

15. Конкин С.С., Конкина Л.С. М.М. Михаил Бахтин: страницы жизни и творчества. Саранск : Морд. кн. изд-во, 1993. 400 с.

16. Лаптун В.И. «Располагайте мною по-дружески...» (о годах дружбы М.М. Бахтина с Г.С. Петровым) // Странник. 2014. № 2. С. 187–193; № 3. С. 180–185.

17. Лаптун В.И. «Менялись директора – менялось отношение...» (к вопросу взаимоотношений М.М. Бахтина с руководителями мордовских вузов). Часть I: 1936–1937 гг. // Центр и периферия. 2019. № 2. С. 24–32; Часть II: 1945–1950 гг. // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 50–57. Часть III: 1950–1957 гг. // Центр и периферия. 2019. № 4. С. 58–65.

18. Невельский сборник. Вып. 1–25 / отв. ред. Л.М. Маскимовская, СПб., 1995–2019.

19. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с.

20. Пономарёва Е. Н. Строганов М. В. О пребывании М. М. Бахтина в Калининской области // М. М. Бахтин: проблемы научного наследия. Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 1992. С. 145–149.

21. Издания с дарственными надписями в коллекции «Личная библиотека М.М. Бахтина» Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Мордовия : каталог / сост. Н.Н. Земкова; ред. О.А. Пальтина. Саранск, 2018. 264 с.

22. Васильев Л.Г. Таким я его помню... // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 4. С. 109–115.

23. Бахтин М. М. Собрание сочинений. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. 800 с.

24. Бахтин М. М. Собрание сочинений. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 799 с.

25. Национальная библиотека имени А. С. Пушкина Республики Мордовия. URL: <https://natlibraryrm.ru/elib/document/3535789/>

“To the Brilliant Mikhail Mikhailovich Bakhtin ...”: A Catalog of Inscriptions on the Books Donated to Mikhail Bakhtin as a Source for His Biography. Book Review: Paltina, O.A. (ed.) (2018) *Izdaniya s Darstvennymi Nadpisyami v Kollektzii “Lichnaya Biblioteka M.M. Bakhtina” Natsional’noy Biblioteki Im. A.S. Pushkina Respubliki Mordoviya* [Publications with Dedicatory Inscriptions in the Collection “M.M. Bakhtin’s Personal Library” in the National Library of the Republic of Mordovia Named After A.S. Pushkin]. Saransk. 264 p.

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 164–178

DOI: 10.17223/23062061/26/10

Elizaveta G. Maslova, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: Maslova.eg@rea.ru

Svetlana A. Dubrovskaya, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: S.Dubrovskaya@bk.ru

Keywords: Mikhail Bakhtin, biography, personal library, dedicatory inscriptions, catalog.

The publication of the catalog of publications with dedicatory inscriptions is of great importance for the research of various aspects of the personality, biography and work of Mikhail Bakhtin. It provides new opportunities for clarifying and even revising certain facts of his biography. The authors note that despite all the efforts of Bakhtin's studies, his biography in many respects remains a mixture of real facts and various legends, and the task of creating a complete biography of the thinker is still far from being solved. The review highly appreciates the new publication, which reveals the potential of the collection of Bakhtin's library and especially books with dedicatory inscriptions as a source of historical and biographical information. It values any facts that can shed light on Bakhtin's daily life, his relationship with official academia, academic and research institutions, the degree of his recognition in the academic environment, the impact of his ideas on his contemporaries and younger generations of scholars. The first book in the list of donations to Bakhtin is dated 1943, and the most recent was given to him shortly before his death on February 1, 1975. The review introduces new documents, such as the inscriptions of Nikolai Lyubimov, a translator of the novel by Francois Rabelais, and Gennady Pospelov, a theorist and historian of literature. To a great extent, the history of the inscriptions becomes the story of the reception of Bakhtin's ideas, the attitude to his works and personality during several decades. This allows a researcher not only to clarify the specific facts of Bakhtin's biography, but also to understand some features of various periods of his life. The catalog contains 234 inscriptions on 227 books and 5 journals, each of which is valuable for researchers. It includes the illustrations and photographs of the books and journals containing these inscriptions, which increases the value of this book. So, if needed, a reader can compare the existing inscriptions and the proposed decryption. Each of the inscriptions given in the book deserves to be studied and considered in the context of Bakhtin's biography and works. Bakhtin's full biography has not yet been created, and the catalog allows not only clarifying certain facts of his biography and surrounding, but also clarifying certain scenarios of Bakhtin's relationship with formalists (Viktor Shklovsky, Lydia Ginzburg), with the scholars of the Moscow-Tartu Semiotic School (Yuri Lotman, Vyacheslav Ivanov), and with the representatives of official Soviet literary criticism (Leonid Timofeev, Alexander Revyakin). The review examines the inscriptions of Bakhtin's colleagues and students, Bakhtin's inner circle and their acquaintances (Ivan Kanaev, Judith Kagan, Mikhail Alpatov), and Bakhtin's "younger circle" (Vadim Kozhinov, Sergey Bocharov, Georgy Gachev). The authors draw the reader's attention to a remarkable detail of the digital era – the electronic version of the publication which has been available on the website of the National Library of the Republic of Mordovia named after A.S. Pushkin since 2020.

References

1. Osovskiy, O.E. (2015) [Rets.] Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 6 t. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur*, 1996–2012 [Review. Bakhtin M.M. *Collected Works: In 6 vols*]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 74(2). pp. 66–67.

2. Popova, I.L. (2009) *Kniga M.M. Bakhtina o Fransua Rable i ee znachenie dlya teorii literatury* [M.M. Bakhtin's book about Francois Rabelais and its significance for the theory of literature]. Moscow: IMLI RAS.

3. Popova, I.L. (2015) *Istoricheskaya poetika v teoreticheskom osveshchenii* [Historical Poetics in Theoretical Coverage]. Moscow: IMLI RAS.

4. Popova, I.L. (2017) Bakhtin i formalisty: ob odnom nezamechennom sluchae sblizheniya [Bakhtin and the formalists: On one unnoticed case of rapprochement]. In: Levchenko, Ya.S. & Pilshchikov, I.A. *Epokha "ostraneniya". Russkiy formalizm i sovremennoye gumanitarnoye znanie* [The era of "ostranenie". Russian formalism and modern humanitarian knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie. pp. 392–403.

5. Tamarchenko, N.D. (1997) Bakhtinskiy tezaurus: proekt [The Bakhtin thesaurus: a project]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Bakhtinskiy tezaurus: materialy i issledovaniya* [The Bakhtinsky thesaurus: materials and research]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 9–14.

6. Tamarchenko, N.D. (2011) *"Estetika slovesnogo tvorchestva" M.M. Bakhtina i russkaya filosofsko-filologicheskaya traditsiya* ["Aesthetics of verbal creativity" by M.M. Bakhtin and Russian philosophical and philological tradition]. Moscow: Kulagina.

7. Morson, G.S. & Emerson, C. (1990) *Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics*. Stanford: Stanford University Press.

8. Emerson, C. (1997) *The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin*. Princeton: Princeton University Press.

9. Clark, K. & Holquist, M. (1984) *Mikhail Bakhtin*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press.

10. Bocharov, S.G. (2001) Sobytiya bytiya: o M.M. Bakhtine []. In: Isupov, K.G. (ed.) *M.M. Bakhtin: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo M.M. Bakhtina v otsenke russkoy i mirovoy gumanitarnoy mysli* [M.M. Bakhtin: pro et contra: M.M. Bakhtin's personality and work assessed by Russian and world humanitarian thought: an anthology]. Vol. 2. St. Petersburg: Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta. pp. 277–294.

11. Bocharov, S.G. (1993) Ob odnom razgovore i vokrug nego [About one conversation and around it]. *Novoe literaturnoye obozrenie*. 2. pp. 70–89.

12. Kozhinov, V.V. (1992) "Kak pishut trudy, ili Proiskhozhdenie nesozdannogo avanturnogo romana" (Vadim Kozhinov rasskazyvaet o sud'be i lichnosti M.M. Bakhtina) ["How the works are written, or The Origin of an Uncreated Adventure Novel" (Vadim Kozhinov about the life and personality of M.M. Bakhtin)]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1. pp. 109–122.

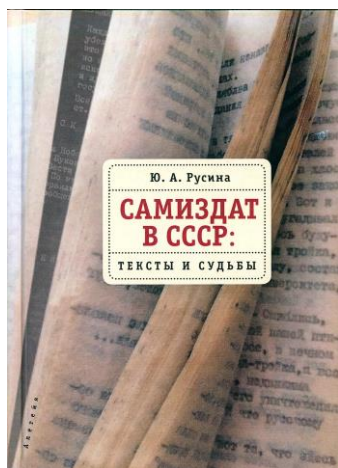
13. Nikolaev, N.I. (2000) Entsiklopediya gipotez (vstupitel'naya stat'ya) [Encyclopedia of Hypotheses (an introductory article)]. In: Pumpyanskiy, L.V. *Klassicheskaya traditsiya: sobranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical tradition: a collection of works on the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki rus. kul'tury. pp. 7–29.

14. Nikolaev, N.I. (2017) Teptelkin i drugie v romane Konst. Vaginova "Kozlinaya pesn'" [Teptelkin and others in K. Vaginov's "Goat Song"]. *Literaturnyy fakt*. 4. pp. 233–267.

15. Konkin, S.S. & Konkina, L.S. (1993) *M.M. Mikhail Bakhtin: stranitsy zhizni i tvorchestva* [Mikhail Bakhtin: Pages of life and work]. Saransk: Mord. kn. izd-vo.
16. Laptun, V.I. (2014) "Raspolagayte mnoyu po-druzheski..." (o godakh družby M.M. Bakhtina s G.S. Petrovym) ["Count on me as we are friends ..."] (about the friendship of M.M. Bakhtin and G.S. Petrov)]. *Strannik*. 2. pp. 187–193.
17. Laptun, V.I. (2019) "Menyalis' direktora – menyalos' otnoshenie..." (k voprosu vzaimootnosheniy M.M. Bakhtina s rukovoditelyami mordovskikh vuzov). Chast' I: 1936–1937 gg. ["Directors changed – the attitude changed ..."] (On the relations between M.M. Bakhtin and the Rectors of Mordovian Universities). Part I: 1936–1937]. *Tsentr i periferiya*. 2. pp. 24–32.
18. Maskimovskaya, L.M. (ed.) (1995–2019) *Nevel'skiy sbornik* [The Nevelsk Collection]. Vol. 1–25. St. Petersburg: [s.n.].
19. Pankov, N.A. (2009) *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bakhtina* [Issues of M.M. Bakhtin's Biography and Works]. Moscow: Moscow State University.
20. Ponomareva, E. N. & Stroganov, M. V. (1992) O prebyvanii M. M. Bakhtina v Kalininskoy oblasti [On M.M. Bakhtin's staying in Kalinin region]. In: Konkin, S.S. (ed.) *M. M. Bakhtin: problemy nauchnogo naslediya* [M.M. Bakhtin: problems of scientific heritage]. Saransk: Mordovian State University Press. pp.145–149.
21. Paltin, O.A. (ed.) (2018) *Izdaniya s darstvennymi nadpisyami v kolleksii "Lichnaya biblioteka M.M. Bakhtina" Natsional'noy biblioteki im. A.S. Pushkina Respubliki Mordoviya* [Publications with dedicatory inscriptions in the collection "M.M. Bakhtin's Personal Library" in the National Library of the Republic of Mordovia named after A.S. Pushkin]. Saransk: [s.n.].
22. Vasiliev, L.G. (1994) Takim ya ego pomnyu... [I remember him this way...]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 4. pp. 109–115.
23. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari.
24. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury.
25. National Library named after A. Pushkin of the Republic of Mordovia. [Online] Available from: <https://natlibraryrm.ru/elib/document/3535789/>

Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов

**ПОКОЛЕНИЕ САМИЗДАТА¹. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
РУСИНА Ю.А. САМИЗДАТ В СССР: ТЕКСТЫ И СУДЬБЫ /
Ю.А. РУСИНА. СПБ. : АЛЕТЕЙЯ ; ЕКАТЕРИНБУРГ : ИЗД-ВО
УРАЛ. УН-ТА, 2019. 204 с.**

Аннотация. Оценивается монография Ю.А. Русиной «Самиздат в СССР: тексты и судьбы», в которой рассмотрены материалы самиздата как собрание огромного количества документов разных жанров в контексте феномена инакомыслия в СССР. Рецензенты усматривают главную задачу исследования в интерпретации и аналитической обработке документов в качестве исторических источников. Самиздат представлен не только как запрещенная к публикации художественная литература, но и как результат социальной, политической, журналистской, правозащитной и другой деятельности в трех аспектах: как дополняющее официальную культуру явление XX в., как своеобразная самоорганизация, саморефлексия общества и как исторический источник,

дающий возможность изучения советского общества. Отмечается, что это дает возможность автору представить репрезентативную и достаточно полную картину российского самиздата.

Ключевые слова: определение, виды и содержание самиздата, исторический дискурс, журналы, самиздат в провинции, студенческая литературная и публицистическая периодика.

Самиздат – крайне самобытное явление в интеллектуальной и социально-политической истории нашей страны. Неслучайно наряду с такими словами, как гласность, перестройка, КГБ, слово «самиздат» не переводится на иностранные языки, но существует в форме кальки:

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

“samizdat”. Закономерно, что анализу истории его существования посвящена серия работ как собственно исследовательского, так и публицистического и мемуарного характера.

Основные из них квалифицированно аннотированы в монографии Ю. Русиной (см. раздел книги «Краткая библиография по истории советского самиздата»), а на четвертую страницу обложки вынесены точные формулы расшифровки явления и его значимости, данные видными деятелями самиздата: «Самсебяиздат» (Н. Глазков); «Сам сочиняю, сам редактирую, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю и сам отсиживаю...» (В. Буковский); «Единственно возможная форма преодоления государственной монополии на распространение идей и информации» (Л. Алексеева); «Специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде» (А. Даниэль).

Накопленный исследовательский опыт позволяет автору новой книги о самиздате в первой главе «Что такое самиздат и где он хранится?» выделить три бытующие в современной гуманитаристике точки зрения на самиздат. Во-первых, самиздат рассматривается как культурное явление XX в., как «другая», «вторая культура». В этом смысле он не противостоит официальной культуре, но дополняет ее. Во-вторых, самиздат исследуется в соотнесенности с понятием «общество», в качестве феномена самоорганизации, саморефлексии общества, является знаком интеллектуальной реакции и каналом информации. В-третьих, самиздат может быть рассмотрен и рассматривается как исторический источник, дающий возможность изучения советского общества и реакции его части на политику государства. Сразу заметим, что источниковедческий подход становится доминирующим в рецензируемой книге при уместном подключении двух других – культурологического и социологического.

В этой же преамбульной главе автор предпринимает попытку жанровой систематизации огромного документального самиздатовского массива, выделяя следующие его составляющие: художественная литература, сборники документов (судебные процессы, газетные публикации, отчеты о демонстрациях, письма протеста), периодические издания (журналы), мемуары и воспоминания диссидентов, философские, исторические, социально-политические и публицистические

произведения. Очевидно, что жанровая систематика в данном случае дополняется и смешивается с типом издания. Так, журналы могут включать в себя и публицистику, и документальные свидетельства, и мемуарную прозу. Однако обобщающий вывод главы в какой-то мере снимает возникшую неточность и подготавливает дальнейшее развертывание научного сюжета: «...самиздат – это обширный культурный пласт с множеством слоев разнородных мнений, взглядов, поведенческих проявлений. Он вместил в себя историю оппозиционной мысли и действий правозащитников, инакомыслящих и несогласных с их драматическими судьбами. Словосочетание “текст самиздата” подразумевает не только некий письменный документ, но и широкую палитру жизни позднего социалистического общества, говорящую о состоянии его умов, творческом потенциале, политических представлениях и спектрах разномыслия» [1. С. 26].

Монография, в названии которой точно определено явление и место его существования, – «Самиздат в СССР» – несет и важное смысловое уточнение – «книги и судьбы», что указывает на ее двойную цель: исследование не только результатов гражданской деятельности официально преследуемой части поколения, избавившейся от страха перед «мертвой буквой закона» (Б. Пастернак) в годы войны и послевоенного десятилетия, но драматичной, порой трагической судьбы его представителей. В книге ощутимо проступает поколенческий сюжет: самиздат создавался яркими и дерзкими представителями поколения «оттепели». В этом смысле показательна вторая глава книги «Виды и содержание самиздата». Точно отобранный материал, составивший ее параграфы (2.1. Открытые письма, обращения и заявления протеста; 2.2. Материалы судебных процессов; 2.3. Сборники документов), позволил автору, кроме ввода и анализа редкого документального материала, показать стойкость «детей оттепели» в отстаивании своей правды, защите своих соратников во всех возможных формах: от протестных писем, необходимость появления которых была вызвана арестами (например, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, П. Григоренко), до составления сборника о политических процессах, знаменитой «Белой книги».

Убедительно и глубоко показаны причины, по которым приговоренные настаивали на своем праве – последнем слове обвиняемого, дабы публично, последовательно и аргументированно обосновать свою

гражданскую позицию. Автор характеризует (а порой просто упоминает) последние слова Ю. Даниэля, А. Синявского, В. Буковского, Л. Богораз, П. Литвинова, В. Делоне, В. Дремлюга, К. Бабицкого, А. Амальрика, В. Кукуя. По справедливой оценке исследователя, «последнее слово обвиняемого в контексте изучения инакомыслия в СССР можно рассматривать как разновидность исторического источника, содержащего уникальную информацию. Значение этих материалов подтверждается их местом в самиздате, где они распространялись как автономные документы. Исследование идей диссидентского движения, его персонального состава невозможно без привлечения этих заключительных аккордов политических процессов, которые ярко характеризуют личность обвиняемого, иногда истоки его инакомыслия, цели оппозиционных действий и т.п.» [1. С. 68].

В третьей и четвертой главах монографии «Журналы в самиздате», «Самиздат в провинции: студенческая литературная и художественно-публицистическая периодика» Ю. Русина не только детально описывает названные проблемы, но способами их решения углубляет и / или намечает несколько научных сюжетов, предполагающих возможность дальнейшего изучения материала, взятого для анализа.

Так, определяя значимость периодических изданий («Появление нелегальных журналов означало, с одной стороны, качественный рост и развитие самого самиздата, а с другой – организационное оформление различных оппозиционных движений» [Там же. С. 82]), показывая все разнообразие оттенков независимой мысли в неподцензурных изданиях («...журналы социально-политического, национального и религиозного содержания: “Политический дневник”, “Общественные проблемы”, “Вече”, “Вестник спасения”, “Исход”, “Вестник Исхода”, “Белая книга исхода” и др.» [Там же. С. 99]), автор особое внимание уделяет «самому большому достижению правозащитников» – бюллетеню «Хроника текущих событий». Фактически первый выпуск «Хроники текущих событий» рассмотрен Ю. Русиной как целостный текст: от рубрикатора до определения смысловой стратегии журнала и тактики компоновки материала, т.е. в рамках той методики анализа, которая в свое время была предложена в главе «Один номер “Колокола”» в книге Н.Я. Эйдельмана «Герценовский “Колокол”» [2]. Историк представил номер периодического издания, который, возможно, является первым прецедентом российского «тамиздата», что называ-

ется «от корки до корки»: от титульного листа до последней страницы, от поэтики названия до особенности шрифта, от структуры до объявленной цены, от содержания именно этого 64-го номера от 1 марта 1860 г. до соотнесенности его с другими номерами – шире – основной направленностью журналистской деятельности Герцена и Огарева. Сами приемы интерпретации свидетельствуют о том, что Н.Я. Эйдельман рассматривает «Колокол» как текст, несущий формально-смысловое единство, что характерно и для анализа одного номера «Хроники...», предпринятого Ю. Русиной, более того (и в этом видится продвижение вперед научной мысли), показано, что целостность, смысловое единство каждой журнальной книги предопределены направлением журнала, его общей политической стратегией [3]. А характеристика самиздатовского журнала «Вече» буквально наталкивает исследователей, занимающихся историей «толстого» журнала в России, на научную гипотетически продуктивную идею сравнительного анализа постановки и решения социально-политических проблем в легальных, но оппозиционных режиму и неподцензурных журналах, скажем сопоставление позиции в споре западников и славянофилов на страницах «Нового мира» и реакции оппозиционного сообщества на материалы, публиковавшиеся в журнале «Вече».

Анализ «Хроники...», «Вече», других достаточно многочисленных журналов самиздата («Политический дневник», «Общественные проблемы», «Вестник спасения», «Исход», «Вестник Исхода», «Белая книга Исхода» и др.), в том числе и журналов «второй культуры» («37», «Часы», «Обводной канал», «Метродор», «Сумма», «Надежда» и др.), позволяет автору документально подтвердить известное высказывание И. Шафаревича на пресс-конференции 14 ноября 1974 г. о сборнике «Из-под глыб»: «При всем разнообразии оттенков независимой мысли в нашей стране одно положение принимается почти единодушно: основной, решающей причиной, препятствующей нашему нормальному развитию, признается недостаток свободы» [4].

В аспекте креативного потенциала рецензируемой монографии особого внимания заслуживает ее заключительная четвертая глава «Самиздат в провинции: студенческая литературная и художественно-публицистическая периодика». Студенческие рукописные и машинописные журналы, типичное явление для советских вузов 1950 – начала 1960-х гг., с одной стороны, стали предвестниками политиче-

ского самиздата, с другой – следствием того творческого и духовного подъема, который вызвало разоблачение культа личности. На первых страницах книги автор неоднократно обращает внимание на то, что «самиздат даже в современной интеллектуальной среде часто ассоциируется только с запрещенной к изданию художественной литературой, в то время как социально-политические самиздатские тексты обладают огромным информационным потенциалом и общественной значимостью» [1. С. 7]. Неоднократное указание на разнообразие литературы самиздата часто сопровождается акцентом на необходимость внимания к его «нехудожественным» пластам: «Действительно, существование самиздата напрямую связано с цензурой, но является он не только в форме художественного произведения, а мог быть и публицистическим, и религиозным, и научным историческим или философским текстом, и аудиозаписью и др.» [Там же. С. 11].

Углубленный, основанный на кропотливой работе в архивах анализ самиздата не столичной, но региональной локации обнаруживает проницаемость границ между политическими высказываниями и творческим волеизъявлением. Уже первый параграф главы, посвященный самодеятельному литературному альманаху Уральского государственного университета с непритязательным, но знаковым названием «Наше творчество», строится на обрисовке конфликта между окрыленными победой фронтовиками и рано повзрослевшими во время войны школьникам, которые пришли в послевоенные вузы и за знаниями, и с надеждой на самовыражение, и партаппаратом и комсомольским активом, которым студенческое творчество представлялось «идейно чуждым по своему идейному содержанию». Вузовская оппозиционность, вызванная «закручиванием гаек» в послевоенное десятилетие, с одной стороны, реализовалась, и это доказано анализом архивных материалов, в «создании конспиративных кружков и подпольных студенческих групп, имеющих программные документы» [Там же. С. 144], с другой – проявляла себя в творческом инакомыслии, о чем свидетельствует характеристика самиздатовских журналов «Всходы» и «В поисках», и в самой атмосфере студенческих «умов брожений», когда публичная лекция студента-филолога УрГУ могла быть названа «Сон и сновидения», а финальный аккорд ее звучал как анекдотический афоризм: «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – великий организатор массовых снов и сновиде-

ний» [1. С. 145]. Тот же принцип языковой игры (нарушение горизонта ожидаемого) характерен и для «невинного» печатного органа – студенческой стенгазеты: «“Никакая партия не заменит ум, честь и совесть”, – афоризм, родившийся в редколлегии “Боевого органа комсомольской сатиры” (БОКС), стенгазеты Уральского политехнического института (УПИ) второй половины 1950-х гг.» [Там же. С. 159], анализ которой является безусловной находкой Ю. Русиной. По справедливому замечанию автора, «стенгазета – явление уникальное. В отличие от классического самиздата она создается в единственном экземпляре и доступна читателю сравнительно недолгий срок. В то же время – это “голос снизу”, способ выразить свое мнение, донести его до власть имущих и единомышленников одновременно» [Там же]. Добавим, что атмосферу свободомыслия поддерживали и лекции, читаемые на филфаке Уральского университета, на которых цитировались и анализировались (без называния имен и произведений) «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Повесть непогашенной луны», «Заблудившийся трамвай»... Список можно продолжить.

Оппозиционность творческой и технической молодой интеллигенции 1950–1960-х гг. являла себя и широко ходившим в ее среде самиздатом, не только столичного происхождения, но создаваемым «на местах». Конечно, это был прежде всего литературный самиздат в его разнообразном материальном воплощении: переписанный от руки «Реквием» А. Ахматовой, фотокопии «Доктора Живаго» Б. Пастернака, перепечатанные на машинки «Письма к Тесковой» М. Цветаевой, переплетенные в книги стихотворения Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Слуцкого, песни В. Высоцкого, А. Галича, скетчи М. Жванецкого (в последних случаях активно подключались и магнитофонные записи).

Несколько слов о том, как написана книга. Ей свойственно некое внутреннее противостояние: нарочитая сухость изложения, установка на максимальную объективность, позиция «вненаходимости» автора в материале сталкивается с потаенной, но прорывающейся взволнованностью, сопереживанием исследователя судьбам героев самиздатовского движения. Знаки напряжения между научной логикой и эмоциональным отношением к описываемым сюжетам «разбросаны» по всей книге. Это и эпиграфы к каждой главе, нередко стихотворные. Например, глава «Самиздат в провинции: студенческая литературная и художественно-публицистическая периодика» предваряется эпигра-

фом из Ц.К. Норвида в переводе В. Рутминского, литератора, серьезно пострадавшего за свою привязанность и пропаганду поэзии Серебряного века: «Как много их тут... Генералы, пехота, / Полиция вида и сорта любого... / На что же идет здесь такая охота? / Всего лишь на несколько мыслей... Не ново!» [1. С. 132]. Это могут быть неожиданные, но точные оценочные характеристики: «...история “Хроники” – это один из самых ярких фактов истории правозащитного движения. <...> В итоге журнал приобрел репутацию очень *аккуратного источника* информации о нарушении прав человека в СССР и правозащитном движении» [Там же. С. 82, 83–84]. Наконец (думается, не без влияния материала), автор умело использует прием переключки времен, анализируя, например, опубликованный в 9-м выпуске «Общественных проблем» актуальный и ныне документ – «Хартию научных работников»: «В документе подчеркивается, что задача организации, планирования научной деятельности и руководства ею, имеющая свою специфику, чтобы быть успешно решенной, должна опираться на особые методы по сравнению, например, с административной или торговой сферой» [Там же. С. 108].

В заключение отметим, что монография Ю. Русиной актуализирует и тем самым возвращает интерес к двум моментам: источниковедческой методологии для изучения российского самиздата и огромному пласту далеко еще не описанной региональной литературы инакомыслия. При обращении и изучении исторических источников легко попасть под обаяние свидетельств, созвучных исследователю по своему характеру и содержанию, чего счастливо смогла избежать Ю. Русина. Приемы ее исследования – «обращение к научно обоснованным методикам проверки <...> достоверности, сравнение с другими источниками, привлечение максимально полного комплекса сохранившихся материалов, учет характеристик видовой классификации» [Там же. С. 170] – позволяют вполне доверять объективности ее выводов.

Литература

1. Русина Ю.А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. СПб. : Алетей ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 204 с.
2. Эйдельман Н. Герценовский «Колокол». М. : Учпедгиз, 1963. 104 с.
3. Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. Феномен российского литературно-художественного журнала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 143 с.

4. Шафаревич И. О сборнике «Из-под глыб». URL: <http://shafarevich.voskres.ru/a32.htm> (дата обращения: 15.05.2020).

The Samizdat Generation. Book Review: Rusina, Yu.A. (2019) *Samizdat v SSSR: Teksty i Sud'by* [Samizdat in the USSR: Texts and Destinies]. St. Petersburg: Al-teyya; Yekaterinburg: Ural Federal University

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 179–189

DOI: 10.17223/23062061/26/11

Tatiana A. Snigireva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tas0905@rambler.ru

Alexey V. Podchinenov, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: A.V.Podchinenov@urfu.ru

Keywords: definition, types and content of samizdat, historical discourse, magazines, provincial samizdat, student literary and journalistic periodicals.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-512-23003.

Samizdat materials are a huge collection of documents of different genres that can be viewed in the context of the dissident phenomenon in the USSR. Only the latest decade saw the intensive growth of scientific interest to this phenomenon, and, therefore, these historical records require further interpretation and analysis; the latter became the main purposes of the monograph reviewed. The study combines both theoretical and historical aspects of studying Soviet samizdat. The term “samizdat” is understood in its wider sense, not only as fiction prohibited for publication, but also as a product of social, political, journalistic, human rights and other activities. At the same time, emphasis is placed on historical sources that allow documenting the human rights process. Samizdat is considered in three aspects: as a phenomenon of the 20th century supplementing official culture; as a kind of self-organization, self-reflection of society, a sign of intellectual reaction and an information channel; and as a historical source that makes it possible to study Soviet society and its reaction to state policy. This enables the author to present a representative and fairly complete picture of Russian samizdat. The notion “samizdat” is thoroughly analyzed, as well as the problem of the scientific classification of samizdat documents. The new classification system is demanded to be more detailed, presenting a complex structure, which takes into account various types and content of these historical sources. Working out a well-developed classification should ensure the use of available sources and their information potential. The book describes the sources of some varieties of samizdat documents: open letters, appeals and statements of protest, court proceedings, collections of documents. In a separate chapter, self-published magazines are analyzed as one of the most convincing manifestations of the various opposition movements organizational design. Particular attention is paid to the bulletin *A Chronicle of Current Events*, which has played an important role in reporting on human rights violations, disseminating the ideas of human rights

defenders and maintaining links between human rights groups and organizations as a consolidating information center. The first issue of the *Chronicle* of 1968 is presented in the book as a holistic text, from the list of headings to the definition of the semantic strategy of the periodical, its tactics of layout and design, which allows us to correlate it with the legendary Herzen's *Kolokol* [Bell] both in design and in its impact on public consciousness. The bulletin structure and its main sections were formed from the first issues: "Courts", "Arrests", "Extra-Judicial Prosecutions", "Searches and Interrogations", "In Prisons and Camps", "In Psychiatric Hospitals", "Persecution of Believers", "Right to Leave", "Jewish Movement", "Through the Pages of the Soviet press", "In Exile", "Official Documents", "Samizdat News", etc. The analysis of other quite numerous samizdat magazines (*Politicheskii Dnevnik* [Political Diary], *Obshchestvennye Problemy* [Social Problems], *Veche*, *Vestnik Spaseniya* [Herald of Salvation], *Iskhod* [Exodus], *Vestnik Iskhoda* [Herald of Exodus], *Belaya Kniga Iskhoda* [White Book of Exodus], etc.), including the "second culture" ones (37, *Chasy* [Clock], *Obvodnoy Kanal* [Bypass Channel], *Metrodor*, *Summa* [Sum], *Nadezhda* [Hope], etc.), allows the author to document the well-known statement of Igor Shafarevich that with all the various shades of independent thought in our country, the unifying principle was the feeling of lack of freedom. The author pays attention to historical discourse aimed at analyzing social and political processes via studying samizdat authors' and developers' biographies, as well as to the history of the texts. Biographies are given briefly, most often in the form of page footnotes, but their presence adds "humanity" to historical and documentary research (for example, biographies of V. Krasin, V. Chelidze, Yu. Shikhonovich, V. Rutminsky, Gr. Fedoseev, etc.). The book discusses the main varieties of social and political samizdat – "classic" and little-studied samizdat texts. Considerable attention is paid to "provincial" students' literary and journalistic amateur periodicals of Sverdlovsk. The almanac *Nashe Tvorchestvo* [Our Creativity] (Ural State University, 1946–1949), *Vskhody* [Shoots], *V Poiskakh* [In Search] (Ural State University, 1956), the Ural Pedagogical Institute wall newspaper *BOKS* (*Boevoy Organ Komsomol'skoy Satiry* [Komsomol Satire Combat Organ], 1943–1960) are analyzed for the first time in the all-Union context. Student manuscript and typewritten magazines, a typical phenomenon for Soviet universities of that time, on the one hand, became the harbingers of political samizdat, on the other hand, a consequence of the creative and spiritual upsurge that caused the exposure of the personality cult. The book concludes with a brief bibliography on the Soviet samizdat history and an appendix including well-known examples of samizdat texts ("I Can't Be Silent!" by P. Grigorenko, "The Final Word of the Accused Bukovsky", "The White Book of Exodus" (1972)), as well as unique graphic jokes of BOKS.

References

1. Rusina, Yu.A. (2019) *Samizdat v SSSR: teksty i sud'by* [Samizdat in the USSR: texts and destinies]. St. Petersburg: Aleteyya; Yekaterinburg: Ural Federal University.

2. Eydelman, N. (1963) *Gertsenovskiy "Kolokol"* [Herzen's "The Bell"]. Moscow: Uchpedgiz.

3. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (2018) *Fenomen rossiyskogo literaturno-khudozhestvennogo zhurnala* [The phenomenon of the Russian literary and art magazine]. Yekaterinburg: Ural Federal University.

4. Shafarevich, I. (n.d.) *O sbornike "Iz-pod glyb"* [About the collection "From under the boulders"]. [Online] Available from: <http://shafarevich.voskres.ru/a32.htm> (Accessed: 15th May 2020).

Н.С. Цветова

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: ШАРАФАДИНА К.И.
«СЕЛАМ, ОТКРОЙСЯ! ФЛОРОПОЭТИКА В ОБРАЗНОМ
ЯЗЫКЕ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».
СПБ. : НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2018. 544 с.**

Аннотация. Обращается внимание на интеграционную междисциплинарную методологию, в первую очередь междисциплинарность исследовательского алгоритма, позволившего известному ученому по-новому осмыслить и презентовать текстовое воплощение принципа корреляции «текста жизни» «текстом культуры», приблизиться к постижению «полигенетизма» флористических компонентов литературного сюжета. Главным достижением обладающего значительным исследовательским опытом литературоведа рецензент считает создание концепции оригинальной, во многих отношениях новаторской исследовательской практики – «флоропоэтологии». Подчеркивается ценность предложенных автором монографии вниманию широкого круга читателей уточненных переводов и подстрочников франко- и англоязычных текстов, архивных материалов.

Ключевые слова: интеграционная междисциплинарная методология, «текст жизни», «текст культуры», флористические компоненты, флоропоэтология.

Профессор К.И. Шарафадина – основатель одного из интереснейших научных направлений – флоропоэтики. В новой монографии известного исследователя это направление обретает дополнительную энергию, обусловленную уверенностью ученого в том, что «корни “языка цветов” как культурной практики уходят на Восток» [1. С. 5].

Вынесенная в название серьезной литературоведческой работы языковая игра таит глубочайшие смыслы, символические и непосредственно связанные с реальностью. «Сезам, откройся!» – известное любому культурному человеку заклинание из старинной восточной

сказки. Но предметное значение ключевого в этом изречении слова давно забыто. Давно забыто, что таинственный *Сезам* (по всей видимости, прозаический кунжут) – начинка одного из арабских лакомств, скрытая от вожделеющих несколькими оболочками. Но хорошо помнится, что с помощью именно этого призыва разбойники открывали пещеру, в которой хранились несметные богатства. Так в результате превращений таинственная фраза обрела глубину и объемность метафоры. Автор монографии настаивает на том, что в европейской литературной традиции «пришедший с Востока шифр» был редуцирован до растительного кода [1. С. 6]. Характер редукции как раз и зафиксирован в языковой игре: турецкое слово «селам» переводится как «привет». Ключевое намерение профессора К.И. Шарафадина – расшифровка поэтического приветов, который звучал в «озорных репликах» Гёте, в «немых» письмах викторианской эпохи, в признаниях красавиц пушкинской поры, в снах Софьи Фамусовой, в стихах А. Фета, в прозе Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, А.П. Чехова, в пьесах А.Н. Островского... В этом огромном перечислительном ряду отражается логика сложнейшего четырехчастного исследовательского сюжета, который начинается с расшифровки «цветочного наречия» выдающимися представителями не только европейских культур, но и американской, и завершается развернутым анализом эволюции «Русского Селама» от «Онегинского букета» до современных молодежных дискуссий на просторах Рунета, «где современные молодые люди 18–19 лет горячо и заинтересованно обсуждают символические букеты, в тайны которых были посвящены их прабабушки» [Там же. С. 476].

Первое, что поражает при чтении этой книги – эрудиция автора, способного учесть при исследовании структуры словесного образа ритуально-этикетную культуру и этнокультурный менталитет разных европейских народов в чрезвычайно значительном и сложном для исследователя историко-литературном диапазоне.

Второе показательное свойство монографии – междисциплинарность исследовательского алгоритма. Причем это особый тип междисциплинарного исследования, при создании которого совмещались не только наработки национальной компаративистики (мечта М.М. Бахтина и многих его последователей), исторической поэтики, классической компаративистики, наконец, этнолингвистики, но и ботанические,

культурологические (в том числе и бытовые, этикетные) аспекты. Такой подход дал возможность исследователю максимально приблизиться к постижению «полигенетизма» флористических компонентов литературного сюжета.

Нельзя игнорировать и то, что вводятся в научный оборот материалы, хранящиеся в рукописных отделах Российской национальной библиотеки, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Автор предлагает вниманию профессионального сообщества уточненные переводы и подстрочники франко- и англоязычных текстов. Кроме того, в первом приложении «Спор цветов» – пример использования Александровского букета в аллегорических «цветочных часах», зафиксированный в изданной в давние времена в Санкт-Петербурге на немецком языке брошюре. Во втором – может быть, еще более интересный и значительный «Селамный список», изданный Д.П. Ознобишиным в 1830 г. в российской же столице.

Но главное – авторитетному, обладающему значительным опытом литературоведу удалось во всей полноте и с огромной убедительностью представить концепцию собственной, во многих отношениях принципиально новой исследовательской практики. Название этой практики – вводимый в научный дискурс профессором К.И. Шарафдиной термин «флоропоэтология», который объединяет несколько ракурсов прочтения литературного текста: «это и определение поэтологических устремлений писателей при обращении к флоросимволике, и попытка создания целостного, систематического учения о генезисе и филиации растительно-цветочных символов», которое дает возможность вслушаться в «большой флородиалог, разворачивающийся в мировой литературе» [1. С. 6]. Как показывает опыт автора монографии, такой тип прочтения-расшифровки литературного текста требует не просто огромных знаний и трудовых затрат, но и тончайшего чувства слова, зрелого поэтического мировосприятия, бережного и ответственного отношения к литературному тексту. И тогда рождаются такие страницы, как, например, фрагмент, посвященный миниатюре А. Фета «Хоть нельзя говорить...». В этом фрагменте исследователь обнаруживает и преподносит читателям и почитателям великого русского лирика многоуровневую, сквозную «пахучую рифму», положенную в основу сюжета небольшого по объему стихотворения, презентующего новеллу о любви и решении судьбы, которая, как становится

ясно после «расшифровки», глубоко связана с сюжетом эпохальной картины В. Пукирева «Неравный брак».

Не меньший интерес вызывает предложенное прочтение «рокайльно-игрового начала» мадригала «Красавица...», который в свое время комментировали В.Г. Белинский, С.П. Шевырев, позже авторитетные В.С. Непомнящий, Е.А. Маймин... И таких удач в книге К.И. Шарафединой много, их можно долго перечислять, но остановимся, чтобы не сбиться на пересказ.

Наконец, еще один элемент издания, о котором нельзя умолчать – иллюстрации. Основная их часть – замечательно выполненные репродукции картин Дж. Фредерика Льюиса, Ф.П. Толстого, Я.К. Утрехта, Ф. Буше, Ф.С. Рокотова, В.Л. Боровиковского, О.А. Кипренского, К. Робертсона, Ж.Л. Монье, А.Г. Венецианова, Н. Рылова. Особая интонация авторского монолога подчеркнута фотографиями старинных новогодних открыток с цветочными мотивами; салфеточек, расшитых мелким бисером. Может быть, самое трогательное – буквицы Александровского букета из «Цветочных часов», которые мы уже упоминали.

Кому адресована и будет полезна эта удивительная, необычная книга? В первую очередь тем исследователям мировой литературы, которые занимаются мифопоэтикой. Но не только. Это полезное чтение для всех, кто склонен к постижению глубины художественного текста, эволюции культуры и человеческих взаимоотношений. Иными словами, книга адресована всем тем, кто привык задумываться над тайнами мира сего.

Литература

1. Шарафадина К.И. Селам, откройся! Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб. : Нестор-История, 2018. 544 с.

Book Review: Sharafadina, K.I. (2018) *Selam, otkroysya! Floropoetika v Obraznom Yazyke Russkoy i Zarubezhnoy Literatury* [Selam, Open Up! Floropoetics in the Figurative Language of Russian and Foreign Literature]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 190–194

DOI: 10.17223/23062061/26/12

Natalia S. Tsvetova, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: cvetova@mail.ru

Keywords: Sharafadina, polygenetics, plant code, floropoetology.

The reviewer draws attention to the author's integrative interdisciplinary methodology. First of all, it is the interdisciplinarity of the research algorithm, which allowed the well-known scholar to conceptualize and present the textual embodiment of the correlation of the "text of life" by the "text of culture" in a new way. This approach allows the author to comprehend the "polygenism" of floristic components of a literary plot. The reviewer considers the creation of the concept of an original and, in many respects, innovative research practice – floropoetology – to be the main achievement of the author, a literary critic with significant research experience. The author proposes refined translations and subscripts of French and English texts, archival materials, which adds to the value of the work. The book is intended for a wide range of readers.

References

1. Sharafadina, K.I. (2018) *Selam, otkroysya! Floropoetika v obraznom yazyke russkoy i zarubezhnoy literatury* [Selam, open up! Floropoetics in the figurative language of Russian and foreign literature]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Иван Олегович – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник лаборатории «Компаративистика и имагология» Томского государственного университета.

E-mail: wolkoviv@gmail.com

Глазкова Анна Валерьевна – кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры программного обеспечения Тюменского государственного университета.

E-mail: anna_glazkova@yahoo.com

Долгушин Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы и кафедры истории, культуры и искусств Новосибирского государственного университета.

E-mail: D_Dolgushin@mail.ru

Дубровская Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

E-mail: S.Dubrovskaya@bk.ru

Зылевич Дина Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательских технологий Белорусского государственного технологического университета.

E-mail: din-a@tut.by

Комуцци Людмила Владимировна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории и практика перевода Севастопольского государственного университета.

E-mail: ltataru@yandex.ru

Маслова Елизавета Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

E-mail: Maslova.eg@rea.ru

Подчиненов Алексей Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета.

E-mail: A.V.Podchinenov@urfu.ru

Пржигоцкий Владислав Александрович – аспирант Томского государственного университета.

E-mail: hoa1d@mail.ru

Сквайрс Екатерина Ричардовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского Отдела редких книг Российской государственной библиотеки (Москва); профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: skvayrs@gmail.com

Снигирева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета.

E-mail: tas0905@rambler.ru

Харитонов Владимир Владимирович – кандидат философских наук, исполнительный директор Ассоциации интернет-издателей, старший научный сотрудник Гуманитарного университета (Екатеринбург).

E-mail: vharitonov@gmail.com

Цветова Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: cvetova@mail.ru

Шум Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и издательского дела Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

E-mail: shum_olga@list.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 26]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском / немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предворяется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:
 - английский вариант инициалов и фамилии автора;
 - перевод названия своей организации;
 - перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

- автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

- перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);

- ученая степень, ученое звание;

- должность и место работы / учебы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

- специальность (название и номер по классификации ВАК);

- телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне*.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

* По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал
ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING

2021. № 26

Редактор Е.Г. Шумская
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Подписано в печать 12.08.2021 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 12,5; усл. печ. л. 11,6.

Тираж 50 экз. Заказ № 4752. Цена свободная

Дата выхода в свет 19 августа 2021 г.

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru